

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

О. И. Жигалина

**Национальное
движение
курдов
в Иране
(1918 - 1947 гг.)**



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1988

Ответственный редактор
М. А. ГАСРАТЯН

Рецензенты
Г. С. ЕФРЕМОВА, М. С. ЛАЗАРЕВ

В монографии освещаются становление и развитие курдского национального движения в Иране в 20—40-е годы XX в. Рассматриваются демография курдов Ирана, особенности социально-экономического развития Иранского Курдистана, национальное движение курдов Ирана в годы правления Реза-шаха, в период второй мировой войны и в первые послевоенные годы.

Ж $\frac{0803000000-091}{013(02)-88}$ 148-88

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1988.

Национальный вопрос, его внутренние и внешние аспекты, проблемы социально-экономического и политического развития национальных меньшинств, их борьба за свои права, за административную и культурную автономию — один из объектов комплексного исследования исторического процесса в странах Азии и Северной Африки. Во многом это касается таких многонациональных государств, как Иран, где национальные меньшинства составляют около половины населения, а их движения — неотъемлемую черту политической жизни страны.

На протяжении почти всего новейшего времени политическая обстановка в национальных районах этого многонационального государства отличалась нестабильностью, взрывоопасностью, нередко выливалась в открытые конфликты между меньшинствами и центральным правительством. Курды в этом отношении не являются исключением. Национальная ситуация в районах расселения курдов в шахском Иране также характеризовалась нестабильностью, поскольку курды принадлежали к числу наиболее политически активных племенных группировок Ирана¹.

Курдский вопрос является важной частью национального вопроса в Иране. Под курдским вопросом в настоящей работе подразумевается конфликт между курдами и правящим в рассматриваемый период шахским режимом, не желавшим предоставить им право на социально-экономическое, политическое и культурное развитие наравне с доминирующей персидской нацией. Как справедливо подчеркивает М. С. Лазарев, «с момента своего возникновения курдский вопрос стал одной из самых сложных национальных и международных проблем, постоянно дающей о себе знать, часто обостряющейся, приводящей к острым, кровопролитным и длительным конфликтам» [75, с. 4—5].

Процесс интеграции курдов в Иране был связан со спецификой исторического развития районов их расселе-

ния. Несмотря на важность центростремительных факторов, достижение определенной близости между курдами и доминирующим этносом — персами не означало подлинного единства и не являлось показателем тождества интересов.

Курды в Иране по своей численности занимали второе после азербайджанцев место среди населения национальных окраин и принадлежали к числу наиболее бесправных народов. В силу того, что Иранский Курдистан расположен на стыке границ трех государств (Ирана, Ирака и Турции), курдское движение в Иране оказывалось под воздействием самых разнообразных политических и идеологических влияний. Качественно новый этап курдского движения начался после Великой Октябрьской социалистической революции. Одним из показателей этого явились прогрессивные сдвиги в идеологии курдского национально-освободительного движения.

В 20-е годы политикой централизации [86, с. 47—48] были охвачены и районы расселения курдов. Иранские власти не признавали курдское меньшинство и наличие курдского вопроса, как такового, и свою политическую линию в отношении курдов строили на утверждении, что «курды — это те же персы». Великодержавно-шовинистический подход правящих классов Ирана к курдскому вопросу способствовал утверждению в стране представления о курдах как о народе, который обязан быть послушен персам и аккуратно платить налоги шахским чиновникам.

Что же касается курдских феодалов, то они в этот период игнорировали власть центрального правительства, оставаясь полноправными хозяевами Иранского Курдистана. Разумеется, это не устраивало иранскую буржуазию, заинтересованную в прочном централизованном государстве, способном обеспечить ей нормальные условия для развития торговли и промышленности, в создании единого национального рынка.

Политика централизации в Иранском Курдистане особенно активизировалась после 1925 г. с воцарением на иранском престоле Реза-хана. В своем стремлении подчинить племена, в том числе курдские, Реза-шах «заклучал курдов в тюрьмы и казнил их лидеров, конфисковал оружие, но он никогда не мог искоренить их стремление к независимости» [153, с. 89]. Курдская речь и ношение национальной одежды рас-

считались как проявление непатриотических чувств. Курдские племена насильно переселяли из районов их исконного обитания в другие, более доступные полицейскому надзору области страны.

Такой правительственный курс, ущемление национальных прав курдов вызывали всеобщее недовольство иранской администрацией. В Иранском Курдистане постоянно возникали отдельные выступления, временами грозившие перейти во всеобщее восстание против иранских властей. Однако вплоть до 40-х годов движение курдов Ирана не имело авторитетного руководства, не было политической организации, способной объединить силы повстанческого движения для совместной борьбы.

20—40-е годы явились важным этапом социально-экономического и политического развития Иранского Курдистана. Это был переломный период в развитии курдского общества, когда под воздействием централизаторской деятельности правящих кругов Ирана в курдских районах происходила ломка феодального аграрного строя и возникновение раннекапиталистических отношений.

Эта проблема исследовалась советскими и зарубежными ориенталистами. Однако уровень современной науки требует новых подходов и оценки ряда важнейших вопросов истории курдов. Населяя территорию, по которой проходят государственные границы Ирана, Ирака, Турции и Сирии, они были объектом особого внимания этих стран, а также британского империализма и германской агентуры накануне и в период второй мировой войны. Империалистические державы и реакционные группировки внутри Ирана придавали большое значение союзу с феодальной верхушкой курдских племен, принимали попытки использовать их в подавлении демократического и национально-освободительного движения, а также и для давления на центральное правительство.

В пределах доступного материала автор стремился показать развитие курдского общества в Иране 1918—1947 гг., особенности его социально-экономической эволюции, специфические черты курдского национально-освободительного движения, а также важнейшие сдвиги в развитии процессов классовообразования, внутренние и внешние, социально-экономические и политические предпосылки роста (в рассматриваемый период) курдского движения, основные прогрессивные и консервативные течения в

этом движении, их социальное содержание и политические возможности.

Предлагаемая работа, разумеется, не претендует на исчерпывающее освещение всех вопросов. Ряд положений выдвинут в ней лишь в порядке обсуждения и в плане постановки.

Методологической основой при написании данной монографии послужили труды классиков марксизма-ленинизма, в особенности работы В. И. Ленина по национальному вопросу, материалы XXVII съезда КПСС, документы и материалы международных совещаний коммунистических и рабочих партий. Автором использованы русские, английские и персидские источники и литература, а также архивные материалы и периодическая печать. Важные сведения, касающиеся социально-экономических отношений и национального движения курдов Ирана, почерпнуты из трудов отечественных иранистов довоенного и послевоенного поколений.

Глава I

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДЕМОГРАФИИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИРАНСКИХ КУРДОВ

Курды в Иране издавна населяли районы, расположенные в северо-западной части страны, которые в данной работе мы будем называть Иранским Курдистаном. Этот район представляет собой главным образом горную страну, образованную Курдистанским хребтом и северной частью гор Загроса. Горы обеспечивают повышенную влажность, что в известной мере смягчает резкие переходы континентального климата, с жарким летом и суровой снежной зимой. Горные склоны и долины богаты лесами. Здесь располагаются и фруктовые сады. Выше идут высокогорные альпийские пастбища — основа широко развитого скотоводства, являвшегося наряду с земледелием основной отраслью экономики Иранского Курдистана.

В узких долинах, орошаемых горными речками, население занимается земледелием в сочетании с отгонным скотоводством. На зиму эта часть населения переселяется в теплые равнины.

Неприступные скалистые горы, почти непроходимые перевалы, скрытые ущелья и пещеры труднодоступны для иноземных завоевателей. Этот суровый край издавна служил убежищем не только курдским племенам, но и населению прилегающих районов.

Недра Иранского Курдистана изобилуют полезными ископаемыми. Большие запасы нефти открыты в районах Нефтешаха и Сумары [25, с. 250], а также Керманшаха. Залежи полезных ископаемых: меди, железа, платины, мрамора, яшмы, марганца — обнаружены в северной и особенно в центральной части края, в районе Секкеза, Бокана, Шахиндеджа, Сулдуза, Сердешта. Каменным углем богата центральная часть Курдистана (район Лахиджана), юг (в частности, район Эсфандабада). В 60 км от Керманшаха найдены горячие источники лечеб-

ной воды. Район Сулдуза известен источниками Шейх-Мааруф — воды типа «Нарзан». По берегам реки Чумерене обнаружены железисто-щелочные источники [25, с. 251]. В изучаемый период эти запасы почти не использовались.

Курды проживали в Иране преимущественно в генерал-губернаторстве Курдистан, а также в четвертом остане (провинции) Западный Азербайджан и в пятом — Керманшах. Курдские деревни находились и в шахрестане Халхал, в приграничной с Турцией зоне¹.

Политику правящих кругов Ирана в новейший период истории, направленную на то, чтобы воспрепятствовать консолидации курдов, продолжила административная реформа 1938 г. [60, с. 47]. Новое административное устройство вводилось в нарушение сложившихся экономических связей, этнических и языковых общностей [60, с. 96]. Так, курдское население округа Мехабад было включено в остан Западный Азербайджан, отделенный от остального Курдистана.

Курды в изучаемый период сохраняли родо-племенную структуру. Основным, наиболее устойчивым видом объединения являлся род, распадавшийся на несколько ветвей. Во главе каждого рода стоял наследственный вождь — сардар, сервар или раис, обладавший фактически неограниченной военной, административной и судебной властью над соплеменниками. Подчинение старшему или главенствующему лицу во всех звеньях этой структуры сохранялось неизменным на протяжении веков. Сардар собирал в свою пользу налоги и подати на территории своего рода или племени, либо община выделяла ему часть урожая [56, с. 150].

Каждое племя предпочитало селиться (и кочевать) в местах обитания своих предков. В северной части Иранского Курдистана (горные районы в окрестностях г. Маку², Салмаса, Тертавера, Мертавера и оз. Ушну) проживали курды племенных объединений джелали, милан, шеккак, харки и др. В 20-е годы большинство курдов племени джелали переселилось на крайний северо-запад, к советско-турецкой границе.

Племя сусени, ведущее оседлый образ жизни, обитало между Везне, Сердештом и хребтом Кандиль. В крупном населенном пункте этого же района Негаде вместе с курдами проживали представители тюркского племени карапахов. Южнее их в горной местности располагались ответвления племенного объединения

бильбасов — мамыши и пираны (на юго-западе от мамашей). В окрестностях города Мехабата селилось третье племя бильбасов — мангуры, а также некоторые другие курдские племена.

Крупным и сильным племенем было харки, большая часть которого проживала в Ираке. В Иране оно занимало плоскогорье между округами Орамар, Гарди, Мызурли, Шамдинан. Часть племени харки проживала в долинах Тергавер и Мергавер, в Деште и Дештебиле, вдоль границы с Турцией, к западу и юго-западу от города Урмия³. Кроме того, в этой местности жили оседлые курды — биначи, занимавшиеся земледелием, и бедавинцы — по преимуществу кочевники-скотоводы.

Некоторым кланам племени харки принадлежала важная роль в политической жизни Курдистана рассматриваемого нами времени. До 1917 г. это был преимущественно клан кочевых курдов-скотоводов. После окончания первой мировой войны, когда часть племени была вовлечена в движение под предводительством Симко, это определенным образом сказалось на хозяйственной деятельности харки. Они постепенно стали спускаться с гор в долины и приобщаться к земледелию. Тем не менее скотоводство, перестав быть главным их занятием, все еще занимало важное место в жизни харки.

В центральной части Иранского Курдистана (в районах Мехабата, Бокана, Секкеза, Бане, Сенендеджа) обитало племенное объединение мукри. Видный советский курдовед О. Л. Вильчевский, изучавший быт, материальную культуру, хозяйство курдов мукринского союза, отмечал важную роль района их расселения в развитии торговли с Северо-Западным Ираном и Ираком. Столь же значительными были этнические, культурные и политические связи курдов мукри с соседними курдскими районами. Мукри также своеобразно сочетали кочевой, полукочевой и оседлый (сельский и городской) образ жизни.

Курды, принадлежавшие к племенному объединению мукри, пользовались большим авторитетом среди соплеменников и издавна были известны стремлением к независимости и пользовались значительной самостоятельностью. Небольшой городок Мехабат (в прошлом горная деревня Соуджбулак) считался, по существу, их столицей. Со времен шаха Аббаса I они поставляли солдат в иранскую армию [11, № 14, с. 8—9]. Глава

Мукринского союза выполнял одновременно обязанности губернатора Соуджбулака [11, № 38, с. 251].

В районе города Секкеза проживали курды кельхор, также сохранявшие в исследуемый период свою военноплеменную организацию. Наряду с кельхорами крупным объединением являлся союз джаф (или муради), занимавший район городов Бане, Мариван, Сенендедж. Влиятельной фигурой в Бане в 20—40-е годы являлся представитель племени бекзаде Хама Рашид [11, № 38, с. 251], а Сенендедж как бы считался столицей племени бени арделан.

Провинцию Керманшах населяло племенное объединение кульян. Здесь же обитали и представители племени гуран. Территория, занятая этим племенем к северу от дороги Керманшах — Касре-Ширин, включала города Делагу и Риджаби. Зимой курды гуран, как правило, перекочевывали в более теплую зону — в долину Зохаба, на равнину Серекали и в районы вдоль ирано-иракской границы или на территорию Ирака.

К западу от Серипуля, по реке Эльвенд до границы с Ираком и вокруг Касре-Ширинна и Нефтешаха, обитало племенное объединение сенджаби⁴.

Довольно большая группа иранских курдов проживала также за пределами собственно Иранского Курдистана. Свыше 250 тыс. человек со времени Сефевидов проживало в Хорасане, ведя оседлый и полукочевой образ жизни. Шах Аббас поселил в северном Хорасане, а именно вдоль границ от Астрабада на восток до Кучана (Кабучана), 15 тыс. курдских семей⁵. При этом он поставил поселенцам условие, что они будут защищать северные границы Хорасана от нападений туркмен и узбеков. Полукочевые курды, обитавшие исключительно в северных торных районах Хорасана, составляли 10% общего числа курдов этой провинции.

Хорасанские курды принадлежали к двум основным племенным объединениям — зафаранлу и шадиллу. Первое (более крупное) было расселено в Кучанском и Ширванском ханствах и их окрестностях, второе — в пределах Борджнурда. Районы расселения хорасанских курдов представляли собой фактически полунезависимые ханства (Дерегез⁶ и Келат⁷), которые, однако, к 20-м годам прекратили существование.

Несколько тысяч курдов проживало на территории Гиляна [102, с. 36—64], по обеим сторонам р. Шахруд, где вело полукочевой образ жизни, занимаясь ското-

водством и земледелием. Поселения курдов встречались также на территории Мазендерана, Казвина и в их окрестностях, но это были уже мелкие группы, частично даже ассимилированные среди местного населения. Курды обитали также в Мекране, куда были переселены при шахе Аббасе [11, № 14, с. 8—9].

Численность и этнический состав населения

Население северо-западных районов Ирана в 20—40-е годы представляло собой конгломерат различных этнических групп (персы, азербайджанцы, ассирийцы, армяне и др.) и отдельных племен, среди которых курды составляли большинство. Они являлись подавляющей частью населения, в особенности кочевого. Инонациональные элементы были вкраплены в среду сельского населения относительно небольшими разбросанными группами. Значительная часть армян, ассирийцев, евреев и представителей других национальностей являлись ремесленниками, а меньшая — торговцами, как на селе, так и в городах Иранского Курдистана.

Соотношение курдского городского и прочего населения в Иранском Курдистане было различным. В период правления Реза-шаха количество курдского городского населения существенно сократилось, поскольку в районах расселения курдов проводились карательные экспедиции и курдам запрещалось переселяться в города. В начале второй мировой войны, после ввода в Иран советских и английских войск, власть в этом крае, расположенном в так называемой нейтральной зоне, перешла в руки самих курдов. В это время наблюдался рост городского населения. В городах курды стали составлять 50% населения (купцы, торговцы, ремесленники, часть интеллигенции). Остальная часть городского населения состояла из представителей национальных меньшинств и персов. Это были сотрудники государственных учреждений, представители администрации, адвокаты, врачи и др.

Официальных сведений о численности населения в то время еще не было, поэтому невозможно составить четкое представление о национальном составе Иранского Курдистана. Иранские источники огульно причисляли все оседлое сельское и в особенности городское население

ние к персам. В конце 40-х годов в Тегеране был опубликован «Географический словарь Ирана», в котором имеются сведения и о численности курдского населения. В соответствии с данными этого словаря курды составляли большинство населения в Мехабаде (Соуджбулаке) — 15 971, Сердеште — 2000, Негаде — 1160, Секкезе — 12 000, Бане — 500, Керманшахе — 10 000, Сенендедже — 34 740 человек [46, т. IV, с. 572].

Общая численность населения мукринского союза составляла до первой мировой войны свыше 300 тыс., а к концу 30-х годов в результате военных действий между курдами и оккупационными армиями (турки, англичане), действовавшими совместно с правительственными войсками, их численность упала до 90 тыс.⁸ В шахрестане Халхал, где по данным «Географического словаря» насчитывалось 3449 деревень, в 1521 деревне (44%) проживало 247 тыс. курдов, или 34% всех жителей деревень. В шахрестане Биджар остана Западный Азербайджан проживало 38,7% курдов [46, т. IV, с. 512].

Эти данные нам представляются неточными, поскольку часть кочевого населения во время переписи находилась в кочевье, куда иранские чиновники, собиравшие данные о численности курдов, не сумели добраться. В результате часть населения либо вовсе не фиксировалась, либо чиновники получали заведомо ложные сведения. Вскоре после первой мировой войны комиссия Лиги Наций определила общую численность курдов Ирана в 700 тыс.

Важным источником определения численности курдского населения в исследуемый период служат материалы, опубликованные в 1945 г. в связи с обращением курдских общественных деятелей к Сан-Францисской конференции (1945 г.). Согласно этим сведениям, численность населения в курдских районах Ирана составляла 3,5 млн. человек, или 23% всего населения страны.

Различные оценки численности курдов Ирана содержатся в трудах русских, советских и зарубежных ориенталистов. Этот разноречивый можно показать, в частности, на примере данных о числе иранских курдов на 40-е годы. Так, в коллективной работе «Народы Передней Азии» указывается, что курды в Иране составляли 1,8 тыс. человек [88, с. 242]. Такое же число приводит и С. И. Брук (для Хорасана — 300 тыс. человек) [33, с. 89].

Т. Ф. Аристова оценила численность курдского населения на конец 40-х годов в 2 млн. при общей численности населения страны 7 млн. человек [25, с. 250]. О. Л. Вильчевский приводил цифру 3,5 млн. Население страны при этом, по его мнению, составляли 16 млн. человек.

Зарубежные авторы при исследовании истории курдов изучаемого нами периода руководствовались данными иранской статистики, опубликованными после второй мировой войны (1956, 1966, 1976 гг.), а между тем, как уже говорилось, надежных статистических данных о численности курдского населения в Иране в 20—40-е годы не существовало. Кроме того, поскольку переписи, как правило, преследовали фискальные цели или проводились в связи с набором в армию, племена стремились от них уклониться и часто перекочевывали на время переписи за границу [113, с. 172—182]. Иногда же племена кочевали по обе стороны государственной границы, как, например, харки зимовали в Ираке, а на лето откочевывали через турецкую территорию в Иран. Поэтому в зависимости от времени года численность племени определялась по-разному.

Вот почему сведения, приводимые в иранских и зарубежных источниках на 20—40-е годы, не могут быть точными. К тому же официальные органы Ирана, проводившие ассимиляторскую политику в отношении неиранских народов, стремились преуменьшить число курдов, как и других национальных меньшинств. Иранская статистика все ираноязычное население, в том числе и курдов, относила к персам. В данные о кочевых племенах включались не только курды, но и луры, бахтиары и др.

Курдский политический деятель А. Касемлу оценивал курдское население в Иране к 1939 г. в 2—2,5 млн. человек [139, с. 21].

Наиболее реальной и достоверной нам представляется для изучаемого периода цифра, чаще всего встречающаяся в отечественных⁹ и зарубежных исследованиях¹⁰.

Плотность населения в различных районах Иранского Курдистана была неравномерной (следствие исторически сложившихся под воздействием природно-климатических условий особенностей хозяйственного развития, а также влияния политических факторов). Особенно густо были заселены крупные города в остане Западный

Азербайджан и генерал-губернаторство Курдистан, а также район города Керманшаха. Средняя плотность населения была 7—8 человек на 1 кв. км [53, с. 47].

Сравнительная удаленность основных районов расселения курдов от центральных провинций страны способствовала сохранению курдского партикуляризма, выразившегося в тенденции к обособлению от центрального правительства.

Сохранение родо-племенной структуры, отразившееся на способе расселения курдов, кочевка по строго определенным маршрутам, по замечанию В. Ф. Минорского, не способствовали развитию «широких общественных чувств у курдов» [92, с. 18]. Различие их политической ориентации и господство докапиталистических хозяйственных отношений не умаляли культивируемого веками чувства свободы и независимости, пронизывающего «все существо курдов, находящего некоторое отражение и в истории курдских движений» [92, с. 13].

В истории иранских курдов известны и факты, свидетельствующие о наличии антагонистических отношений между различными группами одного и того же племени. В Чарботи и Горане, к примеру, проживали курды, одна часть которых являлась коренным населением этой местности, а другая — переселилась сюда позднее. Эти группы враждовали друг с другом и в моменты опасности не объединялись для совместных действий. Случались и вооруженные столкновения между ними, в результате которых обе стороны несли потери. От подобных столкновений и все нараставшей вражды страдали широкие массы крестьян, посеы которых в таких случаях полностью уничтожались [11, № 13, с. 1].

Иранские курды, как и население других частей Курдистана, имеют ярко выраженные национальные признаки, довольно резко отличающие их от господствующей нации страны — персов. Курдский язык, на котором общаются курды Ирана, принадлежит к западной ветви иранских языков и распадается на несколько диалектов. Главным из них в изучаемом районе является северо-западный диалект — курманджи [42, с. 218]. В некоторых юго-западных районах распространен диалект сорани.

Известный интерес представляет состав населения Иранского Курдистана по религиозной принадлежности. Господствующей религией здесь является ислам суннит-

ского толка. Большинство курдов принадлежат к мусульманам-суннитам. Однако, по мнению некоторых специалистов, в отличие от персов курды весьма равнодушно относились к догмам и обрядам официальной религии и часто не соблюдали их. Особенно сильно отходят от ортодоксального ислама широко распространенные в Иранском Курдистане крайние мусульманские секты, среди которых наиболее многочисленной являлась шиитская секта али-иллахи (см. [85]). Ее приверженцы проживали в окрестностях Керманшаха.

Шиизм¹¹, являющийся государственной религией Ирана, преобладал лишь среди обитавших в южной части края курдских племен кельхор, сенджаби, джелавенд, джевангуд и некоторых других. Курды остальных племен являлись приверженцами суннитского ислама. Многие курды поклонялись и шиитским и суннитским святым (в Вейсаназаре¹², например). Широко распространены в Курдистане мусульманские дервишские ордена суфиев, главными из которых являлись Накшбэнди, Руфай, Кадыри.

Среди курдов имеются езиды, которые исповедуют особую религию, включающую элементы мусульманской и христианской религии [38, с. 253]. Они живут главным образом в районе Урмии.

Социально-экономическое развитие Иранского Курдистана в 20—30-е годы

Распространение капиталистического хозяйственного уклада в начале XX в. и связанная с этим трансформация родо-племенной организации определенным образом отразились на характере общественных отношений курдов. Важную роль в развитии общественного сознания курдов сыграла общность интересов оседлых и кочевых курдов в борьбе против произвола иранского правительства, которое под лозунгом создания «национального единства» осуществляло насильственную ассимиляцию национальных меньшинств, в том числе и курдов.

В первой четверти XX в. в Иранском Курдистане господствовал феодальный способ производства с сильно выраженными патриархально-родовыми пережитками. Однако с середины 20-х годов в курдских районах уже

стали складываться элементы полуфеодального хозяйства. Феодалное натуральное хозяйство в Иранском Курдистане стало заменяться хозяйством, «непосредственно или в конечном счете в более или менее заметной степени работающим на капиталистический рынок, но использующим преимущественно прежние феодальные формы эксплуатации крестьян, сочетающим экономические и внеэкономические методы принуждения трудящихся деревни» [50, с. 21].

Феодалное и полуфеодальное хозяйство курдской деревни велось в основном на базе издольной аренды. Характерная для многих стран Востока, такая аренда, как подчеркивает специалист по аграрному вопросу В. Г. Растянников, ставит жесткий предел техническому прогрессу и является опорой худшего варианта капиталистической эволюции — эволюции консервативного типа [55, с. 55].

В основе издольной аренды Иранского Курдистана лежала традиционная для Ирана пятичленная система. Причем зачастую урожай делился не на равные части, а соответственно с конкретными договорами или на базе местных обычаев, что прежде всего отвечало интересам помещиков и родовой знати. Норма арендной платы зависела от того, кому принадлежали земля, вода, семена, рабочий скот. Общепринятой нормой арендной платы являлась $\frac{1}{5}$ урожая. Она вносилась в случае предоставления помещиком райяту¹³ только земли. К ремонту оросительной сети привлекался и райят, обязанный безвозмездно работать на помещика определенное число дней в году.

95% пригодных для сельского хозяйства земель принадлежало помещикам, но крупных хозяйств в Иранском Курдистане не было, поскольку большую часть своих наделов помещики сдавали в аренду крестьянам. Земля дробилась на мелкие участки.

Крестьянам в районе Урмии принадлежало 13% обрабатываемой площади. Среди крестьян владельцы участков от 2 до 20 джеривов¹⁴ составляли 12%, участков до 2 джеривов — 68%, безземельные крестьяне — 12%, и крестьяне-батраки — 8%. Таким образом, основную категорию крестьян составляли малоземельные, имевшие до 2 джеривов [106, с. 84].

Это были в основном бедняцкие хозяйства, которые не обеспечивали своим владельцам доходы даже на уровне прожиточного минимума. Непосильные для

хордемаलेков (свободных земледельцев) налоги, сбор которых зачастую сопровождался бесчинствами, приводили к тому, что они отказывались от владения землей в пользу крупных помещиков. Отдельным помещикам принадлежали земли десятков и даже сотен деревень. Сардар Маку, например, был собственником земель около 150 селений [120, с. 89].

Заметную прослойку в земледельческих районах Иранского Курдистана составляли обнищавшие крестьяне. Не имея возможности вести самостоятельное хозяйство, они в качестве наемных рабочих и субарендаторов возделывали земли помещиков и зажиточных крестьян, занимались ремонтом и строительством ирригационных сооружений и т. п., а многие и не находили себе применения в пределах Иранского Курдистана (свидетельство роста аграрного перенаселения).

Как уже говорилось, условия раздела урожая между помещиками и крестьянами были весьма разнообразны и зависели от конкретных договоров и обычаев. Доля помещика зависела от степени участия его в производстве (обеспечение крестьянина семенами, сельскохозяйственным инвентарем, рабочим скотом). В некоторых районах райят пользовался семенами и скотом помещика. Не имевшим скота он нередко предоставлял денежную ссуду под проценты для его покупки. В результате райят оказывался в долгу у землевладельца.

Иногда бедняк-райят арендовал рабочий скот на время поливных работ у сельского кулака. Сельскохозяйственный инвентарь, как правило, являлся собственностью крестьянина.

С неполивной земли помещик получал $\frac{1}{10}$ урожая, с поливной $\frac{2}{10}$ урожая, с посевов хлопка, риса и табака — $\frac{1}{2}$ урожая. Если помещик давал семена, то с поливных земель он получал не менее $\frac{1}{3}$ урожая, а если снабжал крестьянина еще и инвентарем — от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ урожая.

Через помещика же зачастую взималась доля урожая в пользу государства. Как правило, это была каноническая мусульманская десятина¹⁵, которая составляла $\frac{1}{10}$ урожая. Кроме того, все продукты сельского хозяйства, вывозимые крестьянином на рынок, облагались (вплоть до 40-х годов) в пользу правительства специальным налогом в размере 3,5%.

Для крестьянина джутара (свободный крестьянин, владевший парой голов скота, арендовавший до 5 деся-

тин орошаемой земли и вносивший арендную плату в размере $\frac{1}{3}$ урожая) существовали следующие повинности и поборы.

1. Повинности в пользу помещика:

— хардж — плата наличными за право пользования пастбищами, заготовку кормовых трав, сбор топлива и т. д. — в размере 150 кран в год;

— часть заготовленных кормовых трав;

— поденная работа — 12 дней;

— сбор на празднование Курбан-байрама;

— поставка фуража для лошадей в периоды холодов.

2. Повинности в пользу духовенства:

— в пользу мечети по 1 барану с каждых 25 голов мелкого рогатого скота;

— мулле — 15 пудов пшеницы в год;

— прислужнику в мечети — 1 лепешка в день [11, № 12, с. 4].

В результате полуфеодалынные собственники и примыкавшие к ним и нередко полностью сливавшиеся с ними торгово-ростовщические слои зачастую забирали у крестьян не только весь прибавочный, но и часть необходимого продукта.

В курдском обществе исследуемого периода появилась новая общественная прослойка — кулачество. Ее образование усиливало процесс классовой дифференциации курдской, прежде всего скотоводческой, общины. А. З. Арабаджян отмечает, что «в среде крестьянства идет процесс разложения на сельскохозяйственный пролетариат и сельскую буржуазию — кулаков» [23, с. 10]. Росту этого процесса способствовала спекуляция в годы первой мировой войны скотом, составлявшим выгодный вид поставок оккупационным армиям. После первой мировой войны кулак уже прочно занял свое место в курдском обществе. Во внутренней жизни Иранского Курдистана он стал приобретать все большее значение.

В Иранском Курдистане, как и во всем Иране, происходил процесс превращения торговцев средневекового типа в купцов-помещиков и трансформации феодалов в полуфеодалынные помещиков-купцов. И те и другие были заинтересованы в сохранении феодальных форм эксплуатации крестьянства [15, с. 36—37]. Эти представители торгово-ростовщического капитала, а именно полуфеодалынные помещики и купечество, представляли общественные слои, не переросшие еще социальную структуру докапиталистического общества, что было связано

прежде всего с переживанием Иранским Курдистаном переходного этапа в социально-экономическом развитии.

Процесс трансформации натурального хозяйства в товарное проходил в курдской деревне так же, как и в иранской деревне в целом, хотя в отдельных местностях наблюдалась своя специфика. Развитие полуфеодальных отношений предполагало изменения в структуре земле-владения, что находило выражение прежде всего в укреплении принципа частной собственности на землю. Этому способствовала и политика правящей в первой четверти XX в. династии Каджаров, которая осуществляла распродажу имений халесе (государственных земель), становившихся собственностью феодальной аристократии. Кроме того, из государственного фонда правители жаловали земли племенной знати. Таким путем они надеялись добиться ее лояльности. Но одновременно земельные пожалования способствовали усилению родовой знати, росту ее экономической мощи и соответственно ослаблению ее зависимости от шаха и росту сепаратистских тенденций.

Немалая часть обрабатываемых площадей попадала в руки торгово-ростовщической буржуазии, прежде всего ее верхушки, обладавшей не только достаточными средствами, но и возможностями обеспечить безопасность своих владений. В остане Курдистан около 47% селений находилось во владении лиц, основным делом которых была крупная коммерция и торговля [11, № 12, с. 16]. В этом районе курды-землевладельцы неохотно продавали свои земли персам, поскольку не желали допускать в свою (курдов) среду новоявленных помещиков из персидских купцов и персидских чиновников. При этом принимались во внимание и политические соображения. Курды-землевладельцы полагали, что в случае перехода их земель в руки помещиков-персов намного ослабеет их влияние над массой курдского крестьянства и, наоборот, окрепнет позиция центрального правительства в Иранском Курдистане.

В свою очередь, персы (купцы и чиновники) не стремились приобретать земли в провинции Курдистан, опасаясь враждебного окружения курдских землевладельцев, которые, несомненно, чинили бы новоявленным помещикам всевозможные препятствия.

Таким образом, основная часть земель халесе сосредоточивалась в руках представителей родовой знати кочевых и полукочевых племен. Причем в их руках

оказывались земли не только в зонах расселения племен, но и в районах с оседлым населением. В 20-е годы в частной собственности находилась уже и значительная часть пастбищ. Это сопровождалось усилением экономической зависимости рядовых членов племен, ростом их обнищания и разорения, присвоением скота обедневших кочевников и полукочевников родовой знатью. Об этом свидетельствует, в частности, существование в кудском хозяйстве системы *оба́*. В конце прошлого века так называлась основная единица курдского скотоводческого хозяйства, т. е. кочевая сельскохозяйственная община. В первой четверти XX в. это название относилось и к временному хозяйственному объединению полукочевых скотоводов и земледельцев. Все лучшие угодья находились уже во владении представителей родовой знати. Поэтому крестьянские семьи могли пользоваться ими, в том числе и пастбищами, только на началах аренды. *Оба́* состояла обычно из пяти-двадцати крестьянских хозяйств¹⁶. Принадлежавший им скот пасли два-три пастуха на землях, которые *оба*, как правило, арендовала у племенных вождей или иных представителей родовой верхушки¹⁷.

Весной каждое кочевое общество разбивалось на несколько *оба*, в зависимости от количества скота и размера пастбищных угодий. Во главе каждой *оба* стоял обычно наиболее зажиточный из входящих в ее состав скотоводов. Он производил расчеты с феодалами, вносил арендную плату за пастбища, а также рассчитывался с пастухами и другими членами общины. С течением времени беднейшие слои попадали в экономическую зависимость от главы *оба*, который наживался на их эксплуатации. Пользуясь своим привилегированным положением, руководитель *оба* заставлял бесплатно пасти свой скот и не платил за пользование пастбищем. Вместе с тем в исследуемый период все еще сохранялась власть родового вождя, а также его ничем не лимитированное право на использование пастбища. Консервации этих пережитков способствовали на первых порах политика централизации Иранского Курдистана и деятельность правительства, которое назначало губернаторов в курдских районах из числа местной знати.

В то же время наблюдалось укрепление и экономической позиции верхов кочевого и полукочевого общества, представленных вождями племен. Они располагали крупными материальными ресурсами и прежде всего

крупными стадами овец и коз (как правило, не менее 1000 голов). Многие из сардаров стали осознавать преимущества власти денег, все более подменяли феодальную эксплуатацию, нередко облеченную в патриархальную форму, эксплуатацией капиталистического типа. Они осуществляли оптовые поставки продукции животноводства (в отдельных случаях и за рубеж), финансировали кустарные промыслы на рынках городов, приобретали недвижимое имущество в городах.

Все это свидетельствовало о далеко зашедшем разложении патриархальных отношений в племенах и росте в них имущественного и социального неравенства.

Частные земли, или мульк, были сосредоточены главным образом в останах Курдистан и Керманшах (см. [11, № 12]). В условиях быстрого повышения ценности земли (как источника товарной продукции) от ханов племен и других представителей феодальной аристократии не отставало в приумножении своих индивидуальных владений и высшее и среднее духовенство. В Хое, например, в их частных владениях находилось 40% обрабатываемых площадей [108, с 60—61]. Духовенство стремилось присвоить и часть земель, принадлежащих мусульманским религиозным учреждениям (вакуфные земли) и освобожденных от уплаты государственных налогов, поскольку доходы от них официально должны были идти на благотворительные цели. В 40-е годы вакуфными владениями являлись около 1630 деревень.

Не следует забывать, однако, что наряду с лишением крестьян земельных участков происходил и обратный процесс. Перевод кочевников на оседлость, особенно в 20-е годы, приводил к увеличению числа крестьян в сфере землепользования. В районах производства товарных культур начался процесс деконцентрации землевладения, что послужило одним из основных факторов сокращения там крупного землевладения. Наряду с прикаспийскими и центральными районами достаточно широкий размах деконцентрация землевладения приобрела и в северо-западных районах страны.

По наблюдениям А. И. Демина, из северо-западных областей Ирана особенно отчетливо и наиболее интенсивно процесс деконцентрации землевладения протекал в Урмии — важном районе табаководства, где в 1912—1914 гг. помещики потеряли до 60% земель. При этом

40% их земель приобрели крупные и средние купцы, а 20% — мелкие торговцы, ремесленники и др. В итоге в середине 20-х годов мелким собственникам (74% составляли городские жители и 26% крестьяне) принадлежало 33% обрабатываемых площадей, помещикам — 37%, курдским племенам (фактически их родовой знати) — 29,6% и государству — 0,4% [56, с. 34]. Аналогичное положение существовало в курдских районах Азербайджана и Керманшаха¹⁸, в основном в горных районах, где проживало по преимуществу курдское население. На богарных землях оно занималось производством пшеницы и иных зерновых культур. Рост мелкого землевладения происходил здесь в основном не за счет дробления имений, а в результате освоения новых земель.

Следовательно, в первой четверти XX в. в Иранском Курдистане существовали крестьяне-землевладельцы (хордемалеки). Однако в Мукринском Курдистане такие крестьяне были явлением сравнительно редким. Хордемалеки встречались, например, среди курдов района Санивеза и Бане [11, № 38, с. 99—101].

Вместе с тем в Иранском Курдистане происходил и процесс дробления имений, который был вызван не вторжением торговой буржуазии в сферу землевладения, а дроблением имений между наследниками. Так, в середине 20-х годов в Маку обрабатываемый земельный фонд почти полностью принадлежал выходцам из восьми феодальных родов, и прежде всего семье сардара¹⁹.

Незначительный процент составляли в Иранском Курдистане земли оуми, т. е. общинные земли, занятые под кладбища, часовни и пр.

Сосредоточение земель в руках курдской родовой знати, а также политика властей, поощрявшая включение вождей племен в органы местной администрации (чаще на должность деревенского старосты — кетхуды), способствовали сохранению влияния курдской родовой знати в зоне кочевых племен. Монополизировав внешние связи кочевой общины, сардары стремились к консервации традиционных общественных отношений, по возможности изоляции рядовых кочевников от окружающего мира, чтобы воспрепятствовать широкому проникновению в их среду новых общественных отношений. Однако охвативший в первой четверти XX в. курдскую деревню процесс слияния помещиков и торговой буржуазии способствовал не изоляции племен, а, напротив, вовлече-

нию их в систему новых хозяйственных отношений, связанную с формированием полуфеодального товарного хозяйства.

Вторжение торговой буржуазии в сферу землевладения сопровождалось укреплением позиций товарных отраслей в деревне, стимулировало курдских помещиков к участию в коммерческих операциях, способствовало их трансформации в полуфеодальных помещиков-купцов. При этом некоторая часть родовой знати превращалась в поставщиков продукции на рынок.

В торговле деятельное участие стали принимать и курды-кочевники²⁰, обосновавшиеся вблизи крупных городов. Это было связано с повышением спроса на продукты животноводства (кожу, шерсть, кишки, кустарные ковры) иностранных рынков, куда эти товары поставляли курды-оптовики. Родовая аристократия боролась за монопольную поставку этих товаров, в связи с чем усилилась эксплуатация рядовых членов племени как со стороны местной феодальной знати, так и со стороны купечества, которое старалось скупить товары по самым низким ценам [93, с. 114].

В середине 20-х годов большинство племен Иранского Курдистана уже имело регулярные связи с рынком. Устраивались своеобразные ярмарки, на которые племена пригоняли скот, привозили продукцию животноводства, изделия кустарных промыслов, а городские купцы — сахар, чай, ткани и пр. [112, с. 164].

Хозяйственные связи, ориентированные на мировой рынок, способствовали росту торговой буржуазии. При этом владельцы капитала стали бороться против старой аширетской системы²¹ и крупной иранской буржуазии. Они стремились обеспечить свои интересы, установить свое монопольное господство на внутреннем рынке Иранского Курдистана.

Таким образом, в первой четверти XX в. в Иранском Курдистане наблюдаются некоторые сдвиги, связанные с трансформацией феодального хозяйства в полуфеодальное. Вместе с тем главы крупных родов все еще держали в своей зависимости рядовых членов кочевых и полукочевых племен. Их власть веками передавалась по наследству от отца к сыну. По такому же принципу осуществлялось имущественное наследование. Кочевые племена курдов в первой четверти XX в., несмотря на давление со стороны центральных властей, сохраняли основу своей военной организации. Сардары и другие

представители родовой знати решали все вопросы, связанные с повседневной жизнью членов племен.

На противоположном конце социальной лестницы находились безземельные и не имевшие скота общинники. Самый же многочисленный слой составляли средние и мелкие владельцы земли и скота, из которых выделялась масса рабочих отхожих промыслов (преимущественно сезонных и временных). Эта группа соответствовала «сельскому пролетариату» [111, с. 171].

Семьям бедняков приходилось прибегать к побочным заработкам (брать в аренду скот, пасти чужие стада, охранять посевы и т. д.). Однако большинству бедняцких хозяйств в сфере животноводства не удавалось найти дополнительные заработки, и они были вынуждены искать их на пути отходничества или перехода на оседлость.

Официально райят был свободен в поисках более выгодных условий труда. Ему не возбранялось переходить от одного арбаба (помещика) к другому. Однако на практике такие случаи были редки. Уход от помещика означал выход из племени, клана и ставил тем самым курда вне закона, вне общества. Кроме того, большие налоги, поборы, различные виды феодальных повинностей превращали крестьянина в вечного должника своего помещика. Он не мог воспользоваться своим правом «свободного ухода», ибо, как правило, ему не удавалось, продав свое имущество, погасить долг хозяину. Переход к другому помещику, за редким исключением, курдские крестьяне обычно не практиковали.

Патриархально-родовые пережитки в Иранском Курдистане затрудняли и «задерживали процесс развития производительных сил и делали особенно трудным положение производящего класса — крестьянства. Сочетание различных видов собственности, — отмечал Л. С. Фришман, — и владения землей являлось причиной особой сложности аграрных отношений в иранской деревне в конце XIX — начале XX в.» [120, с. 83].

В 20-е годы при колоссальном сокращении населения (во время первой мировой войны Урмия, например, потеряла свыше половины населения: из 150 тыс. осталось 65 тыс.) обеспечение рабочей силой своего хозяйства стало для помещиков вопросом жизненно важным. Помещик дорожил рабочими руками и принимал меры для того, чтобы крестьяне не покидали арендованной у него земли. Архаичная же техническая база сельского

хозяйства Иранского Курдистана требовала большого числа рабочих рук. Тем более, что в связи с развитием товарно-денежных отношений началась специализация районов по производству продукции сельского хозяйства. Каждый район, отличаясь своими природными условиями, имел свой основной товарный продукт.

Из общей площади земель под однолетними и многолетними культурами почти 75% отводилось под зерновые: пшеницу, ячмень, рис, кукурузу и просо.

Среди обрабатываемых земель имелись поливные и богарные. В таких районах, как Мергавер, Дешт, Мериван, Дивандар, Ушну, было широко развито искусственное орошение²². Плодородной почвой и высокими урожаями славилась равнина Корве. В районе Харунабада почва была благоприятна для производства хлопка и сахарной свеклы [48, с. 237].

Большое распространение в районах расселения курдов имело садоводство (район Парве, Авромана). Там разводили яблоневые, персиковые и абрикосовые деревья.

Значительное место в хозяйстве курдов занимал лесной промысел. Он был распространен преимущественно на северо-западе Иранского Курдистана, близ границы с Турцией. Лесным промыслом занималось также население отдельных южных районов, например Кумаси, Авромана и ряда других [173, 1332 (1959), № 8168].

Некоторые продукты лесного промысла не только потреблялись внутри страны, но и экспортировались за границу. В 1922 г. из Иранского Курдистана было вывезено на 110 тыс. туманов гуммидраганта²³ и на 122 тыс. туманов чернильных орешков.

Отсталость основных отраслей материального производства в Иранском Курдистане в немалой степени объяснялась слабым развитием экономической инфраструктуры, и прежде всего сети коммуникаций. В начале XX в. пути сообщения здесь представляли собой караванные тропы и грунтовые дороги. Отсутствие дорог с твердым покрытием являлось одним из факторов, тормозящих развитие капиталистического хозяйства. Однако уже в середине 20-х годов государство приступило к строительству шоссейных и железных дорог, что способствовало вовлечению Курдистана в общую экономическую систему страны. В 1923 г. была отремонтирована дорога Маку — Хой, причем правительство обязало ха-

нов поставлять строительные материалы и оплачивать труд рабочих.

Несмотря на некоторые изменения в социально-экономических отношениях, в социальном плане Иранский Курдистан все еще оставался одним из отсталых районов страны. Так, уровень неграмотности населения составлял здесь 95%. Не было ни одной больницы; число врачей исчислялось единицами. Жители страдали от туберкулеза, трахомы, малярии и прочих болезней. Высока была смертность населения.

Экономическая и культурная отсталость Иранского Курдистана во многом обуславливалась длительным сосуществованием здесь тесно переплетавшихся замкнутых феодальных и родо-племенных структур, традиционной системы хозяйства, покоившейся на доиндустриальных методах труда, а также жестокой эксплуатацией непосредственных производителей местной традиционной элитой и персидской администрацией. По словам А. Касемлу, сохранение традиционных отношений в деревне вело к деградации сельского хозяйства, к неуклонному снижению производству ирригационных систем, способствовало ухудшению положения трудящихся в деревне. Немаловажное значение имели и такие факторы, как разбросанность населения на обширной территории, удаленность районов расселения курдов от центров промышленности и т. п. (см. [140]).

Городское курдское население было немногочисленным. Это объяснялось в первую очередь аграрным характером экономики, крайне слабым развитием промышленности, особенно фабрично-заводского производства Иранского Курдистана. В городах проживало около 15% населения района.

Городская верхушка была представлена в основном чиновниками центрального правительства персидской национальности, а также традиционной местной элитой: семьями феодальных и полуфеодальных помещиков, племенной знати, видных деятелей суннитского духовенства, потомственных купцов — собственников торговых домов. Поскольку в Иранском Курдистане не было сколько-нибудь значительной промышленности, национальная буржуазия города была преимущественно коммерческой, а не промышленной. Выделялась группа наиболее богатых семей (оптовых торговцев, ростовщиков, предпринимателей), которая фактически держала

весь город в своих руках. С буржуазной верхушкой города была связана часть курдской родо-племенной знати, превратившейся в полуфеодалных помещиков и принимавшей участие в коммерческих операциях. На средней ступени социальной лестницы преобладали представители традиционных прослоек: зажиточные торговцы и ремесленники базара, муллы, ростовщики, средние и мелкие чиновники, связанные преимущественно с феодально-помещичьими кругами.

В курдском городском обществе можно было встретить также отдельных, пока еще редких представителей местной торгово-предпринимательской буржуазии, а также национальной интеллигенции. Курдская интеллигенция составляла небольшую прослойку города. Ее процент, однако, увеличивался по мере усиления тяги молодежи к образованию. В городской среде Иранского Курдистана имелись и отдельные представители демократической интеллигенции — среди учителей, учащихся, мелких служащих. Уже тогда молодая курдская интеллигенция проявляла живой интерес к национальным и демократическим идеям. Вместе с тем, ввиду своей малочисленности и аморфности, она еще не играла заметной роли в курдском обществе, где преобладал традиционный патриархальный уклад жизни.

Низшие городские слои представляли собой пеструю и разнородную массу. Курдский рабочий класс находился в стадии зарождения. Он состоял преимущественно из промышленных и строительных рабочих, грузчиков и т. п. Подавляющую часть низших слоев города составляли различные полупролетарские группы, уличные торговцы и ремесленники, носильщики, прислуга, люмпены и деклассированные элементы. Низшие городские слои находились под сильным влиянием патриархальной идеологии сельской среды, недавними выходцами из которой они являлись.

Самой многочисленной была мелкая буржуазия города — лавочники, торговцы, владельцы кустарных предприятий, ремесленники.

Важным сословием являлось духовенство. Крупное духовенство (настоятели богатых мечетей, попечители вакфов) было тесно связано с помещичьим землевладением. Духовные деятели в сельской местности жили исключительно за счет доходов, получаемых с прихожан, и пользовались среди них большим авторитетом.

Таким образом, курдское общество в первой четверти

XX в. было весьма пестрым по своему социальному составу, что отражало специфику хозяйственного развития района. Надежных статистических данных, отражающих численность курдского населения по его социальному составу, нет. Однако по ряду косвенных данных можно утверждать, что доминирующее положение в большинстве социальных групп Курдистана занимали курды. Так, подавляющую часть крестьянства, как оседлого, так и кочевого, составляли курды. Курдами являлось большинство помещиков, сохранявших еще некоторые феодальные привилегии. Несмотря на попытки иранского правительства ограничить эти привилегии, реальная власть в значительном большинстве курдских районов, в особенности в племенах, оставалась в руках курдских светских и духовных феодалов.

В первой четверти XX в. Иранский Курдистан переживал сложный этап социально-экономического развития, связанный с глубоким экономическим и политическим кризисом.

Усиление торгового капитала в экономике курдских районов способствовало замене феодальных способов эксплуатации крестьян. Это было связано с тем, что на смену феодальному пришел полуфеодальный тип хозяйства. В местах расселения курдов возникали новые социальные категории — полуфеодальных помещиков и кулачества²⁴.

Вовлечение Курдистана в систему общенациональных хозяйственных связей страны было сложным и достаточно противоречивым процессом. Темпы социального развития отдельных местностей не были равномерными²⁵. В тех районах расселения курдов, где они были связаны с крупными торговыми и внешнеторговыми операциями, переходные от феодальных к капиталистическим формы общественных отношений складывались быстрее (районы оз. Урмия и Хорасан).

Развитие товарно-денежных отношений стимулировало рост имущественной дифференциации внутри кочевого и полукочевого общества²⁶. Его «низы» представляли лица, совсем не имевшие скота либо владевшие небольшим стадом (20—30 голов). Большинство, однако, составляли батраки, издольщики, пастухи, которые за натуральную или денежную плату пасли чужой скот, выполняли различные работы для зажиточных сородичей, нанимались на сезонные работы, отправлялись на заработки в другие районы Ирана.

В то же время процесс урбанизации в Иранском Курдистане сопровождался увеличением спроса городского населения на мясо-молочные и другие продукты, производившиеся в зоне племен. Те кочевники-курды, которые жили вблизи городов, были вовлечены в сферу товарно-денежных отношений. Родовая аристократия племен стремилась к тому, чтобы монопольно поставлять товары животноводства купцам-оптовикам. В связи с этим усилилась эксплуатация рядовых членов племен как со стороны местной ханской знати, так и со стороны купечества, которое старалось скупить продукты животноводства по самым низким ценам. В то же время рост товаризации продукции кочевого и полукочевого хозяйства нередко сопровождался хищническим использованием пастбищ и их истощением, а также нарушением традиционных маршрутов перекочевок, локализацией выпасов в районах, прилегающих к городам и центрам вывоза продукции животноводства.

В целях выхода из экономического и политического кризиса государство приступило к осуществлению комплекса общественных преобразований, призванных обеспечить предпосылки для ускорения буржуазной трансформации Ирана.

Этот процесс начался в Иранском Курдистане в период правления Реза-шаха Пехлеви (1925—1941) под воздействием проводимых в стране социальных преобразований. Стержнем этой программы стали социальные реформы, проводившиеся в рамках так называемой политики централизации Реза-шаха. В Иране начался процесс количественных и качественных изменений. «Первым значительным проявлением этого процесса стали реформы 20—30-х годов, которые приобрели поистине хрестоматийную известность, пожалуй, из-за той быстроты, с которой в ходе их осуществления старое, феодальное обличье страны менялось на новое, буржуазное» [60, с. 5].

Иранский Курдистан (как, впрочем, и другие районы расселения национальных меньшинств) рассматривался правящими буржуазно-помещичьими кругами Ирана прежде всего как объект экономической эксплуатации, как своеобразная колониальная окраина. Идеологическим обоснованием такой политики служила выдвинутая правящими кругами Ирана концепция «единой иранской нации». На ее базе проводился курс на ассимиляцию и насильственную иранизацию национальных меньшинств

[145, с. 9], в том числе курдов. Это способствовало сохранению отсталости курдских районов, которые по основным показателям экономического, социального и культурного развития уступали большинству других районов расселения национальных меньшинств, не говоря об областях с преобладающим персидским населением.

Осуществление политики централизации и сопутствовавших ей различных социально-экономических проектов сопровождалось определенными сдвигами в структуре землевладения и землепользования в Иранском Курдистане, в социально-экономическом содержании этих двух компонентов аграрного строя. Однако следует оговориться, что сдвиги эти в заметной степени уступали аналогичным изменениям в большинстве других провинций Ирана, в том числе и в зонах кочевых и полукочевых племен (бахтиар, кашкайцев и пр). Такое положение наряду с общей социально-экономической и культурной отсталостью Иранского Курдистана, его удаленностью от основных индустриальных, торговых и культурных центров было, по-видимому, во многом следствием упорного сопротивления традиционной элиты, сохранявшей довольно прочные позиции в местных органах власти, а также явно недостаточного внимания государства к нуждам населения Курдистана.

В период проведения политики централизации в Иранском Курдистане господствовали такие виды хозяйственной деятельности, как земледелие, скотоводство, торговля и ремесло.

В Мукринском Курдистане, например, в период правления Реза-шаха скотоводством занималось 11 курдских племен. Среди них чистых скотоводов насчитывалось 150 тыс., и они держали до 2,5 млн. голов мелкого рогатого скота. Скотоводы все еще вели замкнутое хозяйство и с внешним миром общались лишь для обмена продуктов животноводства на предметы первой необходимости [11, № 38, с. 9].

Важное место в экономике курдских районов занимало пастбищное скотоводство, прежде всего разведение овец и коз, которое, как и в других зонах, было в первую очередь занятием кочевников и полукочевников. Общее количество скота составляло 12 млн. голов. Иранские курды разводили в основном курдючные породы овец с шерстью грубых и полугрубых сортов, белого, серого, коричневого и рыже-черного цвета.

Среднее стадо в Мергавере, например, состояло из 500 и более голов [11, № 38, с. 99].

В скотоводстве господствовали экстенсивные методы ведения хозяйства, а его продукция, как и продукция растениеводства, потреблялась как на внутреннем, так и на внешнем рынке.

Наиболее умелыми скотоводами были выходцы из племени харки. Ранее это племя занималось земледелием, преимущественно табаководством, однако в 20—30-е годы земледелием оно уже не занималось, полностью переключившись на скотоводство. Продукты скотоводства харкинцы продавали на рынке. Всю шерсть сбывали только в Мергавере и обязательно с ведома вождей, которые и назначали цену. Аги имели огромную власть. Им причиталось по 50 сантимов с каждой овчины [11, № 13, с. 14]. В дальнейшем этот обычай перестал соблюдаться, потому что племя харки стало переходить на оседлость, а также в связи с ослаблением власти аги над крестьянами. Он сам теперь вступал в сделки с мергаверскими купцами, получая от них богатые подарки — сахар, чай, одежду. Производством шерсти славились Маку, Салмас. В Урмии в 1930 г. было произведено 14 тыс. пудов шерсти, в том числе 2 тыс. пудов овечьей (гузам) [9, № 252 — № 47, 9.06.1931].

Тяжелое положение рядовых кочевников усугублялось все еще достаточно широко распространенными в курдском скотоводстве докапиталистическими формами аренды. За выпас скота на принадлежавших феодалам пастбищах сардары брали плату в виде определенной доли поголовья скота или продуктов животноводства. Кроме того, рядовые кочевники выплачивали ежегодный налог государству за выпас (с каждой головы) скота на землях, принадлежавших государству.

Рост эксплуатации курдских скотоводов со стороны феодальных верхов и тегеранской администрации немало сужало для них возможности прокормить свои семьи. Вот почему к середине 20-х годов резко возросло число кочевников, сочетавших скотоводство с земледелием. Распространенный среди курдских кочевников вертикальный тип номадизма позволял им заниматься земледелием наряду со скотоводством. В местах зимовок рядовые члены племен возводили долговременные строения из глины и кирпича-сырца, прокладывали оросительные каналы. Для обработки полей и наблюдения за

посевами оставалась та часть племени, которая уже не участвовала в перекочевках. Развитие этого процесса приводило к тому, что традиционная кочевая структура постепенно приобретала полукочевой характер, а кочевой уклад в его чистом классическом виде превращался в сравнительно редкое явление. Оседлый и полуседлый образ жизни вели курды, населявшие территории вдоль линии Хой-Резайе (Урмия) — Мехабад. Кочевники и полукочевники обитали на землях вдоль границ Ирана с Ираком и Турцией. Весной курды — кочевники и полукочевники уходили в горы, а осенью возвращались в свои зимние поселения. Нередко борьба за лучшие выпасы приводила к столкновениям между племенами.

Зачастую летние пастбища располагались на значительном удалении от зимовок, даже за пределами иранской территории — в сопредельных Ираке и Турции. Так, курды племени харки кочевали в районах, принадлежавших Ираку и Турции, зимой, а летом перебирались на отроги Ушну в Иран. Отметим, что некоторые племена, обитавшие по ту и другую стороны границ между Ираном, Ираком и Турцией, имели одного общего вождя. Например, в 1942 г. вождь Ибрагим-бей являлся верховным главой племени джелали, живущего как в Турции, так и в Иране [11, № 14, с. 5].

Лишь небольшая часть населения Иранского Курдистана оставалась в сфере чистого земледелия. В этой отрасли также наблюдались сдвиги, связанные с переходом к полуфеодальным формам ведения хозяйства.

Расширение на мировом рынке спроса на некоторые технические культуры (хлопок, табак) отразилось на усилении внимания к культивированию этих культур в Иранском Курдистане.

Выгодность производства технических культур, в частности хлопка, привлекала внимание не только оседлых земледельцев. В некоторых районах Курдистана вожди племен стали заниматься хлопководством, табаководством, выращиванием других технических культур.

Табаководство занимало первое место в производстве технических культур в Иранском Курдистане. В Курдистане, Западном Азербайджане, Керманшахе возделывались преимущественно трубочные сорта табака [54, с. 13], в Резайе — папиросные. Кроме долины Ушну (Резайе) центрами табаководства были районы Салмаса, Соуджбулака, Негаде, Сулдуза, Мергавера и

Тергавера. В 1930 г. в районе Урми было получено 32 тыс. пудов табачного листа [9, № 252 — № 56, 29.06.1931, с. 82].

Весьма прибыльной отраслью было хлопководство, распространенное в районе Миандооба, Урми, Дешта.

Важным сельскохозяйственным районом являлся район Мараги, объединявший 300 деревень, в котором развивалось поливное земледелие. Посевы орошались при помощи сложной ирригационной системы миниатюрных каналов, в которые вода поступала из реки Софи. Это обеспечивало высокие урожаи зерновых, винограда, особенно изюмовых сортов. Кроме того, здесь были небольшие плантации хлопчатника.

Производством изюма и сухофруктов курды занимались повсеместно в Мараге и Урмийском крае, где, по свидетельству английских источников, в 1930 г. было произведено 300 вагонов изюма. Один вагон оценивался в 700—900 пудов.

Пшеница, ячмень и просо преобладали в районе Миандооба, Салмаса, Ушну, Хойя, Негаде, Сулдуза; рис — в Негаде, Сулдузе, Ушну.

Урмия являлась крупным поставщиком миндаля. В 1930 г. его было собрано там 5 тыс. пудов [9, № 252—№ 56, 29.06.1931, с. 83—84].

Растениеводство отличалось крайне низкой технической оснащенностью. Никакого удобрения курды не использовали. Исключения составляли участки, предназначенные под табак, и огороды, которые удобрялись золой, навозом. Несмотря на это, в Иранском Курдистане наблюдалась довольно высокая урожайность: для пшеницы — сам-8, ячменя — сам-10, а в урожайные годы даже 12—15 [11, № 12, с. 11]. В Мергавере, например, в урожайные годы удавалось собирать до 68 тыс. пудов. При этом на пшеницу приходилось $\frac{2}{3}$, на ячмень и просо — $\frac{1}{3}$ урожая. В растениеводстве Иранского Курдистана преобладала двупольная система земледелия [11, № 13, с. 15].

Английский дипломат, посетивший Иранский Курдистан в конце 30-х годов, отмечал, что это был край обширных пространств плодородной земли, в особенности пригодной для выращивания риса. Деревни разбросаны, как острова в обширном море полей. «Представляется, что здесь достаточно воды для орошения, но мало людей для увеличения производства сельскохозяйственной продукции» [9, № 340 — № 65, 25.12.1934].

Т а б л и ц а 1

Скотоводческо-земледельческие формы хозяйства
у племенного объединения мукри в 40-е годы XX в.
[11, № 38, с. 100]

| Род занятий | Число племен | Число колен | Число дымов |
|---------------------------|--------------|-------------|-------------|
| Земледелие и скотоводство | 21 | 23 | 117 300 |
| Скотоводство | 12 | 26 | 30 739 |
| Земледелие | 12 | 36 | 38 485 |
| В с е г о | 45 | 85 | 246 524 |

| Число душ | % | Поголовье скота | % к общему поголовью |
|-----------|------|--------------------|----------------------------|
| 882 000 | 73,7 | 8 815 000 | 72,5 |
| 156 680 | 13,0 | 2 297 417 | 18,3 |
| 187 425 | 13,3 | 947 500 | 9,2 |
| 1 226 105 | | 12 059 917 | |

Посетив район к югу от Керманшаха, он отмечал, что многие земли там не были освоены, несмотря на благоприятные условия для поливного земледелия.

Укрепление товарно-денежных отношений, разложение феодализма и развитие предпосылок капиталистического способа производства ускоряли процесс перехода курдских кочевников к смешанной форме скотоводческо-земледельческого хозяйства, выгодной как скотоводам, так и земледельцам.

О. Л. Вильчевский, изучавший экономику расселения курдов племенного объединения мукри, отмечал наметившуюся в 40-е годы тенденцию к расширению смешанной скотоводческо-земледельческой формы хозяйства. Он показал это в приводимой выше таблице 1.

Перед уходом на летние пастбища курды засеивали участок земли на зимней стоянке и оставляли его на попечение нескольких сторожей. Вернувшись с кочевья, они заставляли урожай уже созревшим. В 40-х годах 73,7% курдов Северо-Западного Ирана были заняты такой смешанной скотоводческо-земледельческой формой хозяйства. В их руках было сосредоточено до 72% всего скота [11, № 38, с. 99].

Значение чистого земледелия в хозяйственной деятельности курдов снижалось. В их распоряжении был только рабочий скот. Повышение товарности продуктов земледелия побуждало определенное число курдов к переходу на более высокую ступень хозяйственной деятельности. Однако низкий технический уровень земледелия и неблагоприятные природные условия подтверждали преимущества ведения в регионе смешанной скотоводческо-земледельческой формы хозяйства²⁷, которой и было охвачено 70% курдского населения [11, № 38, с. 101].

В условиях господства феодальных и полуфеодальных форм ведения хозяйства в курдской деревне продолжали существовать разнообразные виды экономического принуждения. Натуральные и другие повинности по-прежнему тяжелым бременем ложились на плечи сельских тружеников, тормозили рост производства, развитие капиталистических отношений в деревне.

На плечи оседлых земледельцев и кочевников-скотоводов ложились и расходы по содержанию старост деревень, мирабов, мулл, кази (шариатских судей), купцов и др. Они были обязаны также поставлять помещикам и вождям племен различные продукты питания,

домашнюю птицу, овец, делать им подношения по случаю праздников, заготавливать дрова, пасти стада. Дома крупных помещиков и сардаров представляли собой настоящие крепости, охранявшиеся вооруженной челядью, наглухо закрытые для посторонних лиц.

На рубеже 30-х годов в северо-западных районах Иранского Курдистана, в зоне кочевого скотоводческого хозяйства, отмечался падеж скота из-за эпизоотий. Тогда в некоторых местностях погибло до 60% скота. Положение рядовых членов племени усугублялось произволом иранских чиновников, которые «притесняли и грабили кочевников еще больше, чем ханы» [56, с. 314—315].

В Курдистане, с его богатством полезными ископаемыми, рабочей силой, с его рынком сбыта, с высококачественной шерстью, свеклой, табаком и другими техническими культурами, наблюдалось слабое развитие промышленного производства. В 20—40-е годы здесь действовал всего один сахарный завод. Курдистанский табак использовался на тегеранской табачной фабрике, шерсть — на казвинских и исфаханских текстильных фабриках, а свекла — на кереджском, кехризекском, миандоабском и других сахарных заводах.

Производство различных изделий осуществлялось в мелких мастерских, которые базировались преимущественно на использовании ручного труда. Кустарное производство ограничивалось необходимыми видами хозяйственной деятельности, сапожным, портняжным и оружейным делом. В городе Хой в конце 20-х годов имелись 573 мастерские с тремя-четырьмя рабочими в каждой и 3 ковровых заведения с общим числом рабочих около 300 [110, с. 81].

Наиболее крупные мастерские, где были заняты медники, литейщики, кузнецы, плотники, деревообделочники и т. д., имели характер мануфактур. Мелкие мастерские занимались производством ковров, кошм, кожаных изделий, чеканкой, резьбой по дереву. Они работали на местном сырье, эксплуатируя труд подростков и женщин. Такие промыслы были разбросаны по всему краю.

В ковровых мастерских было до 3 тыс. станков, на которых работало около 9 тыс. кустарей. Они вырабатывали до 12 тыс. шт. ковров в год. Около 2,5 тыс. кустарей было занято производством паласов. В Керманшахе работало примерно 1,5 тыс. кустарей [22, с. 18].

Курдские ковры высоко ценились не только в Иране, но и на всем Востоке [22, с. 19].

Текстильное производство получило развитие в Керманшахе, Сенендедже, Мехабаде, Бане и Секкесе, где производились шерстяные, бумажные и частично шелковые ткани и изделия из них. Текстильное производство отличалось примитивностью и отсталостью техники выработки. В дофабричной форме текстильного производства важную роль играло изготовление войлока. Производство войлочных и других шерстяных изделий, которым занималась главным образом беднейшая часть населения, было широко распространено. Товары, изготовленные из войлока, не только полностью удовлетворяли спрос местного населения, но и вывозились в другие районы Ирана.

Курды занимались также производством традиционной текстильной обуви (клям, тиве, калайе шамама-банди). Славилась также их изделия из дерева, которые не только реализовывались на местных рынках, но и были предметом вывоза в другие районы Ирана и за рубеж.

В середине 40-х годов в Курдистане появились первые мелкие механизированные промышленные предприятия. В Мараге, в частности, действовали хлопкоочистительный завод и спичечная фабрика.

В 20-е же годы достаточно высокими темпами развивались кустарные производства — такие, как кожевенное, мыловаренное (в районе Мараги, Салмаса, Урмии). Спрос на местное мыло был довольно значительным, так как население избегало пользоваться ввозным мылом, особенно изготовленным за рубежом. В Урмии также работал кирпичный завод, построенный на средства немецких предпринимателей.

В целом, как мы видим, в изучаемый период промышленность в курдских районах Ирана была развита слабо. Крупные феодалы, обладавшие большими капиталами, не вкладывали средства в промышленность Курдистана. Вследствие нестабильности вывоза не вкладывался и иностранный капитал.

В 30-е годы в Иранском Курдистане действовал крупный государственный элеватор производительностью 16 тыс. т муки в год, а также более 200 механизированных мельниц суммарной мощностью 121 тыс. т различной муки в год [22, с. 24].

В целом обрабатывающая промышленность имела характер мелкотоварного производства, не достигала

Таблица 2

Участие курдов во внешней торговле Ирана
в 1920/21—1926/27 гг.
[11, № 38, с. 101]

| Год | Шерсть | | Табак | |
|---------|--------|-----------|-------|-----------|
| | | тыс. кран | | тыс. кран |
| 1920/21 | 320 | 2376 | 147 | 371 |
| 1924/25 | 57 | 2144 | 113 | 295 |
| 1925/26 | 57 | 2434 | 114 | 219 |
| 1926/27 | 254 | 3677 | 229 | 266 |

| -Ковры | | Всего | | % к экспорту |
|--------|-----------|--------|-----------|-----------------|
| | тыс. крап | | тыс. крап | |
| 983 | 10 110 | 1 450 | 12 857 | 7,5 |
| 1846 | 43 971 | 2 016 | 51 377 | 9,5 |
| 2186 | 48 724 | 2 357 | 51 377 | 10 |
| 2458 | 8 949 | 82 941 | 63 441 | 14,3 |

уровня первоначальных капиталистических мануфактур. Развитие добывающей промышленности зависело от крупных капиталовложений.

Развитию промышленности в городах способствовало строительство дорог. К 40-м годам такие города, как Урмия, Хой, превратились в крупные узлы автодорог и здесь же получили развитие текстильная и пищевая промышленность, а также производство кирпича.

Немаловажное место в хозяйственной деятельности курдов занимала торговля. Курдские помещики непосредственно торговлей не занимались, считая ее делом недостойным. Поэтому товарную часть продукции своего хозяйства (зерно, скот, табак) они реализовали, как правило, через посредников — доверенных лиц и управляющих. Торговлей главным образом занимались представители торгово-ростовщического капитала. Им было невыгодно усиление роли государства в торговле. От введения же государственной монополии на опиум в 1929 г. пострадала (была разорена) и часть курдского сельского населения. С батмана терьяка (опиума), который стоил 16—18 туманов, правительство взыскивало акциз в размере 180 туманов.

Большинство продуктов производства курдской экономики потреблялось на месте. О. Л. Вильчевский подсчитал степень участия курдов в торговле страны, изучая прохождение товаров через таможи городов Соуджбулак, Хой, Касре-Ширин, Сенне и Керманшах. В результате наблюдений ему удалось составить приводимую таблицу 2.

Таблица отражает рост производства основной товарной продукции. 10—15% всего экспорта страны (даже без учета нефтяных продуктов Нефтешаха) падали на курдские изделия [11, № 38 с. 101].

В 40-е годы действовал ряд крупных торговых фирм, принадлежавших курдским помещикам, которые вели оптовую торговлю с другими районами страны и с Ираком и Англией. В Мехабате, например, было крупное объединение предпринимателей — «Соуджбулак». Крупные оптовые фирмы Мехабата не только держали в своих руках всю розничную торговлю и скупку сельскохозяйственной продукции края, но и вели значительные торговые операции на международном рынке [42, с. 202]. Курдские торговые фирмы держали в своих руках почти весь экспорт и импорт края. По мере роста внутреннего рынка увеличивалось значение торговых

центров. В Курдистан ввозились различные товары из Хамадана, Тегерана, Иезда, Мешхеда, Кермана, а из Курдистана вывозились сельскохозяйственные товары в Хамадан, Тебриз, Тегеран и другие пункты страны [110, с. 23, 27].

Район озера Урмия и города Ушну был важным заготовительным центром и крупным перевалочным пунктом, через который пролегали торговые пути в Ревандуз и Шарафхане. Здесь собиралась продукция из других районов края. Зерно поставлялось из Хоя, Салмаса и Маку, табак — из Салмаса, шерсть и хлопок — из Маку. Этими же культурами славился и сам Урмийский край. Затем вся эта продукция водным путем (из-за плохого состояния сухопутных дорог) отправлялась в Хайдарабад [53, с. 93]. Однако не всегда торговцам удавалось реализовать всю производимую в Иранском Курдистане сельскохозяйственную продукцию. Так, в 1927—1929 гг. из Курдистана было вывезено только 240 тыс. пудов сухофруктов, а 350 тыс. остались на складах [37, с. 38].

Через Иранский Курдистан осуществлялся импорт в Иран мосульского керосина и бензина. Поступая из Мосула в Негаде, эти товары переправлялись далее в Соуджбулак и Урмию [9, № 252 — № 47, 09.06.1931].

Большое значение для экономики Иранского Курдистана имело судоходство по Урмийскому озеру. Пять пароходов, снабженных моторами мощностью от 120 до 160 лошадиных сил, буксировали баржи, которых на Урмийском озере было 15. Регулярные рейсы совершали от пристани Шарафхане до о-ва Шахского, пунктов Гальман-Кале, Данулу и Хайдарабада.

Значительный доход курды получали от продажи ковров. В Иранском Курдистане на ковро ткачестве специализировались районы Керманшах, Сенендедж, Бане, Биджар и Мехабад. В годы мирового экономического кризиса производство курдских ковров и их экспорт, как и во всем Иране, резко сократился. Например, экспорт ковров из Керманшаха в 1931/32 г. сократился более чем в 9 раз по сравнению с 1928/29 г. Низкий уровень производства и экспорта ковров сохранялся и в 40-е годы [36, с. 18].

В крупных городах Курдистана значительную роль в торговле играли купцы — персы, армяне и азербайджанцы. Последние, как правило, приобретали товар у местных купцов-курдов, а затем перепродавали его

иранским торговым домам или иностранным торговым фирмам. Был распространен и другой метод: скупка ковров непосредственно у их производителей.

На структуру городского населения Курдистана заметное воздействие оказывал процесс социально-экономической трансформации деревни. Попытки перевода кочевников на оседлость, переселения племен, усиление имущественного и социального расслоения крестьян, сохранение в деревне большой прослойки бедняцких семей способствовали росту миграции сельского населения и увеличению числа городских жителей. Вследствие же низкого уровня экономической жизни в Курдистане основная масса курдов, занятых в городских районах, была сосредоточена в сфере услуг, торговле, строительстве.

В курдских городах родо-племенное деление не имело уже столь важного значения, и население различалось главным образом по профессиональному признаку.

В результате политики централизации, развития товарно-денежных отношений традиционная кочевая и полукочевая структура племен в Иранском Курдистане к 30-м годам в значительной степени была подорвана. Однако у подавляющего большинства кочевых и полукочевых племен района сохранялись сильные патриархальные и феодальные пережитки, что в немалой степени определяло жизнестойкость основного ядра курдского номадизма. Взаимное переплетение этих факторов на рубеже 30-х годов обусловило заметную аморфность кочевой и полукочевой среды в Курдистане, сосуществование в ней как нарождавшихся капиталистических, так и все еще удерживавших во многом свои позиции патриархальных, феодальных и полуфеодальных отношений. Вместе с тем рост мелкотоварных хозяйств сдерживался благодаря тому, что консервативная элита, особенно родовая знать, имевшая еще серьезное влияние на курдское общество, стремилась по возможности не утратить традиционные источники дохода и фактически противилась внедрению форм и методов производства на капиталистической основе.

Вожди племен продолжали выступать посредниками в отношениях между своими сородичами и тегеранской администрацией, нередко при поддержке властей занимали руководящие административные должности, что позволяло им извлекать дополнительные выгоды за счет

ущемления интересов мелких собственников и неимущих слоев Курдистана.

Политика централизации оказала значительное влияние и на социально-экономические отношения городского населения Курдистана. Однако процесс трансформации социально-экономической структуры города и всего уклада городской жизни осуществлялся здесь намного медленнее, чем в большинстве других провинций Ирана. Тем не менее в Курдистане наблюдались заметные изменения в общественной значимости различных социальных прослоек города, вызванные в первую очередь расширением мелкотоварного и отчасти мелкокапиталистического укладов. Традиционная элита постепенно утрачивала былое влияние. В общественной и деловой жизни города ее теснили «нувориши» из деловых кругов. Росла численность и влияние мелкой торговой буржуазии, представленной различными мелкими хозяйчиками, торговцами, владельцами лавок, пекарен и т. д. Мелкая буржуазия постепенно стала занимать в городских «низах» ведущее положение.

Курдский рабочий класс находился в начальной стадии формирования. Становлению курдского пролетариата, формированию его классового самосознания мешала крайняя малочисленность потомственных рабочих, высокий удельный вес нефабричных групп, распыленность большинства курдских рабочих по мелким предприятиям, а также сильное влияние в их среде традиционных, родовых, земледельческих, патриархальных и религиозных понятий, сохранение тесных связей с деревней. Во взаимоотношениях предпринимателей и рабочих Курдистана имели место различные кабальные формы эксплуатации докапиталистического типа, препятствовавшие осознанию местным пролетариатом своих классовых интересов.

Специфика социально-экономического развития Иранского Курдистана отразилась и на курдском движении.

Не отошедшие психологически, политически и экономически от феодального способа производства, курды всецело находились под влиянием своих арбабов и слепо поддерживали выдвигаемые ими лозунги. В процессе социально-экономического развития Иранского Курдистана новые социальные слои стали выдвигать требования, соответствующие раннекапиталистическому этапу развития общества. Однако эти новые социальные слои были неоднородны, и потому внутри курдского движе-

ния стали выкристаллизовываться различные течения.

Одни течения, возглавляемые полуфеодальными помещиками и купечеством, ратовали за создание таких общественных отношений в Иранском Курдистане, которые обеспечили бы новые формы земельной собственности в деревне и создали условия для развития буржуазного предпринимательства в городе. Лозунги демократического течения, представлявшего широкие народные массы, не оформились вплоть до 40-х годов, что было связано с незрелостью тех социальных компонентов, из которых формировался революционный класс, способный возглавить демократическое течение курдского движения в Иране. С. Л. Агаев справедливо отмечал, что «отсутствии в требованиях даже демократического течения лозунгов радикального разрешения аграрного вопроса определялось, несомненно, реальным уровнем развития раннекапиталистических отношений, тем, что проблема коренной ломки феодального аграрного строя еще не была поставлена на повестку дня внутренним развитием иранского общества» [16, с. 47].

В таких условиях обострялись противоречия, существовавшие между курдами и центральной властью. Не преодолевшие еще рамки курдского партикуляризма слои, возглавлявшие курдские движения, ратовали за ограничение деятельности иранской администрации в Иранском Курдистане и сведение ее роли к чисто формальным функциям. А капиталистическая трансформация Ирана, напротив, требовала более активного включения курдских районов в общую для всей страны систему хозяйственных связей.

Преобразования, проводившиеся шахским режимом в рамках политики централизации, не сопровождалась сколько-нибудь значительным развитием производительных сил в Курдистане, не привели и к облегчению положения основной массы трудящегося населения района. Широковещательные планы по развитию Иранского Курдистана в значительной мере нивелировались планами превращения его в военно-стратегический плацдарм Ирана, что потребовало крупных ассигнований на содержание и оснащение армии, дислоцировавшейся в курдских районах. Вместе с тем преобразования в рамках шахской централизации привели к заметным сдвигам в социально-классовой структуре курдского общества, проявившимся прежде всего в усилении влияния мелкой и средней буржуазии.

Глава II

КУРДСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ИРАНЕ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ (1918—1939)

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась мощным толчком развития национально-освободительного движения в Иране.

Идеи Октября проникли и в среду курдов, прежде всего обитавших в пограничных с Советской Россией районах, и будили в них активность к борьбе, указывали путь к национальному освобождению [58, с. 31—35]. Курды все активнее не желали терпеть гнет правящих классов Ирана, стремившихся к безраздельному хозяйничанью в районах их расселения.

В годы первой мировой войны в результате военных действий многие курдские города были разрушены (Салмас, Ушну). В Иранском Курдистане начались голод и эпидемии. По всему краю наблюдалась хозяйственная разруха. Обнищанию курдов способствовали конфискации и репрессивные действия оккупационных английских войск.

Тяжелое экономическое положение, сложившееся в Иранском Курдистане к концу первой мировой войны, способствовало усилению курдских выступлений, в частности, в районах Мукри, Ушну, Хавромана, Мангура, Кельбаха и др.

В годы войны в отдаленных от основных коммуникаций глухих горных местностях — Мариване, Мергавере, Тергавере и других фактически установились независимые курдские районы, располагавшие своими более или менее крупными военными формированиями, вооруженными добытым в столкновениях русским, турецким¹ и английским² оружием. Кроме того, желая использовать курдов как военную силу, оккупационные армии нередко сами снабжали курдов оружием. В этих условиях усилия иранского правительства установить контроль над курдскими районами встречали протест курдов.

К концу первой мировой войны курдские выступления на территории Ирана возглавили наиболее влиятельные вожди племен, стремившиеся превратить эти выступления в общее движение за независимость.

Установление фиксированных границ между Ираном, Ираком и Турцией расчленило курдов. Нарушились их традиционные торговые связи, затруднился экспорт и импорт. Экономические притеснения сказались (изменив их) и на традиционных перекочевках курдских племен. Все это усиливало экономическую депрессию курдских районов Ирана, вовлекало в курдское движение кочевников, обуславливало присоединение к нему курдской торговой буржуазии.

К числу главнейших причин курдских восстаний можно отнести такие, как национальный гнет со стороны правящих классов господствующей иранской нации, которая пыталась путем военно-полицейских мероприятий ассимилировать, усмирить курдов; экономическая эксплуатация курдов в сочетании с вымогательством и прямым грабежом со стороны жандармерии и местных чиновников³.

По мере проникновения товарно-денежных отношений в курдские племена и усиления процесса оседания на землю выделилась эксплуататорская верхушка родовых вождей и эксплуатируемая, нищая, разоряемая племенная масса. В одних племенах этот процесс зашел более далеко, в других — в меньшей степени. Соседство курдских районов Хорасана с туркменскими районами молодой советской республики, в которых национальные отношения строились на новых социалистических основах, способствовало проникновению передовых идей и в пограничные территории Иранского Хорасана. Курдская эксплуатируемая масса стала яснее осознавать порочность системы правления, возглавляемой шахом. Поэтому племенные движения в курдских районах Хорасана скорее, в сравнении с движениями в районах Северо-Западного Ирана, стали приобретать крестьянский характер.

Основной движущей и активной силой курдских восстаний рассматриваемого периода были эксплуатируемые массы. Гегемоном же движения выступала родоплеменная феодальная верхушка курдов: шейхи, племенные вожди, отдельные феодалы. Нежелание феодально-помещичьей верхушки курдов делить с правительственными чиновниками свою неограниченную

власть над райятом и право сбора налогов поднимало курдских феодалов и шейхов на борьбу с правительством. Вместе с тем зарождавшаяся национальная идея также являлась стимулом активной борьбы курдских феодальных верхов с силами правительства [39, с. 99]. Что касается райята и кочевников, то они боролись против налоговых поборов правительства, требовавшего наличные деньги, против взяточничества и вымогательств чиновников, против расправ жандармов и аграрной переселенческой политики правительства [39, с. 103].

Курдские выступления привлекали внимание империалистических кругов Запада, особенно англичан, установивших контроль над общественно-политической жизнью Ирана [57, с. 29]. Англичане хозяйничали и в Иранском Курдистане, привлекавшем их своей близостью к пограничным нефтеносным районам Ирака. Они в своих империалистических целях на Ближнем и Среднем Востоке пытались использовать курдское движение, особенно выступления племен под предводительством их племенных вождей.

Восстание во главе с Ходоу

В 1917 г. в Ширване началось восстание курдской бедноты, достигшее наивысшего подъема к июлю 1920 г. Восстание возглавил Ходаверды (Ходоу-хан), пастух главного хана курдского племени заферанлу Тадж Мухаммед Ибрагима [57, с. 27]. Повстанцы громили помещичьи усадьбы, захватывали их земли, требовали уничтожения феодальных повинностей, изгнания из страны англичан, установления дружественных связей с Советской Россией [58, с. 128].

Реакцией иранского правительства на это выступление явился приказ борджнурдскому хану Сердару Моазезу усмирить весь Ширванский округ. Хорошо вооруженный отряд Моазеза в январе 1917 г. столкнулся с отрядами Ходоу-хана и его сподвижника Тимур-хана. В одном из боев Ходоу-хан был ранен, но ему удалось скрыться, а Тимур-хан бежал [27, с. 26].

Иранские власти мобилизовали против восставших хорошо экипированные с помощью англичан армейские части. Однако часть воинов, сражавшихся на стороне правительства, во время боев перешла на сторону восставших. Чтобы подавить восстание, англичане предо-

ставили в распоряжение иранских властей отряды, сформированные из индусов. На время им удалось добиться усмирения курдов. Однако Ходоу-хан не оставлял мысли о возобновлении восстания. Вместе со своими братьями он собрал к июню 1920 г. вооруженный отряд и выступил с ним против местных ханов и английских оккупационных войск, находившихся в Хорасане. Движение быстро разрасталось и охватило районы Кучанского и Борджнурдского округов. К нему примкнули крестьяне окрестных сел, городская беднота и мелкие родо-племенные вожди со своими отрядами.

Тегеранские власти направили в Кучан значительные силы армии и жандармерии. Только из Бабаджика (иранское село близ советской границы) в Кучан было направлено 100 жандармов, среди которых, однако, было немало сочувствующих повстанцам. Отправляемые на борьбу с Ходоу войска «большими партиями переходили на сторону восставших» [164, 25.07.1920]. Повстанцы стали угрожать Кучану⁴ — крупному центру Хорасана. Вскоре им удалось занять крепость Гильен, расположенную неподалеку от Ширвана, которая стала центром восстания. Иранское правительство направило туда отряд (600 человек) под командованием кучанского губернатора Сардара Носрета Теймури, поддержанный английским военным контингентом.

В июле 1920 г. в районе Кифана и Баджтирана между правительственными войсками и повстанцами произошло сражение, в результате которого отряды Ходоу отступили к крепости Гильен. Однако волнения не затихали. В Кучане сторонники Ходоу распространили воззвания, в которых призывали курдское население к борьбе с угнетателями — англичанами и внутренней реакцией. Одно из таких воззваний было вывешено даже на двери английского консульства в Кучане.

В этих условиях губернатор Хорасана Кавам-ос-Салтане сделал попытку договориться с повстанцами. Для этого он направил к Ходоу в крепость Гильен мешхедского кулеческого старшину. Однако тому не удалось договориться с повстанцами, и он вернулся в Мешхед ни с чем. После этого губернатор выехал в Кучан для встречи с крупными местными феодалами, пригласив на переговоры главных вождей курдских и белуджских племен — Носрета Лашгера, Салара Шоджи Турбети, Сеида Хайдара Бербери, Сеида Мортаза Бербери и др. [159, 16.09.1920]. Вскоре они прибыли со своими отряда-

ми и присоединились к правительственным войскам, но изменить положение и после этого не удалось. Более того, повстанцам удалось захватить Кучан. Ходоу разгромил армию из 500 человек, направленную из Мешхеда на подавление мятежа. Среди повстанцев героически сражались и курдские женщины.

Б. Хоммадов сообщает интересные подробности восстания, почерпнутые из рассказов очевидцев событий. Один из них, Гулам-заде, приводит слова Ходоу: «Мы отбили все атаки врагов, наши командиры... проявили мужество в борьбе. Мы организовали ночные налеты, которые сильно пугали англичан и правительственные войска. Гранитные стены Гильена для них недоступны» [122, с. 27].

Центральные власти направили к Ширвану для подавления мятежа дополнительные силы. Повстанцы же испытывали недостаток в оружии и боеприпасах. Англо-иранские войска сжимали кольцо вокруг мятежников, от которых откачнулись поддерживавшие их ханы. Так, покорность правительству выразил Миср-хан.

Натиск объединенной армии генерал-губернатора Кавама-ос-Салтане, Борджнудского хана Моазеза и Миср-хана из Ширвана, поддержанный англичанами, привел к поражению восстания. Ходоу со сподвижниками отступил в сторону ирано-советской границы, но был схвачен с несколькими руководителями и участниками восстания. Ходоу, его брат Хасан, кетхуда крепости Гильен Мохаммед и Шабан Гильени по приказу Кавама-ос-Салтане были казнены в Ширване, а другие отправлены в Мешхед. 13 августа 1920 г. Кавам-ос-Салтане сообщил в Тегеран о полном подавлении восстания. Опасаясь новых крестьянских волнений в Кучане, Гиляне и других округах, власти усилили там жандармские гарнизоны, увеличили число караульных постов. Выступление курдов закончилось поражением.

Основными участниками восстания были крестьяне, но к нему примкнули и некоторые курдские феодалы, возмущенные деятельностью иранской администрации в районах расселения курдов.

Восстание имело феодально-крестьянский характер, антиправительственную и антиимпериалистическую направленность. Масса восставших не обладала сколько-нибудь развитым классовым сознанием. Такие вопросы, как аграрный или о распределении воды и сборе налогов, ими даже не выдвигались.

Немалую роль в поражении выступления сыграли происки тегеранского правительства, подкуп им вождей курдских и других племен, разжигание вражды между ними. Расколу крестьянского движения способствовали и действия реакционных ханов и духовенства.

Усиление курдских выступлений в рассматриваемый период в значительной мере обуславливалось развитием процесса разрушения изжившего себя феодального уклада с его анархией и произволом, внедрением буржуазных форм управления и налогообложения при сохранении в заметной степени феодальной структуры деревни и прежних методов производства.

Замена общинной собственности на землю частной собственностью ханов, беков, старейшин приводила к быстрому обнищанию «родовой массы». Но социальное расслоение еще не достигло того уровня, при котором рядовые члены племен обратили бы свое недовольство против ханов. Основной источник бедствий рядовые члены племен видели в том новом, что надвигалось с централизацией.

На распространение демократических настроений в районах расселения курдов не могло не оказывать влияния соседство с Советской Россией. Именно поэтому Реза-хан считал установление твердой власти в Иранском Курдистане задачей первостепенной важности. Свою политику в этой части страны он строил и с учетом ограничения влияния там англичан, которые пытались использовать курдское движение в своих целях, стремясь образовать в курдских районах форпост британского империализма. Они располагали к себе курдских ханов, выдвигая проекты создания буферного государства Курдистан. Прикрываясь «курдофильством», англичане пытались вытравить из курдского движения антиимпериалистическую направленность и превратить курдов в инструмент своей имперской политики.

Движение курдов Хорасана, которое являлось частью общеиранского антиимпериалистического движения, было связано с подъемом освободительного движения курдов Северо-Западного Ирана. Многие идеи, пропагандируемые участниками национально-освободительной борьбы, развернувшейся в Иранском Азербайджане под руководством тебризского областного комитета Демократической партии во главе с шейхом Мохаммедом Хиабани, а также дженгелийского движения в Гиляне, возглавляемого Кучек-ханом [66, с. 25—28], не

оставили равнодушным население Иранского Курдистана. В курдских городах, как и во многих других городах страны, были созданы энджумены (советы) из представителей различных слоев населения. Они ставили задачей осуществлять контроль за деятельностью иранской администрации.

Произвол, чинимый в курдских районах иранскими властями, вызвал и более серьезное возмущение курдского населения. В 1918, 1920, 1925 гг. в Мукри, Урмии, Хавромане и ряде других районов вспыхивали мощные курдские восстания с целью освобождения курдов от произвола иранской администрации и турецкой армии, устремившейся в эти годы в курдские районы Ирана для осуществления пантюркистских планов турецкого правительства.

Курды Ирана активно боролись во имя создания независимого Курдистана. Идеи о независимом Курдистане активно пропагандировали многочисленные курдские организации, действовавшие в соседних с Ираном курдских районах Турции. Требования участников курдского движения в Турецком Курдистане сближения с Советской Россией и изгнания из страны английских империалистов нашли отражение в движении курдов Северо-Западного Ирана, которое возглавил Исмаил-хан Симко, глава племени шеккак.

Восстание под предводительством Исмаил-хана Симко

Крупный феодал, Исмаил-хан (Симко или Смитко) был главой курдов-шеккаков, населявших горные районы к юго-западу от городов Салмас (Шахпур) и Урмия (Резайе). Он был известен как «самый влиятельный курдский вождь своего времени» [128, с. 48]. В одной из турецких газет отмечалось: «Симко — молодой человек, лет 35, с твердым и быстрым взглядом, умный. Вся его фигура говорит об энергии, строгости и храбрости. Говорит он по-турецки, по-курдски и по-русски» [155, 17.10.1924].

В исследуемый период шеккаки были сильным племенем, проживавшим на западе Иранского Курдистана. Во главе шеккаков стоял так называемый аширатный клан Авдои, в подчинении у которого находились остальные кланы шеккаков.

В первой четверти XX в. во главе клана Авдои стоял род Исмаил-хана, который находился в состоянии постоянной вражды относительно центральной власти. Дед Исмаил-хана Али-ага участвовал в движении, возглавлявшемся шемдинанским шейхом Обейдулло⁵ в 80-е годы прошлого столетия (см. [121]). Он был схвачен иранскими войсками и закончил жизнь на виселице. Смертной казнью завершилась жизнь и сына Али-аги, отца Исмаил-хана, Джафар-аги. Казнен был и старший брат Исмаил-хана.

Уже сама история его рода делала Исмаил-хана заклятым врагом Каджаров. Во время первой мировой войны германо-турецкая агентура пыталась вовлечь его в подготовку и проведение большого антииранского и антирусского восстания в Азербайджане. Однако в силу ряда причин восстание это возглавил Эмир-хешмет, а самолюбивый и горячий Исмаил-хан оказался в лагере врагов Эмир-хешмета.

Во время первой мировой войны Исмаил-хан во главе отряда шеккаков вторгся в Турцию. В течение 1915—1918 гг. он, удачно маневрируя между воюющими сторонами, занял господствующее положение в курдских районах Северо-Западного Ирана и прилегающих к ним районах Турции.

Восстание во главе с Исмаил-ханом Симко преследовало цель создания «независимого Курдистана». Сначала Симко хотел установить свою власть над другими курдскими племенами Иранского Курдистана, а с их помощью подчинить большой район к западу и северо-западу от озера Резайе, окрестности городов Резайе, Салмас и Хой. При этом он имел в виду подчинить и все некурдское население, проживающее в этом районе.

В это время Исмаил-хан ориентировался на революционное движение во всем Иране, активно выступая на стороне демократических энджуменов [84, с. 94], созданных в Курдистане. Он также установил тесные связи с шейхом Мохаммедом Хиабани, возглавлявшим демократическое движение в Иранском Азербайджане.

Освободив оккупированные турками курдские районы Северо-Западного Ирана, отряды Симко нанесли им сокрушительные удары под Марагой и Миандоабом. Разгромив отряды карадагских феодалов в районе северного берега оз. Урмия, Симко вышел к Соуджбулаку, разбил иранские войска, высланные для борьбы против демократического движения в Курдистане и

Азербайджане, и стал полновластным главой нескольких курдских районов: Маку, Хоя, Котура, Дильмана, Урми, Соуджбулака, Секкеза, Ушну, Негаде, Букана, Бане, Сердешта — вплоть до Вана [21, с. 178].

После вывода в 1918 г. из Ирана русских войск⁶ Исмаил-хан превратился в «самодержца» захваченных им районов. Желая расширить свои владения, он начал войну со своими бывшими союзниками — ассирийцами. В результате этой войны Исмаил-хан захватил ряд горных районов Восточной Анатолии и тем самым существенно расширил свои владения.

Симко был человеком неуравновешенным. Широко известен факт его коварного поступка относительно главы ассирийцев Мар Шимуна, который обещал ему помощь в борьбе против иранских и турецких сил, совершавших карательные акции в отношении курдов. Согласно договоренности, Мар Шимун⁷ 25 февраля 1918 г. в сопровождении 140 всадников прибыл в Кохне-Шехер для встречи с Симко. Но к этому времени Симко изменил свое решение заключить союз с ассирийцами, поскольку в этом случае он лишался помощи враждовавших с ними племен харки. И Симко решил покончить с Мар Шимуном «хитроумным способом». На крышах близлежащих домов заранее были спрятаны вооруженные люди Симко. Он вежливо простился с вождем ассирийцев и тут же, выхватив винтовку у стоявшего рядом курда, выстрелил Мар Шимуна в спину, что послужило сигналом для расправы с остальными ассирийцами.

Исмаил-хан настаивал на безоговорочном выполнении своих требований. Когда Халиф Браим, мулла из Салмаса, выступил против распоряжения Симко и заявил, что согласно шариату грешно присваивать чужое имущество, Симко приказал отрезать ему уши [128, с. 66].

Исмаил-хан последовательно готовился к реализации плана создания «независимого Курдистана». Прежде всего он приступил к реорганизации своей феодальной дружины в регулярную армию. Вооруженные формирования Симко увеличивались также за счет дезертировавших из турецкой армии солдат и офицеров, не примкнувших к кемалистскому движению. По сообщениям английского командования в Багдаде, в составе вооруженных сил Симко насчитывалось от 400 до 500 турецких солдат и офицеров [9, № 154 — № 14].

Личность Исмаил-хана не могла не привлечь внима-

ния английской политической агентуры, действовавшей в Курдистане, прежде всего тем, что он в зависимости от обстановки легко менял свою ориентацию. Благодаря этой черте он мог оказать существенную услугу англичанам, которые нашли к нему подход с помощью видного курдского деятеля в Турецком Курдистане Сеида Таха Исмаила ибн Абд эль-Кадера⁸, связанного с Симко давней дружбой. До 1920 г. Симко вел в курдских районах перманентные военные действия с отрядами иранской армии, боролся против чиновников центральной иранской администрации и т. п.

Англичане стремились к упрочению своих позиций в курдских районах и всячески старались не допустить усиления влияния здесь какой-либо другой империалистической державы. Их позицию хорошо показал майор Ноэль, находившийся в курдских районах в 1920 г. Он отмечал, что Англии выгодно оказывать помощь курдам в организации «независимого Курдистана», чтобы снизить накал их восстаний и тем самым сократить ввод большого числа иранской армии в Иранский Курдистан, что соответственно облегчило бы англичанам осуществление их планов на этой территории [9, № 154 — № 1, с. 37].

Наладив тесный контакт с Симко через Сеида Таха, английское командование в Багдаде сообщало в Лондон 22 августа 1919 г., что Симко удалось передать 2 тыс. туманов, которые заставят его «успокоиться на неделю или две» [9, № 154 — № 9, 22.08.1919].

Таким способом английская агентура стремилась превратить Симко в своего прочного союзника, который, однако, не питал к англичанам доверия и не исключал сотрудничества с турками. В Лондон из Тегерана направлялись тревожные депеши: «Эмиссары из Дамаска вновь прибыли в район Урмии с намерением возбудить курдов против англичан» [9, № 154 — № 14]. Британский вице-консул обеспокоен был тем, что Симко, направившись в Хой, будет иметь благоприятную возможность пожать руку туркам. Стремясь утвердиться князьком автономного района, Исмаил-хан ловко маневрировал между английской и турецкой политической агентурой.

После назначения в Резайе в 1919 г. нового губернатора Симко «решил открыто начать восстание, захватив город» [128, с. 57]. Он приказал перерезать линию коммуникаций между Резайе и Тебризом и направил в

город войска, которые, захватив его, расправились с губернатором и взяли в плен охрану.

Иранское правительство, обеспокоенное действиями Симко, сместило Урмийского губернатора Зия-эд-Довле и заменило его Мирзой Али Акпер-ханом. Но после этого Симко атаковал и захватил Шахпур. Правительство предпринимало решительные меры, направив в Иранский Курдистан значительные вооруженные силы. Сначала правительственные силы во главе с губернатором провинции Западный Азербайджан Мухбир-эс-Салтане несли потери от Симко [11, № 6, с. 8], но затем отрядам Симко пришлось скрыться в Чехрике. На некоторое время они прекратили вооруженную борьбу.

В 1920 г. Симко возобновил вооруженные действия в курдских районах, захватил многие территории и подступил к стенам Хоя. Направленный из Тебриза для подавления Симко отряд был разбит.

По мнению А. Касемлу, «отзвуки Севрского соглашения⁹ 1920 г., восстание курдов Ирака под руководством шейха Махмуда и слабость тегеранского правительства — все это воодушевляло северных курдов на восстание» [150, с. 117]. С 1921 г. начинаются постоянные военные действия между отрядами Симко и правительственными войсками. Силы повстанцев одерживают победу за победой над иранской армией. Так, в сентябре 1921 г. Симко нанес решительный удар по правительственным войскам в районе Мехабата. После этой победы все курдские племена района Мехабата, включая мамаш, мангур, дебокри, пиран, зерза, гоурик, фейзуллабеки, бане и другие, присоединились к восстанию. Симко угрожал уже Миандабу и Мараве.

Восставшие продолжали поддерживать связь с шейхом Мохаммедом Хиабани, возглавлявшим демократическое движение в Иранском Азербайджане. Азербайджанцы передали курдам 2 пушки и 4 пулемета, оставшиеся после ухода турецкой армии, которые и были использованы войсками Симко во время осады Урмии и Салмаса [9, № 294 — № 328, 14.07.1930].

С осени 1921 г. иранское правительство начало подготовку операции по ликвидации движения Симко. В Иранский Курдистан был направлен генерал Арфа, который приступил к реорганизации армии, созданию баз в курдских районах. Кроме того, Тегеран направил в распоряжение миандабского губернатора Мухбир-эс-Салтане полк жандармерии численностью 100 чело-

век с пушками, пулеметами и прочим снаряжением. В свою очередь, Мухбир-эс-Салтане в Тебризе сформировал конный отряд из шахсевен, численностью в 1500 человек, а также добровольную христианскую дружину в 500 человек из ассирийцев и армян Салмаса и Урмии во главе с Амиром Ашрафом. К этим силам присоединились еще 500 человек из Маранды. Все эти формирования зимой 1921 г. были направлены на борьбу с отрядами Симко к Хою и Салмасу [11, № 6, с. 8].

Вместе с тем в ставку Симко под видом военных специалистов засылались лазутчики, которые пытались убить Симко, но все такие попытки оказывались безрезультатными.

Располагая крупными вооруженными формированиями, весной 1922 г., ссылаясь на соответствующие статьи Севрского договора, Симко провозгласил себя главой (меликом) «независимого Курдистана». Было создано и правительство «независимого Курдистана». Пост премьер-министра и военного министра занял один из влиятельных деятелей шеккаков, правая рука Исмаил-хана, Омер-хан. Была разработана конституция нового государства. Курдское правительство пыталось даже, правда безуспешно, установить дипломатические отношения с иностранными государствами. Был учрежден и официальный орган нового курдского правительства — журнал «Курдистан». Правда, умеющих владеть пером в окружении мелика Курдистана оказалось значительно меньше, чем владеющих оружием, вышел всего один номер этого журнала.

В конце 1921 — начале 1922 г. иранской армии удалось осуществить наступательную операцию против Симко. Подразделениям во главе с Шейбани удалось разбить главный отряд Симко, после чего войска овладели Салмасом, Сомай-Брадостом, Урмией, Ушну и Соуджбулаком [11, № 6, с. 9].

Не имея возможности удержаться в Сердеште, Симко вынужден был перейти на турецкую территорию. Иранское правительство объявило после этого амнистию курдам, и многие крестьяне возвратились на свои земли. Однако Исмаил-хан и его брат Мамед-ага остались в районе Баш-Кале [11, № 6, с. 9].

Рассказывая об этих событиях корреспонденту турецкой газеты «Акшам», Симко отмечал, что его якобы озлобили действия иранского правительства, которое принадлежащие ему земли в районе Урмии, Хоя

и Салмаса распределило среди местного населения [159, 23.08.1929]. Симко заявил, что хочет осесть на турецкой территории и продолжить свои действия по созданию «независимого Курдистана».

Присоединившийся к Симко черкес Кязым сделал попытку организовать заговор против своего предводителя. Объединившись с подполковником Неджимутдин-беем, он восстановил против Симко турецкого военачальника Мемед Али-бея. Турецкое правительство обратилось к Симко с предложением переселиться в Ван. По дороге к месту жительства в Ване он остановился в получасе езды от Баш-Кале. Здесь ему стало известно, что лагерь его окружен турецкими войсками. Симко удалось бежать, и после этого он нигде уже подолгу не задерживался.

В конце концов Симко поселился в Мосульском вилайете, где вступил в контакт с английскими чиновниками, вновь решившими использовать его в своих интересах. Англичане обещали предоставить в распоряжение Симко 500 курдских воинов и желаемую им сумму денег. Вместе с тем, опасаясь расправы со стороны турок, Симко установил связи с представителем турецких властей Оздемир-беем. Он уверял правительство Турции в своей преданности, выступал в турецкой печати с верноподданническими заявлениями. «Турецкое правительство дает нам все права и не мешает нашему развитию... Не только понимающие и умные, но самые обыкновенные необразованные курды хорошо осознают необходимость дружного сожительства с турецкой нацией и гибельность вражды с турками для своего самостоятельного существования» [155, 17.10.1924].

В январе 1922 г. правящие круги Ирана обнародовали прокламацию, в которой объявлялось, что все последователи Симко, прекратившие свою деятельность против персидского правительства, будут прощены, получат разрешение вернуться по домам и заняться своим делом.

В конце зимы 1922 г. в Сулеймани (Ирак) состоялось собрание курдских вождей. Там обсуждался вопрос о выборе союзников — англичане или турки. Среди участников собрания разгорелся спор. Сеид Таха и шейх Кадыр покинули совещание, угрожая шейху Махмуду и Симко, которые сразу после этого были окружены английскими войсками, обстрелявшими дом шейха Махмуда. Симко, однако, удалось скрыться.

Согласно сообщениям Кавама-ос-Салтане, в январе 1923 г. Исмаил-хан восстановил отношения с Сеидом Таха и вместе они снова принялись формировать вооруженные отряды, сосредоточив их в окрестностях Сердешта. При этом Кавам-ос-Салтане подчеркивал, что «к его большому сожалению, эти два упомянутых выше лица (Симко и Сеид Таха. — О. Ж.) пользуются поддержкой английских официальных лиц, снабжавших их оружием и боеприпасами». Он констатировал также, что в целях установления спокойствия в западных провинциях страны иранское правительство выделило значительные ассигнования для перевода племен на оседлость, с тем чтобы прекратить «мародерство и разорение», которому подверглись жители Западного Азербайджана из-за «продолжавшегося восстания Симко, Сеида Таха и их сторонников». Кавам-ос-Салтане заверил британскую миссию «в желании персидского правительства установить и поддерживать порядок среди персидских курдов», действия которых могут иметь нежелательные последствия на пограничной с районами Иранского Курдистана иракской территории [173, 03.08.1929].

Все попытки умиротворить Симко силой оружия кончались неудачей. Поэтому иранская администрация предприняла попытки наладить с Симко отношения «мирным» путем. И в 1924 г. Симко был прощен и вернулся в Чехрик. В следующем году он получил аудиенцию у Реза-шаха, которому «покаялся в неизменной лояльности» [121, с. 62].

Временно Симко прекратил военные действия против правительственных сил. Однако он не оставил мысли о создании «независимого Курдистана». Период примирения он использовал для того, чтобы собраться с силами и продолжить борьбу. «Между 1920 и 1925 гг. Симко (Исмаил-хан Ага), глава племени шеккак, удерживал весь район западнее озера Урмия, широко пропагандируя идею независимости всего Курдистана» [150, с. 117].

Рассмотренный этап восстания Симко явился важным звеном в общей цепи курдского национального движения. Исмаил-хану удалось завоевать значительную популярность среди курдов благодаря успехам проводимых его отрядами вылазок против правительственных войск. Молниеносная реакция и неожиданность действий армии Симко вызывали страх и растерянность иранцев. Вместе с тем он сумел добиться того, что идеи незави-

симого Курдистана стали пользоваться значительной популярностью не только среди шеккаков, но и среди курдов других племен. Деятельность Исмаил-хана способствовала подъему национального движения курдов Северо-Западного Ирана, а их лидер воспринимался курдами как национальный герой и борец за независимость¹⁰.

Вместе с тем следует отметить, что под лозунгом «независимого Курдистана» скрывались, по сути, корыстные цели вождей племен к сохранению своих привилегий.

Восстания курдских племен в период свержения каджарской династии и провозглашение Реза-хана шахом Ирана (1923—1925)

Политика правящих кругов в отношении племен накануне свержения каджарской династии проводилась в условиях политического противоборства различных группировок, в основе которого лежала борьба за власть между реакционной феодальной аристократией, помещичье-буржуазными кругами и демократическими силами (см. [19]).

Общественно-политическая жизнь Ирана осложнялась также межимпериалистическими противоречиями в регионе. Движением курдов в Иране старались воспользоваться силы международной реакции, с тем чтобы привлечь на свою сторону его руководство, сделать его своим орудием в осуществлении планов политического и экономического закабаления Ирана.

Крупная роль в установлении и поддержании контактов между националистическими деятелями курдского движения и международной реакцией принадлежит политической разведке таких империалистических стран, как Англия, Франция, Германия. В исследуемый период наибольшую активность в Иранском Курдистане проявляла английская политическая агентура.

Англия издавна вынашивала планы экономического и политического закабаления Ирана. Направленность английской политики в этой стране оставалась неизменной и в первые десятилетия XX в. Как справедливо отмечала Л. М. Кулагина, «империалистическая политика Англии оказала негативное влияние на все стороны со-

циально-экономического развития Ирана, его внутривла- стительского положения». Англия разжигала антиправительственные настроения в различных слоях иранского общества, делая ставку и на «сепаратистские настроения крупных феодалов и в особенности вождей племен» [72, с. 153, 154].

В 1923 г. глава кельхоров Сердар Рашид поднял восстание, требуя от иранского правительства признать неприкосновенность его феодальной вотчины и ликвидировать институт правительственных губернаторов. Отряды Рашида составляли несколько тысяч человек. Однако выступление его было подавлено шахской армией. Сам Сердар Рашид был арестован и некоторое время содержался под стражей, но впоследствии был прощен Реза-ханом. После своего освобождения он находился в Равансаре (к северу от Керманшаха), но, как в дальнейшем выяснилось, не изменил своим убеждениям. В 1926 г. он снова поднял восстание, требуя реставрации каджарской династии в Иране и передачи шахской власти ее представителю Салару-эд-Доуле.

Салара-эд-Доуле поддержали курдские племена из Бане, Секкеза и Сердешта, такие, как сердешт-гоурик, сусени, поштдари, малкари и мангур во главе с Моллой Халилем Сусени. Они нападали на жандармские посты и военные патрули. В городе Сердеште восставшие поджигали правительственные здания [9, № 223—№ 32, 02.08.1926].

Восстание, спровоцированное, по существу, Саларом эд-Доуле в его частных интересах, приняло значительные размеры и распространилось далеко на юг, охватив племена Маривана и Авромана. На севере, в районе Ушну, их поддержали племена зерза. Важную моральную поддержку восставшим оказывал также шейх Махмуд из Сулеймании (Ирак), который после подавления восстания в Иракском Курдистане скрывался на иранской территории. Восстание захватило и Сенендедж. Для его подавления было направлено три батальона из Тегерана и три кавалерийских эскадрона из Тебриза. Армейские части заняли Бане и Сердешт, и наконец в Джеванруде и Равансаре силы Сердара Рашида были разбиты иранской армией [49, с. 26].

Одновременно с восстанием Сердара Рашида в южной части Иранского Курдистана имело место движение под руководством Джафара Султана, вождя племени авроман. Племя это размещалось на стыке иранской

и иракской территорий Курдистана и поддерживало барзанджанских шейхов. Для того чтобы нейтрализовать действия племени на ирано-иракской границе, были направлены правительственные войска, в задачу которых входило не только подавление восстания Джафара Султана, но и вообще разоружение курдских племен.

Джафар Султан оказал серьезное сопротивление иранской армии [79, с. 175]. В Шамширском ущелье между Равансаром и Ноусудом завязались ожесточенные бои с бригадой под командованием полковника Размары. Не получив обещанной поддержки от англичан и не выдержав натиска правительственной армии, Джафар Султан был вынужден бежать в Ирак.

Для осуществления своих планов в курдских районах Реза-хан использовал вождей различных курдских племен, выразивших ему свою преданность. Они использовались для подавления выступлений курдов и разоружения племен.

Разоружение племен было важным аспектом политики централизации, проводимой в Иранском Курдистане. Все курдские племена были хорошо вооружены, особенно английским оружием, которое курдские ханы приобрели во время английской оккупации в период первой мировой войны. От того, в какую сторону направлено это оружие, во многом зависела судьба иранской администрации в Иранском Курдистане. В борьбе с курдскими ханами иранское правительство разоружало одних, оказывало знаки внимания другим. Так, Тадж Мамед-хан получил в управление Кучанский район, а другому курдскому хану, Мирзе Мохаммеду, была поручена охрана границы в районе Дерегеза. Опираясь на таких ханов, которых, впрочем, в дальнейшем ожидала печальная судьба прочих соплеменников, иранское правительство давило на других.

Ответственным за реализацию политики централизации в Иранском Курдистане был назначен заместитель военного министра генерал Абдолла Амир Тахмасп, который ранее участвовал в переговорах с влиятельными курдскими ханами. В этот период относительно мирного подчинения племен генерал Тахмасп показал, что он способен найти общий язык с верхушкой курдской феодальной знати и привлечь ее на сторону правительства. «Благодаря своим замечательным качествам, — писал о нем Х. Арфа, — как посредник Амир Тахмасп

вскоре приобрел огромное влияние среди племен и успешно подчинил контролю центрального правительства многих вождей вплоть до границы и склонил их к сотрудничеству с правительством» [128, с. 66].

Курды сопротивлялись допуску иранских чиновников в пределы Иранского Курдистана. Феодалы не хотели, чтобы те занимались сбором налогов, считая это своей привилегией, и часть собранного оседала прежде в их карманах, а чаще всего и весь сбор не доходил до казны. Кроме того, курдские ханы опасались также, что иранские чиновники будут стремиться приобрести их земли.

Но главное, приход в Иранский Курдистан иранских чиновников означал перенос из центральных районов Ирана существовавших там земельных порядков и общественных отношений, и это явилось существенной причиной того, что широкие массы курдов оказали решительную поддержку своим ханам и помещикам.

Централизация вела к усилению эксплуатации курдского населения, к ухудшению положения всех курдов в сельской местности. Явное ухудшение положения крестьян наблюдалось, к примеру, в Кучано-Ширванском районе Хорасана с преобладающим курдским населением. Там значительное место занимали сады, а в 1925 г. цены на сухофрукты резко упали. «Харвар забзы на рынке ценился в 70—80 туманов, а в 1928—29 гг. цены упали до 16—18» [43, с. 58].

Ущемление власти курдских феодалов со стороны иранских властей вызывало недовольство родо-племенной верхушки курдского общества, которая не хотела мириться с навязываемым им порядком. Ее протест выливался в значительные по размаху движения.

Накануне свержения каджарской династии особенно сильное волнение курдского населения отмечалось в северных районах Хорасана, в Кучанском, Борджнурдском и Ширванском ханствах, населенных курдами племен шаделлу и зафаранлу¹¹. В 1924 г. в этих районах вспыхнуло восстание туркмен и курдов.

Усмирение племен иранские власти начали с Борджнурдского ханства, населенного курдами шаделлу. Поводом для введения туда правительственных войск послужил отказ борджнурдского правителя Моазез-хана покрыть недоимки в казну за несколько лет. Вот как характеризует этого влиятельного курдского вождя английский консул в Мешхеде: «...сардаром Борджнурда

был Азизулла-хан Сардар-е Моазез. Он являлся самодержавным правителем и не выносил вмешательства персидских властей» [9, № 270—№ 20, 26.05.1923]. Этот правитель отказался провести дополнительный сбор налогов в пользу правительства. Поэтому в первых числах января 1924 г. из Тегерана к границе Борджнурдского ханства был направлен конногвардейский полк, усиленный 12 пулеметами и горными конновьючными орудиями. Одновременно из Мешхеда были направлены войска, которые должны были соединиться с тегеранскими частями, а затем окружить ханство и оккупировать его [18, с. 33].

Оказавшись в тяжелом положении, Моазез-хан принял предложение командира отряда Восточной дивизии Мехди-хана, который пообещал ему оставить его на посту борджнурдского губернатора, если он пропустит иранские войска через территорию ханства в Туркменскую степь. Однако при вступлении правительственных войск в ханство Моазез-хан был арестован и отправлен в Тегеран. Касаясь этих событий, британский генеральный консул в Тегеране писал: «Несомненно, что арест Сардара Моазеза и установление в Борджнурде военного губернаторства с гарнизоном окажет негативное влияние на курдов шаделлу» [9, № 221—№ 121, 22.05.1925].

Оставшись без руководства, курды Борджнурдского ханства присоединились к восставшим туркменам и уничтожили несколько мелких иранских отрядов в местах расселения туркмен. Английский консул из Мешхеда сообщал об этом своему правительству: «Туркмены тем не менее не были уступчивы, как курды, и подняли мятеж, нанесли серьезный удар по правительственным войскам» [9, № 270—№ 20, 26.05.1928].

Феодальное соперничество и родо-племенные распри между курдами шаделлу и зафаранлу привели к тому, что зафаранлу не поддержали шаделлу в их борьбе против иранских войск («были не прочь видеть их разгром иранскими войсками»). Кучанские ханы приняли сторону правительства. Описывая туркмено-курдское восстание, английский политический представитель отмечал, в частности: «Ситуация в Борджнурде представляется серьезной; сопротивление курдов племени шаделлу в определенной степени балансируется лояльностью кучанских курдов, но гарнизон в городе значительно сокращен атакующими» [9, № 221—№ 121, 22.05.1925].

Правительственные силы использовали разобщенность курдов, ослаблявшую их сопротивление. С целью усугубить эту разобщенность власти освободили из заключения борджурдского хана Сердара Моазеза, которого через Мешхед отправили в Борджурд и предоставили ему там пост губернатора. Несмотря на это, иранской армии, дислоцировавшейся в этом районе, не удалось подавить восстание. Это послужило причиной смещения Сердара Моазеза и назначения на его место Джан Мохаммед-хана, который заключил своего предшественника в тюрьму. Однако курды продолжали сопротивляться и даже осадили Борджурд [9, № 270—№ 20, 26.05.1928]. Положение настолько обострилось, что Джан Мохаммед-хан потребовал прислать из Тегерана подкрепление. На его запрос в Хорасан вылетели три аэроплана, «которые без особого успеха бомбили курдов на протяжении двух недель».

Иранским войскам не удавалось сломить сопротивление курдов в течение трех лет. Накал сопротивления то усиливался, то снижался. К весне 1925 г. силы восставших, однако, стали иссякать. В мае 1925 г. английские дипломаты сообщали в Лондон: «В течение первых нескольких месяцев года ситуация стала спокойной по сравнению с предыдущим периодом; кажется, что политика, принятая правительством в ноябре по восстановлению Сердара Борджурда, вождя курдского племени шаделлу, который был отправлен в прошлом году в Тегеран, в прежнем положении, и вывод иранских войск из Борджурда принесли результаты, обещавшие благоприятные условия для установления мира, до тех пор, пока правительство не сможет собрать достаточные силы, необходимые для эффективного разрешения ситуации» [9, № 221—№ 121, 22.05.1925].

Однако период относительного спокойствия снова сменился обострением обстановки. Один из курдских ханов (Ладак-хан, более известный под именем Салара Юнга) собрал отряд из 500 всадников. Этот отряд начал наступление на правительственные силы и занял Кучан. Туркмено-курдским повстанцам удалось провести ряд успешных операций против правительственных войск, но они понимали, что иранская армия превосходит их по силам, и потому решили пойти на переговоры с представителями центральной власти. В своих требованиях повстанцы настаивали на признании независимости туркменских земель и Борджурдского ханства и

просили вывести войска из этих районов. Повстанцы выдвигали и ряд других требований, которые, однако, не были удовлетворены иранскими правящими кругами (см. [18]).

Этот этап туркмено-курдского восстания был так оценен британским генеральным консулом: «14 мая Амир Лашкар сообщил мне, что восставшие туркменские и курдские лидеры совместно выдвинули персидскому правительству те же требования свободы, которые приобрели русские туркмены с помощью русского советского правительства. На первый взгляд это напоминает самоуправление на границе с коммунистической республикой, но с другой стороны, это представляет собой по крайней мере попытку достижения практической автономии, которой они добиваются сообща с персами вообще в течение многих лет» [9, № 221—№ 191, 02.06. 1925].

Усиленные гарнизоны иранских войск ужесточили карательные операции против туркмено-курдских повстанцев. При этом курдские ханы не проявили определенной твердости и сложили оружие. В двух письмах на имя командира Восточной дивизии и борджнурдского улема они стремились отгородиться от повстанцев, ссылаясь на то, что якобы были введены в заблуждение туркменами, раскаивались в своих поступках и просили назначить место для переговоров. С этих пор курды отошли от движения в данном районе.

Отстаивая свои интересы, курдские ханы в зависимости от обстановки легко меняли свои позиции, идя на сговор с правительственными чиновниками, которые с их помощью расправлялись с непокорными, а в результате подавляли и тех и других. Добившись своих целей, центральные власти приняли решение вывести небольшие подразделения персидских войск из районов расселения курдов и туркмен, заменив их частями, сформированными из местного населения.

В целом туркмено-курдское восстание представляло яркий пример непоследовательности курдских вождей и местных феодалов, которые преследовали свои узкоклассовые интересы и тем самым оказывали незаменимые услуги шахскому правительству. На позиции курдов в восстании сильное влияние оказала родо-племенная структура. Курды Кучанского и Борджнурдского ханств не были объединены во время восстания и оказались на разных полюсах.

Курдское национальное движение в первой половине 20-х годов как часть национально-освободительного движения Ирана, начавшегося под воздействием идей Великой Октябрьской социалистической революции, развивалось под лозунгом борьбы против иранской администрации. Грубые методы правления, интриги английского империализма в Иранском Курдистане, а также различного рода националистическое влияние (из сопредельных районов Ирака и Турции) поднимали курдский народ на борьбу за сохранение в зоне курдских племен власти местных феодалов.

Многовековые усилия иранских шахов за овладение Курдистаном в конечном счете превратили зону курдских племен в арену непрекращавшихся войн между иранской армией и курдами. Во главе курдов находились наследственные родо-племенные вожди и верхушка суннитского духовенства, являвшиеся сторонниками курдского партикуляризма. Они выступали за ограничение власти иранских чиновников в районах расселения курдов и за единоличное правление курдских феодалов в их родовых вотчинах.

В ходе длительной борьбы курдов против иранских властей в Иранском Курдистане сложился консервативный национализм знати племен и феодально-патриархальных кругов. Этот национализм, выразившийся прежде всего в попытках сохранить феодальный абсолютизм курдских княжеств и патриархальную структуру племен, имел двоякий характер. Стремление феодальной элиты к политической и экономической самоизоляции препятствовало общественному прогрессу. Вместе с тем эта форма национализма в определенной степени отражала социальный протест курдов против распространения крупного иранского капитала в курдских районах и иранской бюрократии. Планы создания «независимого Курдистана» сводились к требованиям внутреннего самоуправления, культурной автономии и некоторых социальных реформ курдских районов. Неограниченная власть феодалов и вождей племен, застойный характер экономики Курдистана обусловили длительное господство этой концепции. Переплетаясь с религиозными предрассудками, националистические настроения приобрели особую живучесть, стали составной частью психологии значительной части курдов.

Князья и сардары, умело используя неудовлетворен-

ность народных масс своим положением, патриархальные и религиозные предрассудки, направляли недовольство «наружу», поднимали курдов на восстания. Эти движения долгое время не имели ясной программы и тактики. Во главе восстаний обычно стояли вожди племен, которые не могли обладать многими необходимыми качествами руководителей народных восстаний. Являясь, как правило, представителями феодально-религиозной верхушки, они были связаны с идеологией и интересами эксплуататорских классов. Поэтому возглавляемые ими восстания зачастую терпели поражения. Благодаря родо-племенной солидарности эксплуататорским слоям на первых порах удавалось сохранять в значительной степени свое влияние в курдском обществе; тем не менее на движении в Иранском Курдистане сказывалось благотворное влияние идей Октябрьской революции и программ решения национального вопроса в Советской России. Распространение этих идей способствовало развитию социального самосознания курдов, содействовало расширению контактов прогрессивной части курдского общества с трудящимися и демократическими силами Ирана. Укреплению этих тенденций способствовала и длительная борьба курдов против английского империализма.

Некоторая часть курдских феодалов стала оплотом реакции в Иранском Курдистане, социальной опорой английского империализма¹², стремящегося использовать курдское движение для захвата преобладающих позиций в Курдистане вообще и в Иранском Курдистане в частности; другая их часть дала руководителей освободительного движения. Поддерживая интересы курдских феодалов, английские империалисты подкупом и шантажом стремились добиться их расположения, с тем чтобы в дальнейшем достичь своих целей, расправиться с ними. Прикрываясь мнимым курдофильством, выдвигая проекты создания «курдского государства», английский империализм старался подчинить курдское движение, подавить его антиправительственную направленность и превратить курдов в инструмент своей политики, нацеленной против национально-освободительного движения. Однако вопреки стараниям англичан антиимпериалистические настроения у иранских курдов продолжали расти.

Повстанческое движение иранских курдов в период проведения Реза-шахом политики централизации в Иранском Курдистане (1926—1928)

В декабре 1925 г. Реза-хан был провозглашен шахом. Опираясь на армию, он продолжил свою политику централизации. Этот курс был направлен на борьбу с теми представителями феодальных верхов, в особенности вождями кочевых племен, которые пользовались большим влиянием и обнаруживали признаки неповиновения центральной власти. Многие из таких вождей были казнены, брошены в тюрьмы и сосланы в отдаленные местности. Иранская администрация предпринимала попытки разоружения кочевых племен и насильственного перевода их на оседлость. Некоторые племена переселялись в другие районы страны.

Иранский Курдистан был вовлечен в общую схему политики «кнута и пряника», проводившейся Реза-шахом в отношении племен в целом. Усмирение курдских племен проводилось с помощью войск, оснащенных всеми видами оружия, вплоть до самолетов. Одновременно проводились мероприятия по разложению племен изнутри: племена натравливались друг на друга, подкупалась феодальная аристократия, внутри племен выдвигались преданные властям элементы. Одновременно определялись сроки и возможности разоружения племен.

В январе 1926 г. из Тегерана командиру Восточной дивизии Джан Мохаммед-хану поступил телеграфом приказ: «Под вашу личную ответственность приступить к разоружению всех курдских ханов, за исключением состоящих на правительственной службе» [85, с. 78]. В первую очередь в Кучано-Борджнурдском районе были разоружены отряды Амануллы-хана и Фархад-хана. К осени 1926 г. были разоружены кучанские ханы. Исключение, однако, было сделано для Тадж Мамед-хана, который с отрядом из 50 вооруженных всадников поступил на государственную службу, получив в свое управление Кучанский район.

Недовольство курдов централизаторскими мероприятиями иранского правительства пытались использовать в своих целях представители свергнутой династии Каджаров.

Из Багдада в селение Ноусуд (юго-восточнее Сулеймании) прибыл к Джафар Султану, главе племени ав-

романов, Салар-од-Доуле (дядя свергнутого шаха). Салар и Джафар составили письма к курдским племенам, населяющим приграничные зоны Ирана и Ирака. В этих письмах они предлагали курдским ханам объединиться и выступить с оружием против Реза-шаха. Салар направил послание также шейху Махмуду, который в то время вел переговоры с братом Симко и англичанами о совместных выступлениях.

В августе 1926 г. курды численностью до 6 тыс. человек во главе с Саларом и Джафаром двинулись на город Сенне. После стычек с правительственными войсками они заняли город. Правительственные войска под угрозой полного уничтожения отступили к Авроману. Однако развить успех курдам не удалось. Не дождавшись поддержки курдских вождей, Салар со своим отрядом удалился в Ирак.

Касаясь ситуации в Иранском Курдистане, английский консул сообщал из Керманшаха: «Операции прошлой осени, проводимые в связи с восстанием Джафара Султана и Салар-од-Доуле... не достигли цели, поставленной персидским правительством, которое предполагает, что весной волнения могут возобновиться, если не будут предприняты шаги для его подавления... Амир Тахмасп оставался там всю зиму и весну и очень компетентно вел переговоры с курдскими лидерами. Некоторые из них побывали у него, чтобы засвидетельствовать свою покорность, другие отказывали в лояльности шаху». В 1927 г. шах посетил Иранский Курдистан. Тогда сыновья Джафар Султана нанесли ему визит с просьбой о милости. Это свидетельствовало о том, что генералу Тахмаспу действительно удалось расколоть единство курдских ханов, частично добиться их лояльности и «предотвратить создание каких-либо серьезных антиправительственных планов» [9, № 223—№ 29, 07.05.1927].

Положение было таким далеко не везде. Поэтому иранское правительство подтянуло свои войска в курдские районы: части Северо-Западной дивизии расположились в Соуджбулаке, Западной — в Сенне и были усилены вооруженными формированиями Центральной дивизии.

Прогнозируя дальнейший ход иранской политики в отношении курдов, английский консул писал тогда: «Вероятно, персидское правительство избежит операции против племен авроман и мериван, если не будут вы-

нуждены начать их из-за непреклонности вождей; военачальники не желают возвращать войска в Ирак, поскольку они требовали покорности от племени пиджхлар» [9, № 223—№ 236, 20.05.1927, с. 13].

Одновременно с действиями Салара у Сенне летом 1926 г. курдские племена пуштдери предприняли наступление на город Сердешт. Вместе с пуштдери выступили родственные им племена нурредин, гяльбаш, хамавенд, джафар и мангур. Их общая численность составила около двух тысяч. Командовал ими Бабекир Али. Повстанцы, разбив отдельные подразделения регулярных войск, обошли их и атаковали с тыла. Началась паника среди иранских войск, которые начали отступление к Сердешту. Но пути оказались отрезанными, поэтому отступавшие отошли на Рабат и частично к Бане. В результате Сердешт был занят повстанцами. Однако правительство увеличило военные силы, и им удалось овладеть Сердештом и рассеять восставших [11, № 38, с. 116].

Наряду с восстаниями в северо-западных районах Иранского Курдистана происходили выступления курдских крестьян в северных территориях. Так, весной 1926 г. в бывшем Дерезез-Келатском ханстве вспыхнуло крестьянское восстание. Крестьяне выступили с антифеодальными лозунгами, которые носили, однако, религиозный характер. Они требовали отмены всех прав помещиков, поскольку, по их мнению, право собственности помещиков на землю противоречит нормам шариата. Вместе с тем, находясь в плену религиозных иллюзий, крестьянство верило, что возвращение к нормам шариата обеспечит революционное переустройство в области аграрных отношений.

Одновременно с восстаниями курдских крестьян возникали мятежи в солдатских гарнизонах, укомплектованных из местных крестьян. Летом 1926 г. подняли мятеж армейские подразделения в Салмасае. Причиной мятежа явилась неуплата в течение шести месяцев жалованья гарнизону Дилманского района Салмасского округа.

Восстанию предшествовали следующие события. 10 июня 1926 г. солдатам сообщили о решении Тегерана не выплачивать якобы «с согласия патриотов-солдат» жалованья за два месяца, а деньги употребить на нужды государства. «Среди солдат возникла уверенность, что причитающиеся им деньги растрочены на коронаци-

онные торжества, и поэтому у них проснулись враждебные чувства к правительству» [106, с. 108].

В гарнизоне состоялось несколько тайных собраний, на которых было принято решение «с оружием в руках добиваться справедливости». Начальник гарнизона получил ряд анонимных писем с требованием выдать жалование. В противном случае их авторы обещали перебить всех офицеров и двинуться на Тебриз. В начавшемся восстании участвовало около 700 человек.

Его основным лозунгом была борьба против шаха и тегеранского правительства. Восставшие солдаты, набранные из числа окрестных крестьян, провозгласили принцип выборности руководящих лиц, сорвали с офицеров погоны. Но солдаты действовали без должного руководства. Убив начальника гарнизона, они прежде всего направились громить базар.

В 4 часа утра 25 июня солдаты вернулись в казармы, где избрали из своей среды командира и двух его заместителей. Весь гарнизон в боевом порядке двинулся на Хой. При этом он связался с частями, находившимися в Кохне-Шехере, и предложил им присоединиться к восстанию.

Солдаты кохне-шехерского гарнизона откликнулись на это предложение и хотели, расправившись со своим командиром, двинуться на Хой. Однако, узнав об их намерении, командир пошел на хитрость. Он выдал себя за их единомышленника. Солдаты заставили его поклясться на Коране, после чего избрали своим предводителем. Но и командир, со своей стороны, потребовал, чтобы солдаты поклялись ему в верности, и солдаты согласились [106, с. 108]. Затем командиру удалось убедить солдат в том, что их антиправительственные действия вызовут гнев Аллаха. И наконец, используя религиозные чувства солдат, он сумел направить их против дильманцев, идущих на Хой.

Разгромив восстание, правительство жестоко расправилось с его участниками, приговорив 150 человек к расстрелу.

С осени 1926 г. в Иранском Курдистане практически установилась военная диктатура Реза-шаха. Сюда перебрасывались вооруженные силы из других районов страны, в результате чего вся северо-западная часть Ирана превратилась в поле отчаянных сражений. Однако, убедившись в том, что военные действия против курдов не приносят желаемого результата, Реза-шах с

1927 г. начал проводить политику «мирного» завоевания Курдистана. Здесь продолжал свою деятельность бывший военный министр Абдолла-хан Тахмасп, который имел чрезвычайные полномочия.

Абдолла-хан широко практиковал тайные совещания с курдскими вождями южной части Иранского Курдистана. Он щедро одарял их, с тем чтобы склонить на сторону правительства. Аналогичную политику он проводил и в отношении макинских курдов, оказавших войскам сильное сопротивление. Однако полностью подчинить курдские племена правящим кругам не удавалось. Если на первых порах иранским властям все же удавалось снискать себе доверие курдских ханов (где подачками, а где и силой оружия), то к середине 1927 г. враждебное отношение последних к иранскому правительству усилилось. Уже весной 1927 г. вожди крупных племен перестали демонстрировать свою лояльность шаху во время его пребывания в г. Сенне. Лишь отдельные ханы направляли ему дружеские послания. Шах, однако, «оказал милость ряду курдских ханов, пользовавшихся значительным влиянием среди племен. Всячески одаривался, в частности, глава племени джелали Мамед Ага. Боевыми мечами с инкрустацией, драгоценными камнями были награждены Махмуд-хан Дезли, шейх Хизам-уд-Дин и шейх Ала-уд-Дин [9, № 222—№ 29, 07.05.1927]. Однако и эти заигрывания не принесли желаемых результатов.

В Иранском Курдистане были развернуты обширные работы по строительству дорог. Строительные работы активно велись на трассе, соединяющей Керманшах и Сенне, а также Сенне—Бане—Секкез. Строительство дорог подрывало политическую и экономическую изоляцию племен и способствовало ускорению установления над ними правительственного контроля.

К маю 1927 г. положение правительственных войск в Курдистане практически не изменилось в их пользу. Об этом сообщалось в депеше английского консула из Керманшаха послу Англии в Тегеран. Он писал, что «в настоящий момент положение (иранской администрации.— О. Ж.) несколько улучшилось, хотя нельзя сказать, насколько это спокойствие означает фактическое улучшение обстановки в курдских районах» [9, № 223—№ 29, 07.05.1927]. Консул высказывал сомнения, что силой оружия шахским войскам удастся покорить курдские племена.

Это в определенной степени сознавали и правящие круги Ирана. Поэтому в тех районах, где удавалось установить контроль иранской администрации, принимались меры по урегулированию вопросов, связанных с использованием пастбищ различными кочевыми племенами. Кроме того, иранские власти стали открывать персидские школы в курдских районах (например, в Ушну), продолжали предпринимать шаги для принудительного перевода кочевников на оседлость, выделив им часть государственных земель, а также сделали некоторые послабления в отношении уплаты налогов.

Вместе с тем, учитывая непрочность своего положения, власти в течение зимы 1927 г. готовились к новому вооруженному натиску на Иранский Курдистан. Эти действия были приурочены к началу военных операций турецкого правительства против курдов на территории Турции. 5 сентября 1927 г. МИД Турции оповестил об этом иранское правительство. Антиправительственная деятельность курдов, живущих как на иранской, так и на турецкой территории, беспокоила правящие круги обоих государств. Эта деятельность способствовала возникновению пограничных конфликтов, которые нередко требовали урегулирования даже на уровне правительств.

Так, осенью 1927 г. турецкое правительство направило персидскому правительству ноту протеста против нарушения границы курдами племени джелали, которые захватили турецких офицеров и оружие и отправили их на территорию Ирана. Оно потребовало возвращения своих людей и оружия, на что иранское правительство ответило протестом, поскольку аналогичные действия совершали и турецкие курды [9, № 222—№ 29, 07.05.1927].

Следует отметить, что подъем курдского движения, происходивший в это время в Турции и Ираке, не мог не оказать влияния на курдов Ирана. Идеи борьбы турецких и иракских курдов проникали в Иран и находили там поддержку, потому что были созвучны политическим настроениям курдов, проживавших в Иранском Курдистане. Идеологическое воздействие на курдское движение в Ираке оказывала созданная в 1927 г. организация Хойбун. Хойбун претендовала на роль общекурдской политической организации, проповедовала идеи воинствующего панкурдизма, поддерживала националистические идеи. В ее печатных органах освеща-

лись вопросы арийского (мидийского) происхождения курдов. Эти идеи легли в основу концепции о «великом Иране» — едином, объединяющем иранцев и курдов государстве. Они пропагандировались в брошюрах и таких журналах, как «Хавар» («Призыв») и др.

К концу 20-х годов, казалось, отношения между Симко и правительством нормализовались. Однако в это время из заключения был освобожден Омар-хан Даллан, бывший сподвижник Симко, изменивший идее «независимого Курдистана». На его освобождение Исмаил-хан отреагировал тем, что сжег несколько деревень, принадлежавших Омар-хану. А затем с двумя тысячами всадников в сентябре 1926 г. Симко атаковал правительственные войска в районе Дильмана. Вначале ему сопутствовал успех, но затем не под силу оказалось противостоять превосходящим силам правительства. Положение усугубили распри внутри отряда Симко, чему немало способствовала деятельность Омар-хана, склонявшего на сторону правительства некоторые мелкие племена в составе вооруженных формирований Симко. В сражении у Кохне-Шехера Симко потерпел поражение. Надежды на успех борьбы за «независимый Курдистан» не оставалось, и он ушел в Ирак [11, № 38, с. 116].

В 1926 г. Симко удалось заручиться поддержкой бекзаде Мергавера и Тергавера и главы племени харки Хаджи-Аги. Совместными силами они напали на Салмас и попытались взять город Шахпур. Была предпринята осада города, но объединенные силы правительственных войск из Резайе, Шарафхане и Хоя отразили атаку курдов, которые понесли тяжелые потери. Их преследовала до турецкой границы иранская кавалерия.

Как раз в это время было подписано ирано-турецкое соглашение, в соответствии с которым турецкие и иранские войска общими силами готовились к подавлению движения Симко. Для того чтобы обеспечить кооперацию иранских и турецких войск, во время операций иранской армии против Симко шахские войска сопровождал турецкий атташе [133, с. 63]. Как только отряды Симко появились на турецкой территории, они были окружены турецкими войсками, разоружены и интернированы. Два года (1927 и 1928) Симко находился в Турции под надзором турецких властей. В мае 1929 г. турецкая администрация предложила Симко покинуть пограничную полосу и отправиться в Малатю или Эр-

зурум. Однако он отклонил это предложение и обратился к правительству Ирана с просьбой разрешить ему переселиться в район Сомай-Брадоста. В своем ответе иранская сторона предложила ему выехать в Тебриз или Тегеран. Симко этот ответ не удовлетворил, и он стал собирать силы, чтобы снова поднять восстание. После неудачной попытки нового восстания Симко был вынужден бежать в селение Сиро-Зарве на ирано-турецкой границе. Когда же после нового захвата турками на турецкой территории Симко возобновил сношения с иранским правительством, он получил согласие иранской стороны и 12 июля 1930 г. прибыл в Ушну. Ему гарантировали жизнь и вернули часть имений. С ним прибыло около 200 курдов. Симко остановился у Хуршида, одного из вождей племени турецких курдов харки, которые каждое лето перегоняли скот в Ушну на летние пастбища. Начальник гарнизона Ушну начал с Симко переговоры о его поездке в Тебриз.

В это время к Исмаил-хану ежедневно начали прибывать с иракской территории барзанские курды под предлогом свидания с ним. Так у Симко образовался отряд из 500 курдов. В то же время Исмаил-хан намеренно затягивал переговоры об отъезде. Персов встревожило его поведение. 17 июля 1930 г. командир дивизии иранской армии, базировавшейся в Ушну, выехал в Урмию, отдав приказ срочно выслать вслед за ним из Урмии и Соуджбулака по одному батальону и по одной пулеметной роте к ним. Вечером 18 июля в Ушну произошла стычка между курдами и войсками гарнизона, во время которой Исмаил-хан был убит.

Несколько часов его тело оставалось на площади, где был устроен митинг, на котором с речью выступил губернатор Урмии. Он охарактеризовал деятельность Симко как бандитскую и поздравил войска, избавившие население от террора Симко.

Однако личность Симко до его последних дней не переставала привлекать курдов. Популярность Исмаил-хана у курдов и страх резашахского правительства были настолько велики, что иранские власти с целью окончательно убедить курдов в том, что их вождь действительно убит, издали несколько открыток с изображением убитого Исмаил-хана.

Так закончилась деятельность этого безусловно талантливого, хотя и непоследовательного в политических вопросах курдского деятеля. После его смерти

Омар-хан вплоть до середины 50-х годов являлся наиболее авторитетным и влиятельным лицом у шеккаков, среди которых идеи «независимого Курдистана» пользовались значительной популярностью. В этом смысле деятельность Исмаил-хана не прошла даром. Она способствовала подъему движения среди шеккаков, и сам Исмаил-хан еще длительное время после своей смерти рассматривался курдами шеккак как национальный герой и борец за курдскую независимость.

Правящие круги Ирана не выпускали из поля зрения и курдов джелали, проживавших на ирано-турецкой границе. Территория, населенная ими и принадлежавшая Ирану, оставалась недоступной для турецкой армии. Туда отступали разбитые в боях отряды турецких курдов.

Напряженность на ирано-турецкой границе заставляла иранское правительство увеличивать воинский контингент в Иранском Курдистане. Этими же силами были подавлены народные волнения в Керманшахском округе (1927 г.).

Центральное правительство было заинтересовано в нарушении, а в перспективе и в полной ликвидации контактов между иранскими курдами и их собратьями, проживавшими на территории Турции. Все это, а также борьба с местными феодалами побудили шахскую администрацию продолжать политику переселения племен в центральные и восточные области Ирана.

Переселение, практиковавшееся в Иране еще со времени сефевидских шахов, было не только одним из способов ассимиляции курдов. При этом курды (как и другие национальные меньшинства) теряли многообразные связи со своими соплеменниками, что мешало процессу их консолидации. Переселению подлежали и джелалинцы, населявшие в основном восточные склоны Арарата [73а, с. 143—149] и некоторые пограничные районы Ирана.

После курдского восстания 1929—1932 гг. турецкое правительство дипломатическим путем добилось согласия шаха на передачу Турции иранских склонов Арарата и настояло на переселении живших там джелалинцев в глубь Ирана. В результате племя джелали было переселено в район Исфахана. Во время переселения джелалинцев безжалостно грабили представители иранской администрации. Так, когда один из вождей джелалинцев, выполняя приказ иранского правительства,

отправился к месту нового жительства с нагруженным на верблюдов и лошадей имуществом, на жандармском посту его остановили, и здесь офицер потребовал продажи всего имущества за мизерную цену. Получив отказ, он выпорол курда и отобрал все вещи даром. Таких случаев было немало.

Как уже говорилось, курды старались ограничить участие иранских чиновников в общественной жизни Иранского Курдистана. Однако иранская администрация постоянно предпринимала попытки привлечь на свою сторону влиятельных курдских ханов. Так, Амир Лашкар и его отряд были направлены для подавления мятежа, поднятого кельхором же Сардаром Рашидом. На подавление восстания были брошены силы в несколько тысяч человек, включая племенное ополчение, состоявшее преимущественно из кельхоров. Узнав на полпути к Керманшаху о том, что силы кельхоров-мятежников во главе с Амиром Макхаусом концентрируются в Махидеште и Равансаре, Амир Лашкар направился в этот район, чтобы убедить Амира Макхауса «распустить кельхоров, а через несколько дней и вовсе вывести свои войска из Равансара».

Действия Амира Лашкара не отличались разумностью и политической дальновидностью [9, № 294—№ 31, 12.10.1929]. Разместив свои войска среди мятежных кельхоров, он не смутился тем, что способствовал разоружению своих же соплеменников. Им руководили при этом главным образом узкофеодальные интересы сохранения неприкосновенности своего родового владения. Естественно, что он лишился союзника в лице Джафар Султана, который начал движение за объединение курдских племен с целью оказать сопротивление разоружению.

Различными способами, где шантажом, где подкупом, иранским властям удавалось сломить сопротивление оппозиционно настроенных курдских вождей. Несмотря на это, полной их лояльности они добиться не могли, так как родо-племенная солидарность имела весьма глубокие корни. Вот почему их отношение к правящим кругам было неоднозначным.

Возьмем к примеру район Авромана, где проживали три курдских племени. Каждое из них по-разному относилось к правительству. Непосредственно на юг от Меривана, в Дезли, местный феодальный вождь Махмуд-

хан Дезли был лоялен к правительству, так как находил у его представителей поддержку в распри из-за деревни с вождем канисанани. Вместе с тем он не доверял ему полностью и относился к нему настороженно и «сразу мог поднять мятеж, почувствовав лишь слабый намек на попытку его разоружения» [9, № 222—№ 236, 20.05.1927].

Жители района Ушну (Резайе) были враждебно настроены к правительству. Южнее располагалось воинственное племя во главе с Джафаром Султаном, которое в зависимости от конкретной ситуации меняло и свое отношение к силам правительства: то выказывало лояльность, то острую ненависть [9, № 222—№ 236, 20.05.1927].

Окрестности Керманшаха находились преимущественно в руках курдских племен. Племена кубади, бабаджани, валадбеги, авромани и джаванруды были настроены враждебно к правительству, в то время как хорошо вооруженные племена гуран, сенджаби, кельхор и хамавенд занимали зависимую позицию, не выступали против правительства.

В ходе осуществления политики централизации в курдских районах центральное правительство все более ужесточало свою позицию в отношении ханов, настойчиво требуя их разоружения. В этом отношении показателен процесс разоружения в Борджнурдском и Кучанском ханствах. С приходом иранских чиновников многие представители курдской феодальной знати, занимавшие административные посты, были сняты с должностей, некоторые были арестованы. Аресты курдских ханов являлись источником обогащения иранских чиновников. К примеру, кучанский хан Вали-хан после продолжительного пребывания в заключении путем длительного торга купил себе свободу за 6 тыс. туманов [8, с. 71].

В Иранском Курдистане стал формироваться военно-административный, судебный и хозяйственный аппарат Реза-шаха, выражавший интересы буржуазно-помещичьих кругов Ирана. Особое место и значение в нем приобрели так называемые комиссары по курдским делам, которые прибывали в курдские районы вместе с частями иранской армии. Они старались вмешиваться во все сферы деятельности курдов. Но главной их обязанностью было следить за настроениями курдского населения. Правда, все спорные дела в Иранском Курдистане традиционно рассматривались помещиками или влия-

тельными духовными лицами. Крестьяне избегали выступать против своих помещиков, боясь нарушить традиционные связи. Претензии к райяту помещик обычно решал сам «по справедливости» таким образом, чтобы не допустить перехода крестьян к другому помещику.

Ощутимые результаты централизаторской деятельности резашахской администрации в курдских районах особенно прослеживались в области культурных преобразований. Правящие круги Ирана старались свести до минимума число национальных школ в Иранском Курдистане, в которых преподавали на родном языке. Вместо них открывались школы с преподаванием на персидском языке, где дети воспитывались как «истинные персы», пренебрегавшие национальными интересами.

В процессе осуществления политики централизации Иранский Курдистан постепенно вовлекался в общую систему социально-экономического и политического переустройства резашахской администрации. Содействуя ускорению ломки традиционных устоев, эта политика в определенной степени могла бы способствовать оздоровлению экономики и социально-политического переустройства района. Однако формы, которые принял этот правительственный курс, вылились в открытую войну против курдов, что способствовало как дальнейшему обнищанию основной массы курдского народа, так и отставанию этого района от других останов Ирана в социально-экономическом отношении в целом.

Переселение курдов из Курдистана в другие районы страны означало лишение их исконных земель, разъединяло их в территориальном отношении, способствовало усилению процесса ассимиляции. Такая политика вызывала ненависть курдов к Реза-шаху, который с беспощадной жестокостью подавлял их выступления и восстания. Усилению этих выступлений способствовал и налоговый гнет. Сбор податей стал производиться не местными феодалами, а иранскими чиновниками, что лишало племена одного из важных источников их дохода.

Несмотря на то что централизация не затрагивала радикально экономическую основу феодально-крепостнических отношений, а лишь модернизировала их, она сократила права родовой верхушки, привыкшей к безраздельному хозяйничанью в своих феодальных вотчинах, в пользу иранской администрации. Если до конца первой мировой войны в Иранском Курдистане господствующим типом хозяйства было натуральное хозяйство

помещиков, использовавших традиционные феодальные формы эксплуатации крестьян, то в 20-е годы здесь наблюдался процесс трансформации натурального хозяйства в товарное, или феодального в полуфеодальное, свойственный этапу развития аграрного строя Ирана того времени. Как отмечал А. И. Демин: «Эти изменения получили выражение прежде всего в формировании полуфеодального хозяйства, которое постепенно занимало преобладающее положение в деревне в складывавшейся многоукладной социально-экономической структуре Ирана» [50, с. 13]. Хозяйственное развитие курдов в эти годы, находившееся под непосредственным воздействием господствовавших в Иранском Курдистане докапиталистических отношений, постепенно стало втягиваться в систему капиталистических хозяйственных связей.

Вместе с тем распространение новых форм хозяйственной деятельности в курдских районах негативно отражалось на положении не только низших слоев населения, но и родовой верхушки, поскольку сократились ее доходы от эксплуатации своих соплеменников, от уменьшения налогов (часть их стала оседать в государственной казне и карманах иранских чиновников) и контрабанды. В связи с этим большинство курдских восстаний продолжали возглавлять курдские ханы. В этих выступлениях участвовали главным образом рядовые члены племени, нередко вовлекавшиеся в них в силу выполнения родовых «обязанностей». Возглавляя эти восстания, феодальная верхушка тем самым сохраняла свое влияние и авторитет среди рядовых членов племени.

Курдский вопрос в Иране в годы мирового экономического кризиса (1929—1933)

Мировой экономический кризис, разразившийся в 1929—1933 гг. и поразивший ведущие империалистические страны, оказал глубокое влияние и на Иран, превращенный ими в источник минерального и сельскохозяйственного сырья и рынок сбыта промышленных товаров.

Разрушительное воздействие кризиса на экономическое положение Ирана правительство пыталось компен-

сировать проведением некоторых мероприятий в сфере промышленности и сельского хозяйства [60, с. 89—95]. Эти действия затрагивали интересы преимущественно районов расселения курдов. Убытки, понесенные в период кризиса, помещики старались покрыть за счет усиления эксплуатации крестьян полуфеодальными методами. Они произвольно повышали свою долю урожая, увеличивали обложения крестьян натуральными повинностями. В целях подчинения контролю частного капитала государство приступило к централизации торгового капитала. Это не устраивало курдских купцов, которые вели торговлю на внешнем рынке (с Ираком, Турцией).

Положение курдов усугублялось произволом иранских чиновников, которые притесняли и грабили кочевников еще больше, чем ханы, а также продолжали политику перевода курдских кочевников на оседлый образ жизни [56, с. 314—315]. «Перевод курдов на оседлость,— писал английский консул Пальмер из Тебриза,— представляет мне вполне сообразным с существующим режимом» [9, № 252—№ 52, 29.06.1931]. Высказывание Пальмера уточнял другой английский консул из Керманшаха. «Перевод кочевников на оседлость,— писал он,— является делом, в котором шах очень заинтересован, в особенности потому, что земля, которую он хотел обрабатывать, принадлежит ему» [9, № 340—№ 65, 21.12.1931].

Принуждение кочевников к оседлости ускоряло процесс разложения докапиталистических отношений, способствовало ломке традиционных социально-экономических форм. Подчинение племен контролю государственных органов способствовало ликвидации социально-политической и культурной изоляции курдского населения, вовлекало его в сферу внутренних и внешних торговых связей. При правильном осуществлении эта политика могла бы способствовать экономическому, политическому и культурному росту курдских племен. Однако грубые методы, которыми проводилась политика централизации, «национализация» пастбищ и утверждение органов власти в зоне курдских племен вызывали ненависть и даже вооруженное сопротивление кочевников Реза-шаху (см. [19]).

Переход на оседлость приводил к подрыву родовой организации племен, место которой постепенно стали занимать деревенские общины. Ускорился процесс классовой дифференциации. Выделялись группы мел-

ких земельных собственников, арендаторов карликовых участков, оказавшихся в экономической зависимости от помещиков, а также группы, лишенные скота и не имевшие орудий производства. Помещики заняли место родовой знати (хотя в отдельных случаях кое-кто из местных ханов и удерживал свои экономические позиции, превратившись в помещика), что способствовало ограничению влияния феодальной аристократии и духовенства.

В результате воздействия мирового экономического кризиса в Иранском Курдистане резко сократились производство сельскохозяйственной продукции, объем внутренней и внешней торговли, закрылось большинство мастерских, что повлекло за собой рост безработицы, и т. п.

В погоне за максимальными прибылями иностранные империалисты в условиях мирового экономического кризиса поддерживали высокие цены на ввозимые промышленные товары и одновременно снижали цены на местное сырье. В 1929 г. курдские крестьяне терпели бедствия из-за падения цен на сухофрукты, из-за введения государственной монополии на опиум, а также из-за саранчи, которая опустошила бахчи, огороды, поля. Все это, а также непосильный гнет и эксплуатация курдских крестьян местными помещиками вызывали возмущение курдов. Свое недовольство действиями правительства курды выражали в активизации повстанческой деятельности. Так, в начале сентября 1929 г. отряд курдов во главе с Али Кули-ханом совершил нападение на шахское владение в районе Шахабада. В этот район были направлены значительные вооруженные формирования из Керманшаха и Шахабада, поддержанные авиацией, которая несколько раз бомбила расположения повстанцев-кельхоров. Как сообщали английские дипломаты, кельхоры сражались хорошо, и подавление мятежа длилось десять дней [9, № 294—№ 31, 12.10.1929, с. 1].

Выступления курдских племен наблюдались и в других районах Курдистана. Бунтовали кальхани и гурани, которых поддерживали племена валадбеков и бабаджани. И эти выступления также были жестоко подавлены частями иранской армии под командованием полковника Багир-хана. Арестовав вождя кальхани, Багир-хан на некоторое время усмирил племя [9, № 294—№ 31, 12.10.1929, с. 1].

Успокоив курдов в одном районе Курдистана, правительство подтягивало войска в другие, где намечались очаги курдских выступлений. Так, хорасанские крестьяне стали группироваться вокруг борца за справедливость Зульфу, курда из Кучана, которого называли «странствующим падишахом Персии Зульфагаром Кучанским» [37, с. 58].

Возглавив восстание крестьян в Кучано-Ширванском районе Хорасана, Зульфу выдвинул требования отмены запрета на ношение национальной одежды, облегчения условий набора солдат в армию и отмены государственной монополии на опиум. Зульфу облагал налогами помещиков, захватывал склады и раздавал продукцию сельского хозяйства крестьянам для продажи, наказывал правительственных чиновников, взыскивающих тяжелые подати с крестьян.

Зульфу пользовался большим авторитетом среди местного населения. «В округе не было таких крестьянских домов, где не говорили бы о Зульфу, не укрыли бы его в случае нужды, не помогли бы ему всем необходимым» [37, с. 59]. Отряд его постоянно пополнялся. Для подавления мятежа «неуловимого» Зульфу правительство направило целую войсковую бригаду. Однако поймать отличавшийся своей мобильностью повстанческий отряд было не так-то просто. При необходимости он проходил в день около сотни километров. Оружие он добывал при столкновениях с силами правительства, жандармерией. Необходимые сведения Зульфу поставляли окрестные крестьяне, которые горячо его поддерживали. Однако во время одного из столкновений раненый Зульфу все же был обнаружен, схвачен и доставлен в Мешхед. В течение трех дней его допрашивали, а затем, 10 июля 1929 г., повесили на главной площади Мешхеда перед правительственным зданием, «то ли потому, что его схватили полицейские, а не войска, то ли из-за особой опасности, которую представлял пойманный» [37, с. 57].

С казнью Зульфу отряд его стал распадаться. Правительственные силы несколько месяцев вылавливали повстанцев. Об этом много сообщала центральная пресса. В конце августа 1929 г. был повешен сподвижник Зульфу Реджиб Али, а оставшиеся в живых «мятежники» скрылись в Сабзеваре [173, 03.08.1929].

Борьба, которую начал Зульфу, отвечала чаяниям трудового курдского крестьянства. Ее пытались продолжить брат Зульфу Каму и его дядя Хейдар. Они орга-

низовали новый отряд, который совершал антиправительственные акции [37, с. 59]. Но иранской армии удалось уничтожить и этот отряд, а Каму и другие его сподвижники были казнены в Мешхеде [37, с. 59].

Выступление курдских крестьян под руководством Зульфу показало, что курдское движение в этот период стало приобретать новое качество. Наметились тенденции к выходу курдского крестьянства из-под безропотного слепого подчинения феодалам. Определенную роль при этом играло не столько изменение политической ситуации в Иранском Курдистане, сколько социально-экономическая трансформация, связанная с реформами Реза-шаха.

Движение под руководством Зульфу показало, что в курдском движении стали укрепляться элементы демократического течения. Уже крестьянин, а не феодал возглавил вооруженное выступление курдов. Движение под главенством Зульфу приобрело новое качество, его цели стали уже определяться требованиями радикального решения аграрного вопроса. Это свидетельствовало о происходившем процессе ломки феодального строя в районах расселения курдов, об усилении классового расслоения курдского общества.

Если в районах расселения курдов Хорасана уже четко прослеживались элементы буржуазных социальных отношений, то в северо-западной части Ирана еще не сложились условия для развития таких отношений. В конце 20-х — начале 30-х годов здесь были еще довольно сильны феодальные отношения. Поэтому и в руководстве курдским движением в основном преобладали консервативные круги курдской феодальной верхушки.

Взрывы недовольства отмечались, однако, в различных районах Курдистана. Так, зимой 1930 г. началось движение в районе Секкеза и Бане, возглавляемое Мохаммед Решид-беком, сыном Кадер-хана.

Мохаммед Решид-бек пользовался расположением правительства, и ему было разрешено проживать в одном из селений района Бане. Всяческими почестями отличал его и Махмуд Эмин, командир бригады иранской армии, дислоцировавшейся в окрестностях города. Решид-бек потребовал предоставить ему селение Туй, одно из поместий Бане, а также освободить от уплаты малаата (налогов) по причине упадка хозяйства в его владениях. Не получив положительного ответа на свои требования, Решид-бек самовольно переселился в Туй и

отказался от уплаты налогов за владения, принадлежавшие ему и его родственникам. За этим последовали антиправительственные действия. По приказу Решид-бека был убит городской голова Бане Сеид Фатхулла, а через несколько дней служащий управления таможен Меджид. Кроме того, он посылал своих доверенных лиц в неподвластные ему деревни и присваивал собранный крестьянами урожай [38, с. 64].

В ответ на действия Решида командир сводной Курдистанской бригады полковник Махмуд Эмин направил войска для усмирения мятежника. В ночь на 6 февраля 1930 г. отряд, в составе которого наряду с регулярными частями находились силы лояльных правительству местных племен, двинулся двумя колоннами из Меривана и Бане в Туй. Повстанцы были разгромлены в течение шести часов. Все селения и деревни, принадлежавшие Решид-беку, были заняты войсками. Сам он с несколькими ранеными сподвижниками, в том числе с братом Мохаммед-беком и племянником Дале Хасаном, бежал в Бане. Поскольку Решид-бек и его окружение не пожелали по требованию властей капитулировать, все пятьдесят принадлежавших им селений с землями были распределены между верными правительству ханами.

К началу 30-х годов иранской администрации с помощью хорошо подготовленных и оснащенных боевой техникой вооруженных формирований удалось разгромить основные очаги повстанческой деятельности курдов.

Борьба резашахской администрации с курдами осложнялась тем, что была связана с отношениями между Турцией и Ираном. Курдо-иранские конфликты вовлекали в борьбу и курдов, населявших приграничные районы Турции. Конфликтные ситуации на ирано-турецкой границе затрагивали интересы как Ирана, так и Турции, правительства которых старались урегулировать их прежде всего исходя каждое из своих интересов.

Позиции Турции и Ирана совпадали по ряду аспектов курдской проблемы, в том числе по вопросу о разоружении пограничных племен. Эта политика должна была проводиться весьма осторожно, поскольку любые необдуманные действия со стороны правительственных войск могли привести к серьезным столкновениям. Особой гибкостью в проведении этой политики отличался Сартиб Кафер Доуле, служивший в северо-западных

районах Курдистана и участвовавший в подавлении восстания курдов 1928 г. в Соуджбулаке. В дальнейшем он был направлен в район Арарата, где в то время работала турецко-иранская разграничительная комиссия. Свое пребывание в этой местности Сартиб Кафер Доуле попытался использовать для установления связей с турецкими курдами. Вместе с тем он не спешил с разоружением иранских курдов района.

В ноябре 1929 г. турецко-персидская разграничительная комиссия прервала свою работу до апреля 1930 г. «Возникли существенные разногласия,— докладывал консул Пальмер.— Основным пунктом разногласий явилось то, что каждая из сторон желала, чтобы другая сделала первый шаг в решении проблемы разоружения курдских племен, проживавших на той территории, в которой стороны были заинтересованы» [9, № 294—№ 273, 06.06.1930].

Поместив 10 июля 1930 г. статью «Курдский вопрос и политика нашего правительства», газета «Иран» писала, что иранское правительство приняло единую с турецким правительством политику в отношении курдов. В этой связи сообщалось, что иранское правительство распорядилось закрыть границу в Иранском Курдистане таким образом, чтобы иранские курды не могли оказывать помощь турецким курдам и чтобы блокировать турецким курдам доступ на иранскую территорию. С целью нейтрализации вероятных пограничных конфликтов иранские власти предприняли переселение курдского населения с пограничной с Турцией территории внутрь страны. В предписании подчеркивалось, что поскольку «иранское правительство уделяет столько внимания персидским курдам, которых оно рассматривает как обычных иранцев, персидским курдам запрещалось оказывать помощь и содействие турецким курдам или принимать последних как беженцев» [162, 05.02.1946].

Турецкое правительство настаивало, чтобы Иран держал под жестким контролем свои границы, с тем чтобы не допустить переход курдов на иранскую территорию и не давать им возможность формировать свои силы для возобновления военных действий. Однако касаясь иранской политики в отношении турецких курдов, газета «Иран», в частности, писала, что «персидское правительство будет оказывать помощь турецким курдам в их борьбе против турецкого правительства» [9, № 294—№ 328, 14.07.1930]. Комментируя это заявление

полуофициозной иранской газеты, английский посол в Тегеране не сомневался, что точка зрения иранского правительства в отношении турецких курдов действительно такова, как пишет «Иран». Но он не верил тому, что иранская администрация в Курдистане сумеет эту политику осуществить на практике.

В конце июля 1930 г. в районе Арарата турецкие войска преследовали курдский отряд на протяжении 10 км по иранской территории. Курды племени джелали ввязались в этот конфликт, который грозил разрастись в серьезный инцидент. Иранский военачальник генерал Доуле предложил туркам покинуть иранскую территорию. Турки подчинились. После этого иранские войска жестоко расправились с курдами. Кроме того, иранские и турецкие курды района подверглись бомбардировке с воздуха.

Устами известного депутата иранского меджлиса Дешти, реакционера по своим политическим взглядам, была сформулирована официальная точка зрения правящих кругов Ирана того времени: «В Персии не существует курдов, так как здесь курды не рассматриваются как меньшинство, а считаются единомышленниками персов» [172, 22.10.1930].

Ведение военных действий с курдами требовало от иранского правительства крупных денежных расходов на содержание армии в Курдистане. Кроме того, было ясно, что правящие круги Ирана не в силах подчинить курдов только военными средствами. Поэтому они маневрировали, проявляя гибкость.

Весьма осторожную политику в отношении курдских (турецких) повстанцев они занимали в районе Арарата летом 1930 г. Иранские власти давали последним возможность добывать продовольствие и оружие на иранской территории.

Осенью 1930 г. турецкое правительство решило окончательно подавить курдское движение в этом районе и сконцентрировало у границы пять полков. При этом турки потребовали от иранского правительства пропустить свои войска по территории Ирана, с тем чтобы ударить по повстанцам в Кире (территория между Большим и Малым Араратом) с тыла. Одновременно они подняли вопрос о пересмотре турецко-иранской границы [11, № 38, с. 12].

Переговоры в Тегеране затянулись, но турки неожиданно перешли на иранскую территорию и разбили ос-

новые силы повстанцев в Кире, устроили резню племен и, захватив массу скота, вернулись на турецкую территорию. Желая окончательно подавить курдское движение у Арарата, турецкие власти сумели добиться согласия иранского правительства уступить Турции принадлежавшие Ирану склоны Арарата. Вместе с тем все новые и новые силы иранской армии перебрасывались в Иранский Курдистан для усмирения племен. В январе 1931 г. центральным властям удалось подчинить себе племя авроман-дизли, вождь которого Хан Дизли после неудачного боя скрылся в Ираке [39, с. 102]. Однако в ноябре—декабре 1931 г. племена авроман снова восстали под руководством Джафар Султана и нанесли ряд поражений иранским войскам.

Особенность выступления курдов во главе с Джафар Султаном состояла в том, что основная масса его участников выступала против усилившейся эксплуатации кочевников. Несмотря на то что Джафар Султаном руководили прежде всего феодальные интересы, он сумел направить недовольство курдов против правящих реакционных буржуазно-помещичьих кругов резашахской администрации.

Иранские власти объявили мобилизацию среди лояльных курдов. Это позволило им сконцентрировать в Иранском Курдистане большие силы, которые включали свыше 3800 человек регулярной армии и 1200 наемников из числа курдов-шеккаков. Кроме того, этим силам были приданы три самолета, главным образом для разведывательных целей. Командование войском первоначально было возложено на Сарханг Мохаммед Али-хана из Урмийского полка, а впоследствии его заменил Сарханг Калб Али-хан из Тебриза [9, № 252—№ 5, 07.05.1931]. Военные действия нарастали.

Английские дипломаты, наблюдая за ходом операций, выделяли в их развитии даже некоторую цикличность. Британский консул в Тебризе С. Пальмер сообщал своему руководству летом 1931 г., что операции в Курдистане прошли две фазы: «Первая фаза военных действий продолжалась с 15 мая по 20 июля 1931 г. Затем была пауза, после чего операции возобновились до 4 июля 1931 г.» [9, № 252—№ 60, 16.07.1931].

В своем стремлении нарушить, а в перспективе и вообще оборвать контакты между иранскими курдами и их собратьями, проживавшими на территории Турции, шахская администрация в 1931 г. сделала очередную

попытку переселить курдское население с ирано-турецкой границы в другие районы страны. В интервью газете «Иран» 10 июля 1931 г. полковник Касем-хан Сийах, уполномоченный иранской администрации по установлению турецко-персидской границы, говорил: «...для того чтобы быть уверенным, что персидские курды не будут выражать своих родовых симпатий, помогая своим родственникам, войскам Северо-Западной армии был дан приказ эвакуировать все персидско-курдское население из зоны, граничащей с районом Арарата, и переселить это население во внутренние части страны».

Политика правящих кругов Ирана в курдских районах находилась, таким образом, в тесной зависимости от отношений с Турцией и регулировалась в соответствии с состоянием этих отношений.

Сложное политическое положение Иранского Курдистана побудило лучшую часть прогрессивных слоев курдского общества и иранской общественности серьезнее отнестись к оценке сложившейся в курдских районах обстановки. Она стала понимать, что многие курдские феодалы лишь ратуют за сохранение власти в своих владениях, выдавая это за стремление к свободе и независимости. Вместе с тем прогрессивные курдские деятели удостоверились в лицемерии английской агентуры, пытавшейся влиять на курдское движение. В этих условиях некоторые курдские феодалы — депутаты меджлиса спешили выразить свои верноподданнические чувства иранскому правительству. Выступая на заседании меджлиса 5 января 1932 г., депутат Эсфендиари пытался доказать незначительность курдского движения вообще, стремясь вызвать доверие и одобрение остальной части депутатов. Он, в частности, говорил: «Я имею известия с границ, личную и письменную связь с курдскими племенами Азербайджана и Курдистана. Я хорошо знаком с их убеждениями. Курды считают себя настоящими персами, питают большую привязанность к персидской земле, ни о чем не думают, кроме как о Персии. Все племена и роды считают себя персами, детьми одной семьи» [79, с. 175]. Выступавшие после него депутаты от Курдистана Фараджула-хан и Мофти аналогичным образом пытались доказать свою преданность шахскому правительству. Фараджула-хан при этом подчеркивал, что курдские племена еще до царствования династии Пехлеви считали себя истинными слугами и жителями Ирана.

Крупнейшие курдские феодалы, связанные с персидской торговой буржуазией и полуфеодальными помещиками, были объединены общими интересами увеличения прибылей путем эксплуатации трудящихся, в том числе и массы курдского населения. Поэтому они были кровно заинтересованы в подавлении начинавшего формироваться курдского национального движения.

Именно в это время в иранской прессе усилилась широкая пропагандистская кампания великодержавной политики правительства, которая была нацелена на то, чтобы ликвидировать саму постановку вопроса о наличии в Иране большого числа национальных меньшинств.

В одном из номеров газеты «Сетаре» за 1933 г., например, публиковался доклад комиссии Лиги Наций, в котором приводились цифры о составе населения Ирана и о количестве различных племен. Реакция газеты на этот доклад была следующая: «По-видимому, автор доклада совершенно незнаком с этнографией и не знает, что курды и луры являются истинными иранцами» [169, 28.05.1933].

Аналогичную точку зрения выражала и другая иранская газета — «Шефаг», которая писала: «Иранское правительство и основной закон Ирана не делают никаких различий между национальностями, языками, религией и племенами страны» и далее: «... курды, луры, белуджи и прочие упомянутые в докладе племена являются чистыми иранцами с единым языком, различающимся лишь диалектами, встречающимися в тех или иных провинциях Ирана» [171, 02.03.1930].

К 1933 г. в Иране в основном завершилось усмирение курдских племен, сопровождавшееся их разоружением. Политика государства в отношении племен пагубно отражалась на материальном положении всех слоев курдского общества. За короткий срок даже многие зажиточные семьи были разорены. «В результате мероприятия по ликвидации сепаратизма племен, направленные на укрепление государственного единства и развитие производительных сил, вследствие порочных методов решения этой задачи обернулись величайшим народным бедствием и привели к упадку скотоводства в тяжелые годы кризиса» [60, с. 111—112].

Помещичье-буржуазные круги Ирана стремились разрешить возникшие в период экономического кризиса трудности за счет трудящихся, путем укрепления позиций компрадорских элементов в экономике и политике

Ирана. В этих целях иранское правительство усилило репрессии против рабочего, крестьянского и всего демократического движения в стране. Одновременно были расширены мероприятия на идеологическом фронте. «В целях укрепления своего господства имущие классы пропагандировали идеи ярого национализма и пан-иранизма. Народу устойчиво внушали мысль о величии древнего Ирана, о необходимости возрождения его былой мощи, о великой миссии иранцев и т. д. По отношению к иранским народностям и племенам Ирана проводилась политика великодержавного шовинизма и националистического угнетения» [15, с. 511]. Усилению реакционных тенденций во внутренней политике Ирана, в том числе и в отношении национальных меньшинств, способствовала активизация империалистической экспансии германского империализма в стране.

Иран занимал важное место в планах фашистской Германии в ее борьбе за мировое господство. Эта страна привлекала не только своими огромными, почти неиспользуемыми запасами полезных ископаемых. Она привлекала внимание гитлеровцев и чрезвычайно выгодным стратегическим положением. Укрепление в Иране могло дать германским фашистам возможность закрепиться на подступах к советскому Закавказью и Средней Азии, к Ираку и Индии. Важное значение при этом имели районы расселения курдов.

Политическое положение Иранского Курдистана в 1934—1939 гг.

Проводимая правящими кругами политика укрепления власти помещичье-буржуазного блока наталкивалась на упорное сопротивление демократических сил. В 1934 г. в нелегальных условиях была восстановлена деятельность Коммунистической партии Ирана. В центральном органе партии журнале «Донья» разоблачалась политика иранских реакционеров и империалистических держав, пропагандировались марксистско-ленинские идеи. Иранские коммунисты организовали забастовки рабочих и учащейся молодежи и т. п. [16, с. 51]. Наоборот, реакционные элементы в Иране с одобрением встретили установление в Германии фашистской диктатуры. Первые же мероприятия гитлеровцев против

коммунистического и рабочего движения укрепили надежды иранских реакционных кругов обрести в лице германского фашизма надежного союзника в деле укрепления своего господства в стране в условиях нарастания классовой борьбы. [16, с. 51].

Политическая обстановка в Иране в указанный период отличалась крайней неустойчивостью: активизация общественной деятельности и подъем демократического движения в Иране сменялись резкими спадами, когда реакция одерживала верх. Столь резкие колебания в политической обстановке в стране не могли не сказаться на положении и Иранского Курдистана.

Следствием проведения политики централизации, заметно подорвавшей уже основы феодального аграрного строя в курдских районах страны, явилось возникновение нового типа раннекапиталистических отношений. Переходность общественных отношений отразилась на состоянии хозяйства Иранского Курдистана. Это вызвало перегруппировку социально-классовых сил и в курдском движении.

В 1934—1940 гг. наблюдался упадок сельского хозяйства в Северо-Западном Иране. Об этом свидетельствуют, в частности, воспоминания английского консула в Керманшахе, который в сентябре 1935 г. посетил район к югу от Керманшаха [9, № 340—№ 32, 11.10.1935]. Он писал, что в этой местности за исключением долины Динавара никто не жил. Не обрабатывалась земля. Немногочисленные посевы страдали от недостатка воды (в особенности рисовые поля Динавара).

Район принадлежал старому керманшахскому роду, во главе которого в то время находился Али Азам Зангане Амир-е Куль, депутат меджлиса от Керманшаха. Неустойчивость положения заставили Али Азама продать значительную часть своего имения. В районе Кандулле его землю купили крестьяне, которые прежде эту землю арендовали. Консул отмечал, что следствием этого было увеличение числа крестьян — хордемалеков. Вместе с тем он также констатировал, что большинство деревень находилось в упадке. «Одной из таковых была Залу Аб, деревня, состоявшая из 12 семей, расположенная прямо на север от Кухе Парроу. Здесь „дома“, используемые в холодное время года, были не чем иным, как выдолбленными в горе жилищами, покрытыми грубыми навесами. Казался вымершим и Биситун» [9, № 340—№ 32, 11.10.1935].

Проведенные наблюдения британского консула говорят о том, что экономические и политические реформы Реза-шаха не способствовали процветанию районов Северо-Западного Ирана. Мероприятия, проводившиеся в социальной сфере, почти не коснулись районов расселения курдов. Там, в частности, отсутствовала какая-либо система здравоохранения. Курдистан затронула деятельность правительства по реорганизации системы просвещения, там были организованы государственные школы. Борьба с неграмотностью тем не менее практически не затронула курдскую деревню. Зато туда проникали идеи о величии эпохи Пехлеви, пропагандируемые шахскими чиновниками. Были упразднены некоторые курдские национальные праздники, например праздник «ложного эмира»¹³ [42, с. 250].

К середине 30-х годов правящим кругам удалось обрести достаточно устойчивые позиции в Курдистане. В это время здесь наблюдался спад курдского движения.

Движение иранских курдов в указанный период охватило кризис, связанный с тем, что старые, феодальные круги уже не могли возглавить его, а новые, революционные силы еще не оформились ни организационно, ни политически. Вожди племен были, с одной стороны, заинтересованы в ликвидации иранской власти над племенами, а с другой — не хотели полного разрыва с ними, так как Иранский Курдистан был связан с другими районами страны (Миандоабом и Тебризом, например), куда вывозились зерно, табак, сахарная свекла и др. Не стремились помещики и к социальной реорганизации в принадлежащих им землях, поскольку это негативно отражалось на их материальном и общественном положении. Но ломка родо-племенной структуры уже началась. В связи с этим слабело влияние курдских феодалов и родо-племенных верхов на основную повстанческую силу — курдское крестьянство. После жестокого подавления курдских выступлений, во главе которых находились традиционные феодальные слои курдского общества, силами шахской армии в сознании курдских повстанцев родилось сомнение в том, что именно арбабы являются единственными и верными защитниками курдского крестьянства от посягательств на его права, интересы и традиции со стороны «общего для курдов врага». Однако феодальная элита умело и все еще успешно использовала в своих целях племенной, так сказать, патриотизм и религиозные чувства курдского крестьянства,

которое переносило тяжесть своего положения как бы «по особым политическим соображениям», не желая портить отношения со своими «вождями» и тем самым нанести удар по национальной сплоченности. Этим и объясняется то обстоятельство, что крестьянство Северо-Западного Ирана в рассматриваемый период предпринимало слабые попытки сбросить с себя всю обузу разнообразных повинностей и поборов, разоряющих их хозяйство. Крестьянство, являясь основной силой народных выступлений, подчас было не в состоянии выдвинуть даже антифеодальные лозунги. Рабочий же класс еще не мог встать во главе движения из-за своей малочисленности и разобщенности. А курдская буржуазия, главным образом торгово-ростовщическая, как и интеллигенция, не представляла серьезной политической силы.

Спаду курдского движения в 30-е годы способствовало и снижение воздействия английского и французского империализма на руководство этим движением. Тем не менее англичане рассчитывали на укрепление своих позиций в Иранском Курдистане с помощью мероприятий, проводимых Англо-иранской нефтяной компанией (АИНК). Они хотели развить добычу и переработку нефти в Нефтешахе.

Английский консул в Керманшахе сообщал, что все доходы от разработки нефтяных скважин в Нефтешахе государство и шах, как их владелец, получали от одной скважины глубиной 2 тыс. футов. Вблизи ее в 1934 г. велось бурение еще двух скважин. Поскольку в Персии отсутствовал рынок для тяжелой нефти, первая ее переработка производилась непосредственно в Нефтешахе.

Консул отмечал, что Реза-шах был более заинтересован в укреплении иранской администрации в этом районе, чем в допуске британских монополий к нефтешахской нефти. Реза-шах сознательно ограничивал здесь деятельность АИНК, чтобы не допустить стимулирования развития промышленности и сельского хозяйства Иранского Курдистана. Тем не менее для удовлетворения потребностей иранского рынка к середине 30-х годов компанией были построены небольшой нефтеперегонный завод в Керманшахе и нефтеочистительная установка в Нефтешахе [21, с. 68]. Однако, несмотря на все усилия, англичане уже не могли вернуть себе утраченные позиции в курдских районах. Британская политика скомпрометировала себя в глазах не только иранского правительства, но и курдского движения. Кроме того, Англии

трудно стало конкурировать с усиливавшимся к концу 30-х годов влиянием германской пропаганды на курдское движение.

Политическая и экономическая экспансия Германии в Иране наблюдалась уже с конца 20-х годов. В 1929 г. Германии удалось заключить с Ираном конвенцию «о поселении, торговле и мореплавании», которая открывала ей возможность укрепления не только своего экономического, но и политического влияния. Государственные учреждения были буквально переполнены германскими экономическими, финансовыми, военными и иными специалистами и советниками. По словам советского автора М. М. Рабизаде, «это была известная немецкая 5-я колонна, усилившая свою деятельность после 1933 г.» [97, с. 45].

Накануне второй мировой войны гитлеровская Германия по инвестициям в Иран заняла второе место после Англии. На том этапе она основное внимание уделяла проникновению в национальную экономику и государственный аппарат Ирана (см. [16]).

Богатые сырьевые и продовольственные ресурсы, выгодное стратегическое положение на подступах к южным границам СССР и зонам британского господства в Ираке и Индии обуславливали особое внимание к Ирану гитлеровской Германии, которая стремилась использовать курдов в своих антисоветских и антибританских целях. Этим определялось особое место Иранского Курдистана в планах фашистской агентуры, пытавшейся влиять на некоторую часть курдского общества. Фашистская агентура старалась воспользоваться тем, что в среде курдской интеллигенции, находившейся на службе в иранских правительственных учреждениях, начинала проявляться общность интересов с некоторой частью иранской буржуазии. Это было следствием политики иранизации курдского общества. Сотни германских специалистов находились в районах расселения курдов — в Маранде, Маку, Хое и др. Стремясь овладеть ближневосточным плацдармом и средневосточными нефтяными районами, гитлеровцы были особенно заинтересованы в укреплении своих позиций в Иранском Курдистане. В 1938 г. при внешнеполитическом отделе германской национал-социалистической партии было создано специальное Бюро по идеологической работе в странах Переднего Востока. Это бюро координировало деятельность многочисленных германских организаций на

Ближнем Востоке, в том числе и деятельность германской агентуры среди курдов.

Фашистская Германия не жалела средств для организации идеологического воздействия на иранское население, включая курдов. С этой целью в Иране были созданы Институт общественного мнения и другие «научные» организации, являвшиеся, по существу, центрами пропаганды фашистской идеологии, подстрекательства к войне с СССР. Вместе с тем пропагандистские средства Германии были нацелены на то, чтобы внедрить концепцию об арийском происхождении курдов в среду шовинистически настроенных курдских националистов, одним из которых был Саид Мукриани, находившийся в то время в Ираке.

Саид Хусейн Хузни Мукриани — уроженец Мехабада, сын служителя одной из мехабадских мечетей. Он с раннего возраста был вынужден своим трудом добывать средства к жизни. Затем в течение ряда лет он проживал в курдских районах Сирии, работал типографом и динкографом в г. Алеппо. Впоследствии Мукриани переселился в Ирак, где занялся общественно-политической деятельностью. Он познакомился здесь (через своего друга иранского «ученого» и публициста А. Кесрави Табризи, автора теории о мидийском происхождении азербайджанцев) с расистской теорией германских нацистов. В своих научных исследованиях по истории курдов и Курдистана Мукриани опирался на труды Кесрави.

В 1937 г. в журнале «Светоч», органе общества «Голос курдов»¹⁴, основателем и идеологом которого стал Мукриани, появилась его статья «Несколько слов о происхождении германцев», в которой автор обосновывал концепцию арийского происхождения курдов. Курды, по мнению Мукриани, происходят от мидийцев, таких же арийцев, какими являются и германцы. Поэтому, утверждал автор, курды должны создать курдскую империю (например, в Турции) наподобие германской. Для того же, чтобы этого добиться, курдским националистам следует усвоить характерные для арийцев идеи, «забытые курдским народом, но которые за последние годы возродились в обновленном немецком обществе». Коротче говоря, статья целиком была направлена на обоснование нацистской идеологии.

За публикацию этой статьи Саид Хузни Мукриани был арестован иракскими властями и просидел в тюрь-

ме около пяти месяцев. Но в следующем, 1938 г. он опубликовал новую статью («Мукринский Курдистан». Равандуз, 1938), в которой развил некоторые положения, выдвинутые в первой. Эта новая работа Мукриани получила широкое распространение в среде курдской интеллигенции. Вопросы, затронутые Мукриани, дебатировались курдами и получили самую разнообразную оценку, хотя сам автор в дальнейшем пересмотрел свои взгляды и даже попытался отмежеваться от основных положений названных работ.

Итак, фашистская идеология оказала воздействие на определенные круги курдской общественности, в особенности на феодальные верхи иранских курдов, которые в предвоенные годы начали разрабатывать теорию «великого арийского Ирана», включающего в свой состав «арийские земли» Ближнего Востока — этнографического Курдистана. Однако в основной массе иранских курдов эта концепция не нашла поддержки, чему в значительной степени способствовал поворот германской пропаганды во время второй мировой войны, в частности, объявившей курдов, которые в 1944 г. обратились в ООН с просьбой о защите своих национальных прав, евреями.

Деятельность иностранной политической агентуры затрагивала главным образом верхи курдского национального движения, в основном те круги, которые показали себя политическими банкротами в курдских восстаниях прошлых лет, а потому, теряя свой авторитет в массах, превратились, по существу, в «политические трупы» и метались в попытках отсрочить свою казавшуюся неизбежной гибель и в поисках поддержки от одних политических сил к другим.

В 1938—1939 гг. в отдельных районах Иранского Курдистана продолжались народные волнения, носившие характер крестьянских бунтов. Они жестоко подавлялись иранским правительством. О жестокости правительственных мер можно судить по деятельности иранского генерала Ахмади, уполномоченного Реза-шахом на борьбу с курдским национальным движением в Иране. По приказу этого генерала расстреляли и повесили более 10 тыс. курдов и посадили в тюрьмы свыше 4 тыс. [20, № 88]. Страдая от террора властей, курды тем не менее не испытывали непосредственно тягот начавшейся в 1939 г. второй мировой войны. И несмотря на прогерманские симпатии известной части шовинистически

настроенных кругов курдской феодальной аристократии, основная масса курдов Ирана оказалась неподатливой для германской пропаганды. Напротив, росли антифашистские и просоветские настроения, особенно после вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз. Но понадобилось несколько лет для завершения процесса консолидации прогрессивных сил Ирана. Лишь к концу второй мировой войны, в результате некоторой демократизации общественной жизни страны активизировалось национальное движение народов Ирана, в том числе и курдов.

Итак, проводившиеся в период правления Реза-шаха в Иранском Курдистане мероприятия не могли принести облегчения широкой массе трудящегося курдского населения, поскольку централизация, исключая феодально-помещичьи отношения в деревне, открывала новые формы эксплуатации через налоговый аппарат, администрацию, суд и широкое развитие торгово-ростовщического капитала.

Покорение племен в значительной мере осуществлялось с помощью отрядов тех ханов, которые перешли на сторону правительства. Военные власти привлекали их на свою сторону, обещая полную амнистию и земли мятежников. Например, подавив восстание Мохаммед Рашид-хана в Секкесе (1930 г.), правительство передало ханам, участвовавшим в карательной экспедиции, конфискованные у него земли [171, 11.05.1949]. После же того как отпала необходимость в помощи таких союзников, войска приступили к их разоружению.

Строительство дорог на территории, где проживали курды, было нацелено на обеспечение стратегических планов приведения к покорности курдских племен, оказывавших правительственным войскам сопротивление.

Великодержавная шовинистическая политика Реза-шаха способствовала ломке устаревших социальных категорий и зарождению тех сил, которые в процессе эволюции курдского повстанческого движения заняли в нем руководящее место, все более вытесняя консервативные феодальные круги.

Недовольство растущим вмешательством государства в экономическую жизнь курдских районов проявляли и торгово-ремесленные круги, что находило выражение в их участии в выступлениях против военно-полицейского гнета. Вместе с тем среди участников курдского движения стали выделяться прогрессивные элементы,

которые начали осознавать необходимость организованной борьбы за социальные и политические права курдов. Они стали сознавать различие интересов курдских полуфеодалных кругов и купечества и режима Пехлеви, с одной стороны, и широкой эксплуатируемой массы трудового курдского народа — с другой. Сначала робко, а затем все активнее они вступали в борьбу с местной реакцией в лице консервативных феодалных кругов, выдвигали планы преобразования аграрных отношений в Иранском Курдистане.

В то же время социальные изменения в курдском обществе способствовали пробуждению классового сознания курдских демократических кругов, которые связывали курдское движение с задачами социального и экономического преобразования Курдистана.

Сложностью внутривнутриполитической ситуации в Иранском Курдистане, связанной с социально-экономическими и общественно-политическими изменениями в период правления Реза-шаха, пытались воспользоваться империалистические державы (Англия, Германия и др.).

И наконец нельзя не отметить, что в этот период в Иранском Курдистане зародилась идеология курдского национализма, что явилось «важной вехой на пути национальной консолидации, знаменующей перерастание самосознания племенной или этнической общности в более широкие рамки понятий „национального единства“ и „территориального отождествления“» [111, с. 86].

Глава III

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ КУРДОВ В 40-е ГОДЫ

Роль племен в политической жизни Иранского Курдистана в 40-е годы

В 1941 г. власть в стране перешла к старшему сыну Реза-шаха Мохаммеду Реза Пехлеви, который продолжил курс, принятый отцом. В частности, Мохаммед Реза в национальном вопросе пытался придерживаться выдвинутой Реза-шахом концепции о «единой иранской нации». О национальных меньшинствах старались не упоминать. В стране действовала конституция, принятая еще в 1906 г., никак не отражавшая проблемы меньшинств. В лучшем случае выделялись лишь тюркоязычная и арабоязычная группы. Понятие этнической общности подменялось конфессиональной, хотя и здесь наблюдалась непоследовательность: за суннитами — в подавляющем большинстве персами (курдами, арабами, туркменами, белуджами) право конфессионального меньшинства не признавалось, в отличие от армян, ассирийцев, евреев, зороастрийцев.

Стремясь не допустить усиления центробежных тенденций на окраинах страны, шахский режим проявлял определенную гибкость в ходе проведения национальной политики. В 1941 г. племена были освобождены от разорительной опеки правительственных чиновников и вновь получили право кочевать. Их численность заметно возросла (чем незамедлительно воспользовалась империалистическая агентура, действовавшая в курдских районах страны).

С момента вероломного нападения Германии на Советский Союз ближневосточный плацдарм стал играть особенно важную роль для немцев, поскольку в случае

успеха на советско-германском фронте они рассчитывали через Турцию и при ее участии нанести дополнительный удар по советскому Закавказью и бакинской нефти. Активизировалась и фашистская агентура в Иране. Гитлеровская пропаганда использовала сильно выраженные антианглийские настроения населения Ирана для усиления своих позиций на Ближнем и Среднем Востоке. Она старалась усилить антианглийские настроения и в курдской среде. Планы превращения Ирана в военно-стратегический плацдарм третьего рейха против СССР требовали от германской политической агентуры расширения деятельности среди курдов, с тем чтобы сформировать среди них банды для засылки на территорию СССР.

Дней за 15—20 до вступления союзных войск в Иран в городе Хое было созвано совещание верхушки курдских племен милан и джелали, кочевавших на северном участке ирано-турецкой границы недалеко от СССР. Совещание проводил пограничный комиссар, полковник иранской службы Амир Чупани с германским представителем. Они усиленно уговаривали съехавшихся на совещание шейхов и глав племен немедленно организовать вооруженные банды для засылки на территорию СССР. Но, несмотря на все увещания германской агентуры, шейхов не удалось заставить действовать против Советского Союза; курды отказались выполнить эти требования.

3 августа 1941 г. в районе Котура было созвано второе совещание с участием турецких и германских представителей. На этом совещании курдским племенам, кочующим летом на турецкой территории, а зиму проводящим в Иране, было предложено не спускаться со своих летних кочевий на зимовки, расположенные в долинах Ирана. Однако курды отказались от выгодных обещаний и денежных посулов турецкой администрации и погнались на свои старые зимовки в долинах Ирана 163 тыс. голов скота (на этот скот рассчитывала Германия для питания своих войск в случае введения их в Иран). Вступление союзных войск в Иран опрокинуло вероломные планы фашистской Германии.

За влияние в Иранском Курдистане продолжала борьбу и английская агентура, использовавшая антиправительственные настроения курдов в своих интересах. Ей удалось, в частности, разжечь в курдских районах антииранские настроения и спровоцировать некото-

рую часть курдов выступить летом 1941 г. против иранских властей, что, по мысли англичан, должно было оказать давление на прогерманское правительство Ирана. Однако восстание приняло размеры, не отвечающие интересам англичан. Поэтому вступившие в Иран в августе 1941 г. английские войска подавили его из опасения, что оно приведет к созданию независимых от иранского правительства курдских районов на юге страны и перекинется на другие курдские районы (см. [56]).

В первые годы правления Мохаммеда Реза Пехлеви вожди большинства курдских племен заняли враждебную к правительству позицию. Вернувшись из ссылки, они стали требовать возврата конфискованных земель, компенсации за разграбленное имущество, наказания должностных лиц, злоупотреблявших своими полномочиями, а также своего восстановления на административных должностях в курдских районах.

Временному возрождению кочевого уклада после 1941 г. способствовала неустойчивая политическая обстановка и дезорганизация правительственного аппарата на местах. Жандармерия и чиновники бежали из зоны племен, боясь справедливого возмездия за свои деяния. Власть на местах вновь перешла в руки вождей племен, опиравшихся на вооруженные отряды соплеменников. Оружие было извлечено из тайников или ввозилось контрабандой из-за границы. В обстановке заметной дезорганизации правительственного аппарата и армии, последовавшей после падения режима Реза-шаха, самовольно вооружившиеся племена вновь стали играть важную роль в политической жизни страны.

Обстановка в районе расселения курдских племен вызывала сильное беспокойство правящих кругов Ирана. Они опасались, что демократическое движение, охватившее центральные районы страны, легко распространится и на Иранский Курдистан. После вступления в Иран союзных войск новый шах был вынужден предпринять ряд мер, обеспечивающих некоторую демократизацию общественной жизни в стране. В частности, был принят закон, смягчающий материальное положение служащих государственных учреждений, провозглашена свобода печати, собраний, союзов, принят закон об амнистии политзаключенных и т. д. (см. [56]).

Относительная демократизация общественной жизни, наступившая после 20-летнего периода диктатуры Реза-шаха, имела временный и формальный характер, по-

скольку власть осталась в руках господствующих классов (помещиков и крупной буржуазии), которые толкали страну на прежний путь реакции как во внешней, так и во внутренней политике.

Мохаммед Реза Пехлеви старался не допустить сепаратистских настроений среди вождей курдских племен, возникновение которых было вполне реальным, поскольку многие из наиболее влиятельных из них принадлежали к числу племен, разделенных границами с Турцией и Ираком. К таким племенам принадлежали, в частности, шеккаки, джелали, харки и другие, которые населяли районы вдоль границ Ирана с Турцией (от г. Маку до г. Ушну). Вождь племени джелали Ибрагим Бей был (1942 г.) главой всех ветвей этого племени, обитавших как на иранской, так и на турецкой территории. Обстановка в этой части страны во многом определялась отношениями вождей племен с центральным правительством.

Наиболее авторитетным и влиятельным вождем племени шеккак был Омер-хан (Амр-хан) Шарифи — бывший военный министр Симко, его «правая рука». При Реза-шахе Омер-хан был посажен в тюрьму и выпущен лишь в период вступления в Иран союзных войск. Вернувшись в Иранский Курдистан, Омер-хан занял место уездного начальника в Шахпурском районе [11, № 38, с. 118]. Он имел влияние на племена севера — джелали (25 тыс.) и милан (10 тыс.) [11, № 38, с. 184]. Впоследствии Омер-хан принял участие в деятельности Мехабадской республики: командовал кавалерией, был советником премьер-министра, участвовал в подписании азербайджано-курдского соглашения. Однако он быстро отошел от курдского движения, установив связи с американским консулом в Тебризе, чтобы заверить центральное правительство в своей верности [11, № 38, с. 184]. В 1941—1942 гг. вокруг него группировалось несколько крупных вождей — Сартиб-ага, Котас-ага, Тагир-ага и др.

Сартиб-ага был крупным конкурентом Омер-хана. Являясь вождем одной из ветвей племени джелали, он претендовал на руководство всем племенем. Сартиб-ага находился в резкой оппозиции к иранскому правительству и не признавал его власть. Он поддерживал дружественные отношения с Котас-агой, родственником Омер-хана, также пользовавшимся большим авторитетом в племени. Несмотря на близость отношений этих трех

вождей, между ними шла борьба за лидерство в племени. В этой борьбе Котас-ага использовал разногласия между Омер-ханом и Сартиб-агой. Среди преданных Котас-аге людей находился и Тагир-ага, один из сыновей Симко [11, № 14, с. 5].

Большую роль в политической жизни Иранского Курдистана 40-х годов играли племена зерза и харки, обитавшие южнее г. Ушну, вдоль ирано-иракской границы (до городов Бане и Секкез), и кочующие на территории Ирана и Ирака.

Племя зерза в прошлом находилось в зависимости от шеккаков, освободившись от этого влияния лишь после объединения с племенами мукринского союза — мангур и мамаш. Новое крупное объединение было возглавлено Муса-ханом и Карани-агой Зерза — вторым человеком в племени, богатым и влиятельным среди курдов. Карани-ага Зерза имел немало родственников среди вождей курдских племен. Он являлся одним из активных руководителей курдского восстания 1942 г. в районах Ушну и Баланеш. К иранскому правительству, а также к туркам и немцам относился враждебно. Он выступал за создание демократического независимого курдского государства [11, № 14, с. 5]. Верховный вождь племен зерза Муса-хан, умный и хитрый политик, внешне никакого участия в политической жизни не принимал.

Курды племени харки распались на ряд кланов, проживавших как в Иране, так и в Ираке. В Иране харки обитали в районах Тергавер, Мергавер, Дешт и Дештебиль. Их вожди по преимуществу относились враждебно к иранскому правительству. Среди них были Рашид-бек, образованный и достаточно сведущий в политике человек; Нури-бек, требовавший независимости для Курдистана; Мамед Хусейн-хан, враждебно настроенный как к иранскому, так и к турецкому правительству; Зеро-бек, выходец из среды мелкой буржуазии, в восстании 1942 г. руководивший южной группировкой курдов [11, № 14, с. 6].

Важное значение в политической жизни Иранского Курдистана 40-х годов сыграл мукринский союз, включавший множество племен (бекзаде, дебокри, бильбасы, гуран и др.) [42].

Население городов Мукринского Курдистана состояло в основном из купцов и ремесленников. Особое место принадлежало городу Мехабаду, который управлялся наряду со светскими властями и духовным наследствен-

ным родом казиев (судей). Среди вождей мукринского союза в 40-е годы наиболее влиятельным был Али-ага Хаджи эль-Хани-заде Эмир Асад, главный вождь племени дебокри. Он активно участвовал в политической жизни Мукринского Курдистана, был губернатором Мехабада, широко известным за его пределами. Он поддерживал связи с английской, турецкой, немецкой и прочей агентурой, а также в период подъема демократического движения — с иранским правительством, что заставило его бежать из Иранского Курдистана. Внутри племени дебокри он соперничал со своими братьями Махмуд-агой и Керим-агой [11, № 14, с. 6].

Другой заметной фигурой был вождь племени мамаш Хаджи Карани-ага Эмир уль-Ашаир, типичный курдский патриархальный вождь. Он мечтал о создании «независимого Курдистана» с сохранением в нем старого феодального строя. Непосредственная власть Хаджи Эмира распространялась на большую часть племени мамаш, где с ним в популярности соперничали два его брата, претендовавшие на роль лидеров племени. Врагом Эмира уль-Ашаира был губернатор г. Ушну Карани-ага Зерза. В 1942 г. шах вызвал Эмир уль-Ашаира в числе других курдских вождей в резиденцию в Тегеран и наградил медалью. Шахское правительство поручило ему борьбу с контрабандой на иракской границе Мукринского Курдистана.

Крупную роль в политической жизни Мукринского Курдистана играл и род казиев, выходцем из которого был и будущий глава курдской республики в Мехабаде Казим Мохаммед.

Основная масса племен г. Сердешта — бериаджи, мелькари и сусени — не входила в мукринский союз. Ее представители — мелкие земельные собственники (хордемалеки). В 40-е годы в районе г. Сердешта существовал независимый курдский район во главе с Решид-беком.

Оппозиционное отношение наиболее влиятельных вождей курдских племен к правительству определилось еще в период правления Реза-шаха, проводившего в отношении курдов шовинистическую великодержавную политику. При новом шахе курды продолжали подвергаться насильственной иранизации. Запрещалось ношение курдской национальной одежды. Курдские книги, пластинки, рукописи уничтожались. Ограничивалось право проживания курдов в городах. Курдские вожди

арестовывались, заключались в тюрьмы. Значительная их часть подвергалась уничтожению. Во время переселения курды теряли свое имущество, доводились до нищеты. Иранская полиция и жандармерия открыто грабили курдское население.

В условиях неустойчивой политической обстановки начала 40-х годов вожди курдских племен недоверчиво относились и к агентуре империалистических стран, действовавшей в курдских районах. Ее представители обычно обещали курдам многое и столь же часто не выполняли своих обещаний. Поэтому вера курдов в хорошее отношение к ним правительств Англии, Германии, Турции оказалась подорванной. В результате в первой половине 40-х годов значительная часть курдских вождей предпочитала воздерживаться от связей с этими правительствами и их агентурой. Более того, эти связи осуждались широкой массой курдской общественности. Когда в августе 1941 г. в Иран вступили союзные войска, иранская администрация покинула районы расселения курдов и в них установилось местное самоуправление. Однако возрождение сепаратизма племен в его прежнем виде было уже невозможно в силу происшедшего разложения экономической и политической замкнутости племен. Движение племен 40-х годов во многом было обусловлено политическими факторами, возникшими в обстановке крайнего обострения борьбы между реакцией и прогрессивными демократическими силами.

Избавившиеся от иранской администрации курды Северо-Западного Ирана в 1941—1942 гг. не выдвигали лозунга объединения всех возникших на этой территории независимых курдских районов в одно целое. Эти районы существовали в виде изолированных мелких административных единиц с весьма различным в зависимости от характера общественного уклада административным устройством. Иран в целом, в том числе и Иранский Курдистан, не служили ареной непосредственных военных действий. Благодаря своевременному вступлению в него союзных войск опасность перенесения войны на Ближний Восток миновала. Но экономика Ирана была переключена на военные рельсы. На полную мощь работала вся иранская промышленность, давая работу десяткам, сотням тысяч безработных. На транспортировке через Иран военных грузов союзников были заняты десятки тысяч иранских курдов. Союзники закупали на выгодных условиях значительную часть

сельскохозяйственной продукции Ирана (хлеб, кожи, скот, лошадей, овец и пр.), в том числе Иранского Курдистана.

Таким образом, годы второй мировой войны не стали для Ирана и его курдских районов периодом голода и экономического кризиса, как в первую мировую войну. Оживление торговли способствовало сохранению среднего уровня достатка основной массы населения.

Во внешнеполитической ориентации иранские курды, в особенности курды Северо-Западного Ирана, сразу же после вступления союзных войск в Иран заняли четкие антифашистские позиции, многие выражали дружественное отношение к Советскому Союзу. К числу таковых принадлежал, например, один из популярных, уже упоминавшихся вождей шеккаков, Сартиб-ага, который неоднократно жертвовал значительные суммы в фонд победы над фашистской Германией. Сартиб-ага открыто заявлял, что опыт Советского Союза должен служить примером в борьбе курдов за достижение независимости. Узнав о разгроме немецко-фашистских войск под Сталинградом, Сартиб-ага переименовал в честь этой победы Советской Армии свою деревню в окрестностях Резайе в «Сталинград» [11, № 38, с. 80].

Попытки возглавить курдское движение Северо-Западного Ирана или хотя бы принять участие в нем предпринимала военно-политическая организация курдов Хойбун. В 1941—1942 гг. она неоднократно посылала своих представителей, в частности Рубен-пашу, к главе шеккаков Омер-хану, выдвинутому в эти годы на пост Шахпурского губернатора. Омер-хан охотно вел беседы с представителями Хойбун на общекурдские темы, однако наотрез отказался устанавливать связь с Хойбун и заявил, что цели и задачи движения курдов Северо-Западного Ирана не имеют ничего общего с программой этой организации.

В северо-западной, курдской, части страны, где, как говорилось, центральная власть потеряла свои позиции, курдам удалось захватить несколько складов с оружием и боеприпасами. Из Тегерана возвращались сыновья курдских вождей. Курдская аристократия восстанавливала свои позиции. Так, Мохаммед Хама Рашид, вождь курдского племени бане-бекзаде, обитавшего в окрестностях г. Бане, собрав вокруг себя своих последователей, добился контроля над районом Сердешт—Бане—Мериван. Стремясь утвердить свою власть в этой мест-

ности, Хама Рашид совершал нападения на иранские посты и части иранской армии, которые базировались в городах Секкез и Бане.

В район¹ был направлен Западный армейский корпус генерала Мокаддама. Заняв Секкез, он двинулся в направлении к Бане, но здесь был окружен сторонниками Хамы Рашида. В результате одна часть правительственных сил попала в плен, другая — бежала, понеся значительные потери. Курды после этой операции направились в Сенендедж. Здесь они арестовали губернатора генерала Амина, но через 24 часа выпустили его по просьбе представителя британских войск, расположенных в Сенендедже. При этом курды обратились к английскому представителю с требованием признать независимость Курдистана. Ответ они получили через десять дней, и в нем сообщалось, что сам английский представитель не может решить этот вопрос и должен обратиться в генеральный штаб в Багдаде. А между тем концентрация иранских войск в Сенендедже заставила курдов оставить планы захвата этого города и отступить.

В ноябре 1941 г. генерал Амин направил военизированную колонну в направлении местечка Дивандаре. Возле деревни Загех он отразил атаки курдов Хамы Рашида и через Дивандаре направился к Секкезу, который находился в руках курдов. На этом удачные действия правительственных войск закончились. Сам генерал Амин был убит, а его колонна частью перебита, частью взята в плен. Были разбиты и отряды племен, сражавшихся на стороне правительства под руководством Али-хана Хабиби. В Секкезе начались переговоры представителей иранских властей с Хамой Рашидом, на которых председательствовал майор Флетчер, британский политический представитель в Керманшахе. Результатом переговоров было назначение Хамы Рашида от имени правительства губернатором Бане. Его отряд разоружен не был, в то время как иранские вооруженные формирования и полиция были выведены за пределы района Бане—Сердешт. Более того, центральные иранские власти поручили Хаме Рашиду дело безопасности в контролируемом им районе.

Хама Рашид правил районом между Секкезом и Бане с 1942 г. до осени 1944 г., когда он поссорился с Махмуд-агой из Кани Сенан, губернатором иранского правительства в Мариване. Между отрядом Хамы Ра-

шида и силами Махмуд-аги начались ожесточенные вооруженные столкновения. Получив подкрепления от иранского правительства (включая несколько легких танков), Махмуд-ага вынудил Хаму Рашида отступить в Ирак. Иранская армия снова взяла под свой контроль южную границу. Южнее дислоцировались английские союзные войска. Британское командование приняло все меры к быстрейшему возвращению в курдские районы Юго-Западного Ирана шахских властей и закреплению их позиций в этих районах, чтобы не допустить подъема демократического движения курдов.

С конца 1941 г. в Иранском Курдистане начали формироваться три мало связанных между собой, независимых от иранской администрации курдских района.

Один из них охватывал ряд долин и горных склонов Персидского пограничного хребта вдоль всей ирано-турецкой границы до стыка ее с Ираном, входивших в состав Хойского, Шахпурского и Резайинского шахрестанов. Обитавшие там племена шеккак, харки, джелали, милан и другие вели кочевой образ жизни, занимались скотоводством. Оседлые курды-земледельцы населяли долины в горных отрогах Дешта, Дештебиля и Тергевера.

После изгнания из этих районов иранской администрации и жандармерии курдское население фактически ликвидировало иранские формы государственности и полностью восстановило административные функции родо-племенных институтов. Управление здесь снова перешло в руки светских и духовных феодалов и племенных вождей, некоторые из которых находились за границей — в Турции (шейхи Шемдинанские или Ормарские) или в Ираке (некоторые вожди харкинцев).

Феодалы и родо-племенная верхушка управляли подвластными им курдскими племенами и кланами через деревенских старост (кетхуда) у оседлых и через руководителей кочевых сельскохозяйственных общин (обабаши) у кочевых. При феодалах и родо-племенных главарях возобновили свое существование вооруженные дружины, являвшиеся орудием политического господства феодалов. Как правило, эти дружины именовались теперь милицией или полицией. Дружинники носили обязательную красную или белую нарукавную повязку с надписью «милиционер такого-то племени» и набирались часто не из курдов, а из местных армян или ассирийцев. Дружины выполняли все полицейские функции.

В 1942 г. среди курдов района наблюдалось стремление к объединению, они договаривались между собой о выдвижении на пост губернатора крупнейшего города региона — Шахпура — одного из наиболее авторитетных феодалов (в 1942 г. на этом посту находился глава шеккаков Омер-хан).

Никаких социальных или экономических требований курды этого района в то время не выдвигали. Крестьяне и кочевники были довольны тем, что избавились от поборов и взяточничества иранских чиновников и жандармерии, а феодалы — что снова приобрели утраченную при Реза-шахе власть над своими племенами. Учитывая ситуацию, сложившуюся в Иранском Курдистане, при которой феодалы могли незаконно властвовать в племенах, они строго следили за тем, чтобы курды не производили каких-либо эксцессов по отношению к некурдскому населению края [11, № 28, с. 3—4].

Другой район, свободный от власти иранских властей, располагался в окрестностях г. Ушну с прилегающими к нему районами, граничившими на севере с Резайе, на западе с Ираком, на юге с Мукринским Курдистаном (Мехабадским губернаторством) и на востоке с южным побережьем Урмийского озера. Этот район был населен оседлыми курдами племени зерза, тюркскими племенами карапахов и кочевыми курдами племен мамаш и харки. Центром района являлся г. Ушну. Губернатором его был избран Карани-ага, который вместе с главой карапахов Кули-ханом создал своеобразные формы государственности в этом районе с преимущественно крестьянским населением.

Существовавшая при иранцах административная система была в общем сохранена, но все должности от губернатора до деревенского старосты стали выборными. Родо-племенное деление в расчет не принималось, и все курды независимо от племенной принадлежности были подчинены губернатору Ушну. Это послужило причиной охлаждения отношений между Карани-агой и главарями мамашей и харкицев, желавшими сохранить власть над курдами своих племен, частично обитавших в пределах Ушинского района. Все население края признавалось равноправным во всех областях общественной жизни.

Существовавшая при иранцах система налогового обложения сохранилась, но налоги либо вообще не взыскивались, либо если взыскивались, то поступали в ме-

стный бюджет. На эти средства содержались органы местного самоуправления и намечалось проведение широких политических, культурно-просветительных и медицинских мероприятий. Предполагалось открыть школы на курдском языке, издавать курдскую газету, организовать клубы, читальни, радиофицировать район, показывать кинофильмы, открыть больницу и медпункты и т. д.

Полиция сохранялась по несколько уменьшенным штатам иранской жандармерии. Должности начальника полиции Ушнинского района и начальников полиции отдельных населенных пунктов были выборные. Полицейских начальник полиции подбирал себе из числа местной молодежи. Кандидатуры полицейских утверждались губернатором.

Судебные функции были переданы администрации. Суд происходил по нормам курдского общинного суда. Он проводился публично, причем все присутствующие имели право высказывать свое мнение. Приговор читался администратором и был окончательным.

В качестве экономических мероприятий намечались уменьшение доли урожая, полагающейся помещикам, и соответственно увеличение доли крестьянина и отмена всех феодальных повинностей (отработки в пользу помещика, подарки ему и т. д.).

Политической активностью отличались в этом районе мелкие феодалы, мелкая буржуазия и ремесленники городов и местечек, начало понемногу просыпаться и крестьянство. По свидетельству О. Л. Вильчевского, «в Ушну сильнее, чем где-либо, чувствовались демократические тенденции национального движения». Все активные деятели Ушну считали, что после войны следует поставить вопрос об объединении всех курдских районов [11, № 14, с. 4].

Третьим независимым районом являлся Мукринский Курдистан — обширная территория Мехабадского губернаторства и примыкавших к нему земель, населенных курдами союза мукри, с центром в г. Мехабаде. Здесь, как и в Ушну, после ликвидации иранской власти начали складываться свои формы государственности. Во главе Мукринского Курдистана стоял глава союза племен мукри, выполнявший одновременно функции Мехабадского губернатора.

Первоначально это звание принадлежало главе племени дебокри Али-ага Хаджи эль-Хани-заде Эмир Аса-

ду. Однако в августе 1942 г. обнаружилось, что он, сомневаясь в прочности установленной курдами власти, начал переговоры с иранским правительством. В результате ему пришлось покинуть Мехабад, сложив с себя звание главы союза племен мукри. После этого между дебюкринцами и конкурирующими с ними мамашами началась упорная борьба за проведение на освободившийся пост своего кандидата. Результатом ее было ослабление значения главы союза племен мукри и переход фактического руководства Мукринским Курдистаном к наследственному казию (духовному судье) Мехабада (род казиев Мехабада всегда играл важную роль в политической жизни племен мукринского союза) Казии Мохаммеду, занимавшему также должность мехабадского градоначальника. Особенно усилились роль и значение Казии Мохаммеда после того, как его брат Садре Казии был избран депутатом от Мехабада в Меджлис 14-го созыва (осень 1943 г.).

Основная масса земель в Мукринском Курдистане принадлежала помещикам, а крестьяне находились у них в полном закабалении и зависимости, будучи связанными с ними еще и родо-племенными отношениями. Крестьяне и кочевники поддерживали идею создания независимого курдского района, так как это избавляло их от налогов иранскому правительству, от произвола ненавистных иранских чиновников и жандармерии.

Возглавляя по традиции движение своих племен, помещики были заинтересованы в ликвидации иранской власти, чтобы вернуть себе былую власть над племенами. Вместе с тем мукринские курды не были заинтересованы в полном разрыве с иранцами, так как Мукринский Курдистан был связан с другими центрами страны все усиливавшимися экономическими связями. Не стремились помещики и к социальной реорганизации края, поскольку это могло лишь привести к ухудшению их экономического и общественного положения.

Крупная торговая буржуазия Мукринского Курдистана была важным элементом национального движения курдов. Она стремилась избавиться от сковывающей ее деятельность зависимости от Ирана. Вместе с тем, подобно курдским помещикам, она не могла рвать отношения с иранскими торговыми фирмами, с которыми у нее были налажены тесные связи, как и с торговыми фирмами Ирака и Англии. Но в отличие от помещиков буржуазные элементы Мукринского Курдистана

в 40-е годы выдвинули требования социальных реформ. Они высказались за освобождение крестьянства от феодального и родо-племенного закабаления, поскольку докапиталистические отношения тормозили экономическое развитие края, а наличие родо-племенных институтов ослабляло реальную власть буржуазных элементов.

В начале 40-х годов наиболее политически активными являлись мелкая буржуазия Мехабада (лавочники, торговцы, владельцы кустарных предприятий), ремесленники, а также относительно многочисленная интеллигенция. В отличие от крестьян, находившихся под сильным влиянием помещиков и родо-племенной знати, мелкобуржуазные, ремесленные круги и интеллигенция четко сознавали свои социальные интересы и решительно настаивали на демократизации общественной жизни края как на основном условии национального движения. Находясь первоначально под известным воздействием крупной буржуазии Мехабада, эти слои населения постепенно сближались с незначительной, правда, группой рабочих мехабадских фабрик и кустарных предприятий.

В Мукринском Курдистане курды, не изменяя существовавшей при иранской администрации системы, сами избрали губернаторов, уездных начальников, градоначальников, старост, создали свою полицию, приступили к организации школ с преподаванием на курдском языке и, несмотря на все требования иранских правящих кругов, решительно отказались от восстановления в этих районах иранской администрации. Налоги либо вообще не взимались, либо если взыскивались, то поступали в казну местных курдских властей.

По заявлениям руководителей курдского национального движения, курды в период войны ставили перед собой одну цель — ликвидировать в крае иранскую администрацию и сохранить свой контроль в курдских районах до окончания второй мировой войны, с тем чтобы в период заключения мирных договоров поставить мировую общественность перед свершившимся фактом — наличием независимых курдских районов на территории Ирана.

29 декабря 1941 г. в г. Мехабаде состоялось совещание руководителей курдских племен Мукринского Курдистана. На совещании обсуждался вопрос о координации деятельности иранских курдов в деле создания независимых курдских районов и дальнейшие перспективы курдского национального движения в Иране. В со-

вещании приняли участие также курдские вожди племен из районов Ушну, Резайе, Хоя и Маку.

Некоторая демократизация общественной жизни Ирана в 1941 г. создала весьма важные предпосылки для перехода к новому этапу в развитии национального движения иранских курдов. В стране складывалась обстановка, весьма благоприятная для дальнейшего развертывания курдского движения. Требовалось серьезно укрепить его руководство. Прогрессивные политические круги, стоявшие во главе движения, осознавали необходимость и обязательность отказа от каких бы то ни было блоков с реакционными силами, неоднократно предававшими борьбу курдского народа за свои права. Важен был и правильный выбор лозунгов, которые учитывали бы специфические особенности социально-экономической структуры курдского общества, например, наличие сильных родо-племенных союзов, именуемых аширетами, распространение кочевой формы ведения хозяйства (институтов типа оба), почти неограниченную власть шейхов и феодалов над подчиненными им крестьянами и т. д. Кроме того, следовало учесть важную роль, которую стала играть молодая курдская буржуазия, большую часть которой составляла мелкая и средняя буржуазия.

Для решения всех этих вопросов нужна была единая политическая организация, способная правильно оценить положение и взять руководство движением в свои руки. Однако еще до создания такой политической организации в курдских районах Ирана и Ирака стали возникать отдельные группировки прогрессивно настроенных курдов.

Места расселения курдов южной части Иранского Курдистана имели хозяйственные и иные связи с районами расселения курдов соседнего Ирака. Этим отчасти объясняется и то, что курдское движение здесь тяготело к движению курдов Ирака, где курдское национальное движение не было разгромлено. Там сохранились курдские общественные организации и курды продолжали активную борьбу за свои национальные права. В сохранившихся немногочисленных курдских «обществах» по традиции поощрялись просветительские взгляды. Их участники собирали памятники курдской литературы, писали художественные произведения, научно-популярные статьи, очерки, рассказы, стихи на курдском языке, изучали курдскую культуру, историю и т. д. Никаких

политических или экономических целей эти «общества» не ставили.

Очутившись перед событиями второй мировой войны, значительная часть курдских общественных деятелей Ирака, а за ними и курдов Иранского Курдистана растерялись. Определенное влияние на курдов юга Иранского Курдистана оказывали прогерманские симпатии арабского и лурского населения этой части страны. Успех гитлеровской пропаганды в этой местности объяснялся тем, что проанглийские настроения здесь ослабли в связи с той ролью, которая принадлежала англичанам в подавлении курдских восстаний. Однако с течением времени эти прогерманские настроения сменились антифашистскими. Их росту способствовала и позиция курдов Северо-Западного Ирана, занявших дружественные позиции в отношении Советского Союза. Определенная роль при этом принадлежала и Англии, в особенности ее военной пропаганде, боровшейся против прогерманских настроений с целью обеспечения себе утраченных позиций в районе. Она использовала стремление многих курдов включиться в борьбу с фашизмом и принять непосредственное участие в войне с нацистской Германией.

В конце 1941 г. в Ираке была создана антифашистская группа курдских военнослужащих. Четкого организационного оформления она не имела. Под влиянием освободительных настроений у членов группы родилась идея попытаться попасть на восточный фронт, в русскую армию. Но как осуществить эту идею, они не знали. Постепенно среди них стали усиливаться антианглийские настроения, что было связано прежде всего с международной обстановкой, которую члены группы пытались анализировать на своих собраниях. Наряду с этим они обсуждали и проблемы курдского национального движения и в результате пришли к выводу, что в руководстве курдским движением имеются серьезные просчеты, в частности, возникшие под влиянием действий империалистической агентуры в Иранском Курдистане, в особенности англичан. По мнению группы, курдскому национальному движению не хватало ясной программы и правильной внешнеполитической ориентации.

В дальнейшем члены группы пришли к пониманию того, что в годы второй мировой войны все силы курдского национального движения должны быть направлены на борьбу с фашизмом, и только таким путем оно сможет приобрести в глазах международной обществен-

пости право отстаивать законные требования курдского народа. Поэтому следовало стремиться к объединению всех демократических и прогрессивных сил курдского народа, к созданию здорового руководства, которое сумело бы возглавить курдское национальное движение. Так среди членов группы постепенно начала зарождаться идея создания демократической курдской партии, которая могла бы заменить собою распавшиеся политические организации курдов в Ираке.

В поисках единомышленников эта группа установила контакт с другой группировкой курдов, состоявшей из техников и механиков иракских заводов и транспортников, ранее работавших на заводах Форда в Детройте. Эта «техническая» группа, также начав с обсуждения международных и военных вопросов, пришла к аналогичным выводам относительно будущего курдского национального движения. Вместе с тем среди членов «технической» группы были лица, связанные с находившейся в глубоком подполье Коммунистической партией Ирака. Они сумели оказать влияние на формирование взглядов на курдское движение членов обеих названных групп.

Наиболее активными деятелями и организаторами первой группы были капитан артиллерии Ахмед Мир-хадж и капитан пехоты Мустафа Хушнав. Им и удалось установить связи с «технической» группой.

Капитану Мир-хаджу в то время было 35 лет. Он был сыном мелкого чиновника, образование получил в иракской военной двухгодичной школе, затем окончил офицерские шестимесячные курсы по подготовке офицеров артиллерии, шестимесячные авиационные курсы и шестимесячные курсы по подготовке офицеров мотомеханических частей. Капитан Мустафа Хушнав был крестьянского происхождения. Военное образование получил в иракской военной школе. Из других членов наиболее активными были капитаны Абдолъ Керим, Бекр Сеид Азиз Абдолла Нехри, Фуад Ариф и Меджид Али и лейтенанты Мохаммед Махмуд, Абдоррахман Салиб и Нури Ахмед Таха.

Обе группы, увеличиваясь численно, постепенно расширяли круг своей деятельности и стали пытаться установить связи с курдскими политическими организациями как в Ираке, так и за рубежом.

Поскольку в Ирак проникли сведения о независимых курдских районах в Северо-Западном Иране, первая и

вторая группы иракских курдов-демократов, объединившись, приняли решение послать в Мехабад капитана Мир-хаджа для установления контакта с деятелями курдского национального движения в Мехабаде.

В августе 1942 г. капитан Мир-хадж приехал в Мехабад, где познакомился с руководителем иранских курдов Кази Мохаммедом. Он обсуждал с ним вопрос о необходимости создания курдской прогрессивной политической партии, программа которой отображала бы требования ведущих общественных групп курдского национального движения в Иране. Причем эта партия должна была стать общекурдской политической организацией.

Хотя в начале 40-х годов в Иранском Курдистане существовало три независимых курдских района, ведущая роль принадлежала Мехабаду — вследствие важности его экономического значения. В связи с этим вполне понятно, что именно здесь зародилась идея создания курдской прогрессивной политической партии, программа которой отражала бы требования ведущих общественных групп курдского национального движения в Иране.

Политическая обстановка в Иранском Курдистане в 1942—1945 гг.

Упорное стремление иранских курдов к сохранению своего контроля над курдскими районами Северо-Западного Ирана серьезно беспокоило иранское правительство, которое искало повода, чтобы ввести войска в Иранский Курдистан. С этой целью иранское правительство решило спровоцировать в курдских районах беспорядки. Весной 1942 г. в г. Резайе прибыл полковник Хашими, который с помощью местных чиновников стал распространять слухи о якобы готовящемся набеге курдов с целью уничтожения азербайджанского населения города. В 20-х числах апреля 1942 г. жандармские посты г. Резайе стали обезоруживать приезжающих туда на базар курдов. При этом произошли вооруженные столкновения, во время которых было убито несколько курдов и правительственных жандармов.

Местные курдские племена — зерза, шеккак, харки — решили отомстить за смерть своих соплеменников.

Курды этих племен быстро сформировали вооруженные отряды под командованием своих вождей. Вскоре эти отряды под предводительством харкинцев Зеро-бека и Рашид-бека, а также одного из вождей шеккаков Омерхана окружили г. Резайе и приступили к его осаде. К курдским отрядам ежедневно поступало пополнение из более отдаленных районов.

Иранская администрация, напуганная размером курдских вооруженных формирований, отступила. При посредничестве советского командования осада с Резайе была снята. Курды ушли в свои районы.

По заявлению курдских вождей, это выступление являлось всего лишь ответом иранскому правительству на его провокационные действия и послужило для курдов генеральной репетицией и проверкой мобилизационной готовности своих вооруженных сил.

Во время осады Резайе иранские чиновники, находившиеся в городе, состряпали лживую петицию шаху, в которой жаловались на «зверства» курдов и просили ввести в район иранские войска. В дальнейшем, после окончания восстания в Резайе, это послужило поводом для начавшейся в реакционной тегеранской печати травли курдов. В особенности зло выступала газета «Парчам».

Используя спровоцированное им выступление, иранское правительство ввело в г. Резайе бригаду (впоследствии — дивизию) иранских войск.

В сложившихся к концу 1942 г. независимых курдских районах стали складываться своеобразные формы курдской государственности. Эти районы существовали в качестве изолированных мелких самостоятельных административных единиц с весьма различным в зависимости от характера общественных отношений административным устройством. По внешнеполитической ориентации они заняли антифашистские позиции.

Еще раз подчеркнем, что в 1941—1942 гг. в независимых курдских районах не отмечалось сколько-нибудь серьезного движения за социальные или экономические реформы. Объясняется это в определенной степени тем, что само по себе избавление от иранской администрации и жандармерии, а также частичная неуплата налогов явились для населения настолько существенным облегчением, что это удовлетворяло на первых порах все слои курдского общества.

Если в первую мировую войну Западный Иран,

Курдистан являлись плацдармом непосредственных военных действий, что привело к катастрофическому экономическому разорению этих районов и явилось в конечном счете одним из важных факторов той волны курдских восстаний, которые потрясли Курдистан добрых два десятилетия, то во вторую мировую войну как Иран в целом, так и Курдистан не служили ареной непосредственных боев.

В северных районах Ирана курды добились освобождения от гнета шахской администрации «мирным» путем и на том этапе не требовали проведения социальных и экономических реформ. Эти задачи встали перед ними значительно позднее в связи с общим ростом демократического движения в Иране и в соседнем Ираке.

Центром независимых курдских районов стал город Мехабад, в котором большой политической активностью отличались некоторые выходцы из буржуазных слоев. Они считали, что существующие формы родо-племенных организаций не могут в достаточной мере обеспечить их интересы. Именно в этой среде, а также среди мехабадских рабочих к этому времени появилась тяга к сближению с растущим общедемократическим движением в Иране. В Мехабаде возникла, немногочисленная, правда, ячейка Народной партии Ирана.

В конце 1942 г. по инициативе мехабадского ремесленника Забихи в Мехабаде состоялось организационное собрание новой партии, получившей название «Жизнь Курдистана» (Жинна Курдистан — ЖК). На собрании присутствовали 11 человек, в том числе Забихи, Хусейн Зергели, Мукаддесси, Кадеи, Имами, Тевхиди Кияни. Секретарем партии был избран Забихи, председателем — Хусейн Зергели. На собрании, продолжавшемся несколько дней, была разработана также программа партии [138, с. 77]. Традиционная декларация независимости курдского народа сочеталась в этой программе с абстрактно изложенными требованиями борьбы с реакционными элементами внутри курдского общества, а также борьбы с реакционными правительствами Ирана, Ирака, Турции и с международной реакцией, в первую очередь с фашизмом. Партия ставила перед собой цель достижения автономии для районов Ирана, населенных курдами, а впоследствии объединения всех частей Курдистана в суверенное государство [139, с. 73].

Весьма существенным моментом программы, отли-

чающим ее от программ всех других курдских политических партий, являлась пронизывающая ее идея локализации борьбы курдов за свою национальную самостоятельность рамками стран обитания, а отсюда — требование блока со всеми прогрессивными силами этих стран и борьбы с реакцией и реакционными правительствами Ирана, Ирака и Турции. Вопрос о едином Курдистане отодвигался программой ЖК на второй план, к достижению объединения всех курдов в одном государстве предполагалось приступить после достижения автономии курдских районов Ирана, Турции и Ирака и демократизации общественной жизни в них.

ЖК объединила в своем составе значительное число представителей курдского национального движения не только в Иране, но и в Ираке. Центральный комитет ЖК, первоначально находившийся в Мехабаре, вскоре перенес свое местопребывание в Ирак, в Сулейманию, а в Мехабаре продолжал оставаться филиал ЖК, возглавлявшийся Забиhi. В апреле 1943 г. в предместье Мехабара — Хода Параст — был создан Центральный комитет Мехабарского филиала, в который входили Рахман Забиhi, Мохаммад Яху и др.

Опасаясь преследований и репрессий со стороны феодалов и местной реакции, ЖК строго законспирировала свою деятельность. Развитие деятельности ЖК в середине 1943 г. было прервано серьезными событиями в Иракском Курдистане, где вспыхнуло крупное восстание барзанских курдов (см. [150]).

К лету 1944 г. ЖК стала превращаться в массовую курдскую организацию, имевшую свои ячейки почти во всех районах Иранского Курдистана, от Маку до Керманшаха. В Мехабаре ЖК выпускала журнал «Ништеман» («Родина»), в котором в целях конспирации фамилии авторов статей были зашифрованы условными значками.

Со второй половины 1944 г. общая политическая обстановка в странах Среднего Востока стала резко меняться, и реакция начала активную борьбу со всеми видами прогрессивной деятельности. Чувствуя приближающийся разгром гитлеровской Германии и ее сателлитов, международная реакция, особенно англо-американский империализм, стала готовиться к новому «перделу мира» и стремилась всемерно усилить свои позиции на Среднем Востоке, используя в качестве своего основного союзника местные реакционные элементы.

Активизация империалистической политики обуславливалась острой заинтересованностью в иранской нефти и военно-стратегическими целями, характерными для времен развязанной Западом «холодной войны» против крепнущей социалистической системы во главе с СССР» [16, с. 109]. Не желая терять своих позиций в Иране, некоторые экспансионистски настроенные круги Англии, предвидя реальную необходимость вывода своих войск из Ирана, вновь начали активно поддерживать антидемократические элементы в стране с расчетом на то, что после вывода английских войск они станут главной опорой в деле империалистического закабаления Ирана. Вместе с тем империалистические круги Запада раздували антисоветские настроения в реакционных кругах Ирана, что было одним из средств борьбы против усиления симпатий к СССР в связи с разгромом фашистских войск в ходе второй мировой войны. Дружественная позиция Советского Союза по отношению к Ирану явилась важнейшим внешним фактором сохранения независимости и территориальной целостности страны перед лицом колониалистских происков англо-американского империализма. Эта позиция, исходившая из интересов укрепления национальных сил Ирана в борьбе против империалистических домогательств западных держав, встречала активную поддержку демократических кругов иранского общества. Осенью 1944 г. в городах проходили митинги и демонстрации против политики подчинения империализму, в которых участвовало более полумиллиона человек.

Не остались в стороне от этой борьбы прогрессивные силы курдского народа. Они стали объединяться с демократическими силами Ирана против реакционных элементов. Свое отношение к этой борьбе выразила, в частности, ЖК в ряде своих документов. В одном из них говорилось: «Мы, около 3 млн. человек, являющиеся частью населения Великого Курдистана, живем в пределах Ирана до того момента, когда будут восстановлены границы растерзанного на части Курдистана и мы снова приобретем полностью свои законные права. Пока же мы считаем себя входящими в состав государственных образований Турции, Ирана и Ирака и имеем право излагать свою точку зрения по поводу всех дел и деликатных вопросов, которые затрагивают какую-либо из сторон нашей жизни» [11, № 38, с. 124].

В этом документе обращает на себя внимание, во-

первых, заявление ЖК о том, что она, независимо от решения вопроса о судьбах Курдистана в целом, будет представлять курдов и отстаивать их интересы в пределах каждого из трех государств, в состав которых входит в настоящее время Курдистан, и, во-вторых, стремление увязать свои задачи с интересами всех прогрессивных сил данной страны.

ЖК не только декларировала свое отрицательное отношение к реакционному иранскому правительству Саеда и к сменившим его кабинетам, но и в своей практической деятельности взяла курс на организацию демократического движения среди иранских курдов. Поскольку на севере Иранского Курдистана позиции шахских властей в курдских районах были ослаблены, постольку основное внимание ЖК начиная с конца 1944 г. было направлено на то, чтобы ослабить их роль в хозяйственной и общественной сферах в центральной и южной частях Иранского Курдистана, находившихся в зоне дислокации английских войск и непосредственно примыкающих к территории Англо-иранской нефтяной компании.

В ряде случаев, в особенности в городах и местностях с оседлым населением, деятельность ЖК протекала параллельно и в тесной связи с деятельностью Народной партии Ирана, также начавшей активизироваться в это время на юге Ирана. Результатом этой совместной деятельности явилась значительная активизация общественной жизни в центральной и южной частях Иранского Курдистана в 1945 г., когда в ряде курдских районов вспыхнуло широкое антиправительственное движение курдов.

Активизация ЖК в центральной и южной частях Курдистана заставила английскую политическую разведку обратить серьезное внимание на деятельность этой опасной для английских позиций в Юго-Западном Иране курдской организации. Английский империализм начал принимать меры по разложению ЖК, по обострению противоречий между правым крылом этой организации, состоявшим из феодалов и крупных купцов, и левым, демократическим крылом, в которое входили представители средних и низших слоев населения, примыкавшие по своим взглядам к НПИ. В руководстве ЖК в 1945 г. началась дискуссия по спорным вопросам программы и тактики в послевоенный период.

Основной спор разгорелся по вопросу о том, является ли английский империализм врагом курдского народа и

вредна ли для курдов деятельность его агентуры на Ближнем Востоке. Правое крыло ЖК настаивало на сотрудничестве с представителями Англии, требовало отказа от антианглийской деятельности и разрыва ЖК с НПИ.

Эти споры внесли существенные разногласия в руководство организации, и во второй половине 1945 г. она фактически распалась. Развалу ЖК способствовало также то обстоятельство, что секретарь партии Забиhi во время поездки в курдские районы Северо-Западного Ирана был арестован около Резайе иранской полицией. Найденные у него документы и материалы ЖК послужили поводом для обвинения Забиhi в антиправительственной деятельности, и он около года содержался в тегеранской тюрьме. При этом негативную роль сыграли азербайджанские националисты, содействовавшие его аресту.

Развал ЖК вместе с тем способствовал разделению курдского движения в Иране на два крыла.

Правое крыло движения в Иранском Курдистане составляли группировки курдских феодальных, родо-племенных и духовных вождей, пытавшихся сохранить свое утрачиваемое влияние в племенах и с этой целью поддерживавших среди своих племен националистические тенденции и антиправительственные настроения. Представители этого крыла легко шли на сговор с империалистической агентурой, действовавшей в курдских районах, а некоторые из них являлись ее открытыми агентами. Общим для них и возглавляемых ими мелких группировок была открытая помощь реакции и столь же откровенная борьба со всеми проявлениями любых прогрессивных тенденций среди членов подвластных им племен. В значительном большинстве случаев эти феодальные деятели выступали в союзе с мусульманским духовенством и выдвигали чисто клерикальные лозунги, пытаясь придать национальному движению курдов религиозный характер. Столь же характерным для них было стремление сохранить существовавшие в курдском обществе социальные отношения, в первую очередь родо-племенную структуру — основу их господства и влияния в курдских племенах.

Во время второй мировой войны многие курдские феодалы и родо-племенные вожди, преимущественно Юго-Западного Ирана, группировались вокруг партии Ватан¹. Они пытались сколотить в меджлисе 14-го со-

зывает реакционную фракцию Ашаир (фракция племен). Однако по ряду причин это им сделать не удалось (см. [112]). В конце войны они организовали группу вокруг издаваемого в Тегеране журнала «Кохестан», которую возглавлял доктор Исмаил Арделян.

В качестве платформы курдского движения группа Кохестан выдвинула программу создания «Великого Ирана», в состав которого на правах автономии должны были войти курдские районы Ирана, Ирака и Турции, и, таким образом, курды и персы должны были создать одно государство. Иранцы, как арийцы, противопоставлялись в этом плане арабским и тюркским народам Среднего Востока.

Основные установки своей программы, носившей явно националистический, шовинистический характер, были опубликованы в редакционной статье журнала «Кохестан». В ней, в частности, говорилось, что значительная часть населения западной части Ирана говорит на курдском языке, сильные же притеснения, направленные на его ограничение, по всей вероятности, лишь увеличивают эту привязанность. «Никакими способами не сможете вы лишить их этой привязанности. Поэт, который слагает свои стихи на курдском языке, если он будет брошен вами в тюрьму, расскажет о ваших жестокостях в своих стихах. Приведите его к виселице, и он встретит смерть курдским двустишием. Не забывайте, что и по ту сторону западной границы нашего Ирана обитают люди, одинаковые с пограничным населением по крови, языку, культуре. Спросите у турецкого или иранского курда о его национальности, и он назовет себя курдом. Спросите, однако, иранского курда, кто он. И он скажет вам, что он иранец. И это совершенно верно, ибо курды — иранцы. Все они должны подать нам братскую руку, все они должны жить под славным знаменем Великого Ирана» [162, 05.02.1946].

В статье отмечалось, что курды страдали от произвола государственных чиновников, и это явилось одной из причин выдвижения курдами требования автономии. Приоритет отдавался культурной автономии, которая должна была способствовать объединению в рамках Ирана всех курдов ближневосточного региона. Журнал подчеркивал, что «популяризация курдского языка в Иранском Курдистане волей-неволей привлечет внимание других курдов в мире к Ирану, а если такая популяризация будет сочетаться с требуемыми в этих обла-

стях реформами, то в недалеком будущем стремления из пути создания „Великого Ирана“ достигнут решающего этапа, ибо если будет существовать сильный Иран и не будет независимого курдского государства, то несомненно стремление курдов всего мира жить под знаменем „Великого Ирана“ будет сильнее, нежели их согласие пребывать в подданстве любой другой державы — турецкой или арабской» [162, 05.02.1946].

В той же статье деятелей «Кохестана» прослеживается стремление ее авторов организовать негативную реакцию иранского общественного мнения на национально-демократическое движение в Иранском Азербайджане и представить его как движение, чуждое и враждебное Ирану.

План создания «Великого Ирана»² и включение курдов в паниранистское движение встретили сочувственное отношение со стороны крайних иранских националистов и иранской военщины. Вместе с тем, несмотря на свою фанатичность и нереальность, идеологическая платформа «Кохестана» оказала известное влияние на националистические круги курдов Ирана в послевоенный период.

Слабость этой программы состояла в том, что она, с одной стороны, сеяла рознь между национально-демократическими движениями многонационального Ирана, а с другой — объявляла выступления курдов в Ираке и Турции сепаратистскими движениями за воссоединение курдских районов этих стран с Ираном.

Несмотря на значительную активность некоторых националистически настроенных курдских феодалов в Иране, роль феодальных элементов в курдском национальном движении в исследуемый период была несколько снижена. Своими действиями они продолжали вносить разногласия в национальное движение иранских курдов и дезориентировать его демагогическими лозунгами о создании «Великого Курдистана».

Раскол в руководстве ЖК привел к тому, что вспыхнувшее во второй половине 1945 г. движение курдов центральной части Иранского Курдистана оказалось фактически лишенным руководства. В результате относительно широкие по своему размаху курдские выступления были обречены на поражение. Примером такого выступления может служить восстание крестьян в Мериване.

Поводом для мериванского восстания послужил тер-

рор иранской военщины. В пятом остане, в состав которого входил Мериван, дислоцировалась одна из пехотных дивизий иранской армии. Личный состав дивизии во главе с ее командующим Хушмандом Афшаром был подобран иранским генштабом из числа крайних реакционеров и приверженцев Реза-шаха. Офицеры дивизии вели себя в Иранском Курдистане как завоеватели. Даже выборы в меджлис 14-го созыва происходили здесь по указке командования дивизии вопреки воле населения. В результате открытого давления на выборщиков, насилия и прямого подлога избранным оказался некий Мохит — реакционер, не имеющий ничего общего с местным населением.

Левое крыло ЖК направило в меджлис телеграмму, в которой настаивало на том, чтобы мандат Мохита не был утвержден в меджлисе, поскольку он был избран незаконно. «В противном случае,— говорилось в телеграмме,— для населения Курдистана станет очевидным, что меджлис не заботится о спокойствии и благоденствии курдов» [160, 19.06.1945].

Реакционная иранская пресса восприняла эту телеграмму, как и начавшие поступать в эти дни из Курдистана тревожные сведения о восстании курдов Меривана, в качестве акта, направленного на нарушение целостности и независимости Ирана. Газета «Кейхан» писала по этому поводу в передовой статье: «Курды являются наиболее чистыми иранцами и истыми патриотами Ирана. Может, неграмотная часть курдов и не понимает значения слова „независимость“, но курдская интеллигенция достаточно хорошо знает, что значит независимость».

В наши дни, когда даже великие и многочисленные народы стремятся к единению и поддержке друг друга, можно ли поверить, что некоторые люди из чистого иранского племени хотят отделиться от своего корня? Куда же они денутся? Если сейчас 15-миллионный иранский народ играет весьма незначительную роль в глазах великих народов мира, то что будет с ним (иранским народом), если он разделится на отдельные племена?» [160, 27.07.1945].

Демократическая печать, напротив, весьма резко выступила против действий иранской военщины в Курдистане. Орган ЦК Народной партии Ирана газета «Рахбар» писала: «В результате провокационной деятельности реакционных элементов и неправильного ру-

ководства бригадного генерала Хушманда Афшара... Курдистан снова охвачен пламенем волнений и беспорядков. По полученным сведениям, в местечке Резаб окружен полк правительственных войск, который понес тяжелые потери. Из Тегерана срочно выслано подкрепление. Генштаб потерял всякую связь с местным гарнизоном, положение которого весьма критическое» [168, 23.07.1945].

Сходной точки зрения придерживалась и газета «Растахизе Иран», которая критически оценивала политику центральных властей, направленную на насильственное подавление племен. По мнению этой газеты, результатом посылки в Курдистан войск явились лишь обогащение генералов, истощение государственной казны и возбуждение недовольства племен. Газета рекомендовала правительству Ирана избрать в отношении курдов иную политику, которая обеспечила бы нужды курдских племен, завоевала бы их доверие и привлекла бы их симпатии к центральной власти [167, 24.07.1945].

Постепенно становилось ясным, что в Мериване началось крупное антиправительственное восстание курдов, направленное против реакционного иранского правительства и произвола иранской военщины. Генеральный штаб, долго сохранявший молчание, вынужден был опубликовать два коммюнике, связанных с событиями в Курдистане.

Сквозь хвастливые победные фразы бюрократически составленных реляций об «удачно проведенных экспедициях по подавлению бандитских шаек и изъятию вооружения у кочевников» в этих донесениях проскальзывали нотки беспокойства широким размахом событий. Из коммюнике явствовало, что в Курдистане идут серьезные бои, в которых принимают участие регулярные части пехоты, кавалерии, артиллерия и даже авиация. Шах, как говорилось в коммюнике, выразил свою благодарность «мужественному гарнизону Меривана».

Опубликование этих коммюнике было осуждено большей частью иранской прессы, которая отмечала самочинный и реакционный характер действий в Курдистане генерального штаба и его начальника генерала Арфы.

Результатом восстания мериванцев было временное ослабление правительственного террора в пятом остане. Добившись некоторого ослабления давления со стороны иранской военщины, курды прекратили восстание,

тем более что к этому времени развалившаяся ЖК не могла далее обеспечить руководство движения мериванцев.

Отметим следующие характерные черты восстания в Мериване:

1. Восстание имело узколокальный характер. В числе его лозунгов отсутствовал лозунг создания «независимого Курдистана».

2. Повстанцы считали себя гражданами Ирана и полагали, что их восстание направлено против реакционного правительства Ирана, причем свое движение они рассматривали как часть общего демократического движения в Иране.

3. Восстание в Мериване носило широкий народный характер. В нем приняли участие практически все социальные слои курдского общества, причем ведущая роль в этом восстании принадлежала не родо-племенной верхушке, а небольшой по своей численности группе политических деятелей, принадлежавших к левому крылу партии ЖК.

4. За исключением требования изгнать из края военные гарнизоны и прекратить террор военщины и реакционных сил, в лозунгах повстанцев в Мериване почти полностью отсутствовали четко сформулированные требования.

Мериванское восстание являлось составной частью стихийно нараставшей по всему Ближнему Востоку волны национально-освободительного движения, направленного как против происков англо-американского империализма, так и против реакционной политики правительств региона. По времени и в некоторой степени по характеру и целям оно совпадало с национально-демократическими движениями в Иранском Азербайджане, Гиляне, Мазендеране, Хорасане, с усилением национально-освободительного движения в ряде арабских стран, с общим усилением демократического движения и борьбы демократических сил с реакцией в Иране во второй половине 1945 г.

Отсутствие авторитетного и обладающего достаточно широким политическим кругозором руководства привело к тому, что это восстание не сумело преодолеть свой узколокальный характер и превратиться в выступление широких народных масс против империализма и местной реакции.

Вместе с тем это восстание оказалось хорошим уро-

ком для принимавших в нем участие прогрессивных деятелей курдского национального движения. Оно показало этим деятелям настоятельную необходимость возможно более тесного объединения со всеми прогрессивными силами страны и выработки четких политических программ. В этом в первую очередь состоит положительное значение мериванского восстания наряду с его антиреакционным и антиимпериалистическим в целом характером.

Одновременно с мериванским происходило восстание барзанских курдов в Ираке³. После его разгрома часть иракских курдов переселилась в Иран, влившись в движение иранских курдов (преодолев некоторые трения, возникшие в связи с вопросом о руководстве курдским движением).

В это же время усилили свою деятельность представители английских империалистических кругов, которые сделали попытку войти в доверие руководителей курдским движением в Иране для укрепления своих позиций в регионе. Их усилия привели к ослаблению намечавшейся тенденции к объединению всех курдских районов Ирана в компактный автономный курдский массив.

Тем не менее в Иранском Курдистане продолжался процесс консолидации прогрессивных сил курдского движения.

На левом фланге курдского национального движения располагались возникшие в годы второй мировой войны демократические курдские политические организации, прежде всего Демократическая партия Иранского Курдистана (ДПИК). Эта партия возникла в августе 1945 г. в Мехабаде как следствие тесного контакта национально-демократического движения в Ираке, Иранском Азербайджане и других районах Ирана. Она была создана на базе развалившейся к тому времени ЖК и включила в свой состав значительное число ее активных членов [73а, с. 78].

Скоро Демократическая партия Иранского Курдистана приобрела среди курдского населения большую популярность. В ее ряды потянулись крестьяне, рабочие, мелкая буржуазия и средние землевладельцы, рядовые члены племен. В состав ЦК партии вошли представители мехабадского купечества, мелкой буржуазии и феодалов. Печатным органом ее стала газета «Курдистан».

Во главе новой курдской политической организации стал Казим Мохаммед.

До 1941 г. Кази Мохаммед не занимался активной политической деятельностью, был глубоко набожным человеком, выражал верноподданнические чувства иранскому правительству. Он не сразу встал на путь последовательного демократизма. На его взгляды оказала влияние идеология курдских просветителей первой четверти XX в.

Кази Мохаммед происходил из богатого и влиятельного аристократического рода племени дебокри. Глава семьи Кази назначался иранским правительством по наследству на пост судьи в г. Мехабаде. После смерти дяди — Кази Али — Кази Мохаммед был назначен на этот пост и, кроме того, как уже говорилось, исполнял обязанности мехабадского градоначальника. Он владел персидским, арабским, турецким, английским, русским языками и был образованным и умным человеком, а «его религиозность не препятствовала его прогрессивным воззрениям на экономические и социальные отношения». Поэтому выдвижение его как политического деятеля не было случайным. Идеи освобождения не были чужды и его семье. Его дед Файзулла-бек в период оккупации Иранского Курдистана турками (20-е годы) возглавлял ополчение жителей г. Мехабада и мукринских курдов, отразившее движение турецких войск на Соуджулак.

По мысли Кази Мохаммеда, ДПИК должна была быть организована по образцу Демократической партии Иранского Азербайджана (АДП) и объединить в своем составе все прогрессивные и демократические силы курдов Северо-Западного Ирана.

К концу 1945 г. многие представители демократических сил вошли в ДПИК, которая объединила в своих рядах представителей различных классов и сословий — пролетариата, крестьянства, городской мелкой буржуазии, части средней и крупной буржуазии, а также представителей местной интеллигенции.

25—28 октября 1945 г. в Мехабаде состоялся первый съезд ДПИК. На нем была выработана и затем опубликована декларация, основные положения которой сводились к следующему:

1. Курдский народ должен быть волен и свободен в пределах Ирана управлять своими местными делами; он должен получить автономию внутри границ иранского государства.

2. Курдский народ должен иметь возможность обу-

чатся на родном языке; делопроизводство в государственных учреждениях также должно вестись на курдском языке.

3. На основе иранской конституции должен быть срочно избран областной энджумен (местный орган самоуправления) Курдистана, который установит контроль над всеми общественными и государственными делами.

4. Государственные чиновники обязательно должны вербоваться из местного населения.

5 На основании общего иранского законодательства должны быть урегулированы отношения между крестьянами и помещиками и обеспечено их будущее.

6. Необходимо приложить все усилия к тому, чтобы между различными народами, населяющими Азербайджан и Курдистан (азербайджанцы, курды, армяне, ассирийцы и др.), установились дружественные и братские отношения.

7. Необходимо бороться за моральное и материальное удовлетворение запросов курдского народа путем использования огромных естественных богатств Курдистана, развития сельского хозяйства, расширения сети учреждений народного образования и здравоохранения.

8. Курды хотят, чтобы народы, живущие в Иране, могли свободно работать для счастья и прогресса своей родины [119, с. 15—16].

Эта декларация была поддержана подавляющим большинством курдского народа и подписана 53 влиятельными курдскими деятелями.

Декларация была с одобрением встречена и среди деятелей национального движения в Иранском Азербайджане; к этому времени они уже создали свою автономию и налаживали отношения с курдами.

В декабре 1945 г. в Мехабаде была опубликована программа ДПИК (см. [118]). В ее основу был положен принцип «законности, справедливости, цивилизации». «Основная цель партии в Курдистане,— говорилось в ней,— завоевание своих законных прав в пределах иранского государства путем установления и организации автономного управления тех областей и округов, где с давних веков обитает и трудится курдский народ, в соответствии с демократическими законами — все, что бы ни делалось в районах Курдистана, должно полностью соответствовать интересам обитающего там населения. Народы, племенные и религиозные группы без

каких-либо ограничений и независимо от их численности имеют право избирать депутатов в Народное собрание» [119, с. 19].

В программе ничего не говорилось о земельной реформе, о наделении безземельных и малоземельных курдских крестьян землей, скотоводов — пастбищами, о благоустройстве деревень. Она ограничивалась лишь общими фразами о развитии земледелия в курдских районах. Столь же общий и декларативный характер имело положение программы по рабочему вопросу. Ничего в ней не было сказано и об отношении ДПИК к родо-племенной структуре и власти курдских родо-племенных вождей, светских и духовных феодалов, а также об отношении партии к феодальным и дофеодальным пережиткам в общественной жизни и экономике Курдистана.

Расплывчатые и весьма противоречивые формулировки программы позволяли обойти молчанием значительное большинство кардинальных вопросов курдской действительности. Это способствовало быстрому росту членов ДПИК за счет вхождения в ее состав не только прогрессивных элементов, но и всех вообще активизировавшихся групп курдского национального движения. Многие вожди курдских племен стали заявлять о своем вступлении в состав ДПИК. Из верхушки родо-племенных вождей и рядов курдской буржуазии Мехабада и других городов Мукринского Курдистана выдвинулись почти все активные деятели центральных и местных организаций партии. Эти лица — знать, вожди племен, именитое купечество — начали играть ведущую роль в партии и затем в правительстве Мехабадской республики. В окружении Кази Мохаммеда находились мехабадские старейшины Карани-ага Мамаш, Абдулла-ага Мангур, Али-ага Дебокри и др.

По предложению ряда членов было принято решение об образовании в Северо-Западном Иране «свободного района», получившего название Мехабадской республики.

В Иранском Курдистане в отличие от Иранского Азербайджана ДПИК не пришлось вести борьбу за захват власти, поскольку эта власть уже несколько лет фактически принадлежала курдам. Напомним, что в нейтральной северо-западной части территории, населенной курдами, не занятой союзными войсками, стихийно возникли местные курдские органы самоуправления, которые парализовали деятельность иранских чи-

новников, администрации и жандармерии. Иранская армия и административный аппарат бежали, оставив все оружие и боеприпасы, или были в отдельных местностях изгнаны курдами. Иранские власти не могли своими силами справиться с вооруженными курдами и восстановить в этих районах иранскую администрацию.

Иранская печать сообщала, что «в Иране существует независимый курдский район, который в ближайшее время может стать центром всеобщего восстания. Он находится к югу от озера Урмия, в Соуджбулаке, иначе именуемом Мехабадом. Британская зона кончается южнее, в районе Секкеза; советские войска расположены севернее. Здесь, в горах этой „ничейной земли“ сгруппировались иракские мятежники во главе с вождем Муллой Мустафой, которые в прошлом месяце были изгнаны с помощью английской авиации из Ирака» [168, 23.07.1945].

Курдская республика в Мехабате

Поскольку в Иранском Курдистане уже существовал район, на который не распространялась власть иранской администрации, то понадобилось лишь оформить создание правительства республики и продолжить работу по объединению с Мехабадом соседних курдских районов как на севере, так и на юге.

24 января 1946 г. во время массового митинга в Мехабате, в котором приняли участие делегации из всех районов Иранского Курдистана, было объявлено о создании Мехабадской республики. В состав автономной курдской республики вошли районы Мехабата, Ушну, Мергавера, Тергавера, Сердешта, Бане, Шахпура, Сенендеджа, Котура, Маку [124, с. 81].

Правительство Мехабадской республики возглавил лидер ДПИК Казим Мохаммед. Состояло оно из руководителей ДПИК, объявленной единственной правящей партией в курдских районах Ирана. Совет министров состоял из 14 министров. Поскольку не был избран парламент, законы издавались от имени президента [165, 1964, № 29, с. 181—182].

Казим Мохаммед считал полезным поддерживать нормальные отношения с иранским правительством во имя обеспечения существования курдской автономии.

Главное место и ведущая роль в правительстве принадлежали местным курдским феодалам и родо-племенным вождям из фамилии Ильханизаде и представителям курдской буржуазии.

Важную роль в процессе образования и развития Мехабадской республики играл религиозный фактор. Основная масса населения Курдистана была людьми верующими, для которых авторитет духовенства был очевиден. Учитывая этот момент, руководители новой республики прием в партию производили в присутствии духовенства с клятвой на Коране [165, 1964, № 29, с. 182].

В окружении Кази Мохаммеда находились представители влиятельного курдского духовенства, занявшие в Мехабадской республике важные правительственные посты. В их числе был шейх Хаджи Баба из Сейидов Занбиле. В конце 1945 г. он стал членом ДПИК, а впоследствии занял пост премьер-министра (председателя народного собрания), став главой республиканского правительства.

В борьбе за автономию крупное курдское духовенство делало ставку на племенных вождей, сохранявших в большинстве племен свою безраздельную власть. В числе присоединившихся к Курдской республике глав племен были Рашид-бек, Зеро-бек, Нури-бек, Мамед Хусейн-хан, пользовавшиеся уважением в районах Тергавера и Мергавера, где проживали племена харки [165, 1964, № 29, с. 183]. Все они были враждебно настроены к иранскому правительству.

Кроме того, ДПИК опиралась на вождей племен шеккак. Среди них особенно выделялись Омер-ага, наиболее авторитетный и влиятельный вождь, бывший соратник Симко-аги. В 1946 г. он занимал пост уездного начальника в Шахпурском районе. Его крупным конкурентом, претендующим на руководство всем племенем, был Сартиб-ага, воинственный, резко настроенный против иранских властей, но неграмотный и невежественный человек.

Из авторитетных вождей того же племени выделялся Котас-ага, родственник Омер-аги. Он занимал двойственную позицию. С одной стороны, родственные отношения не позволяли ему порвать с Омер-агой из-за политических разногласий, а с другой — ему были ближе взгляды Сартиб-аги. Пользуясь разногласиями между этими крупными вождями, он пытался создать самостоятельную группировку.

Значительным влиянием пользовался и один из сыновей Симко, Тагир-хан [11, № 14, с. 5].

Заметную роль в формировании курдской армии сыграло объединение племен мамаш, пиран и мангур, составивших ядро курдской республиканской армии. Лидер мамашей Абдолла Кадери в мае 1946 г. стал членом правительства Мехабадской республики.

Важнейшую роль в установлении республики играли соплеменники Кази Мохаммеда — дебокряны. Два министра были назначены из ветви ильханизаде: Абдол Рахман — министр иностранных дел и Исмаил — министр коммуникаций. Выходцем из племени дебокря был и Карими — руководитель административно-хозяйственного командования армии и Джафар-ага Манаф — министр просвещения. Последний являлся также автором музыки национального гимна курдов.

В отличие от шейхов и вождей племен курдская интеллигенция (ученые, журналисты, общественные деятели) не имела столь беспрекословного авторитета и влияния в массах, поэтому значение этого слоя в курдском движении было незначительным.

Свою деятельность правительство Мехабадской республики начало с преобразований в области культуры. Прежде всего вся система просвещения в Иранском Курдистане была переведена на курдский язык. Для осуществления этой задачи была создана специальная комиссия, разработавшая систему необходимых мероприятий.

В частности, был разработан проект реформы в области школьного образования. Он предусматривал обязательный охват начальным образованием всех детей в возрасте от 6 до 14 лет, а также введение специальной школьной формы. Для ликвидации неграмотности взрослого населения предполагалось организовать специальные вечерние курсы в школах.

В числе важных политико-культурных мероприятий было издание общественно-политической литературы на курдском языке. В мехабадской типографии регулярно печатался орган курдского правительства и ДПИК газета «Курдистан», на страницах которой широко освещались вопросы как внутренней жизни Мехабадской республики, так и политической обстановки в Иране и международного положения в целом.

Кроме того, издавались газета для женщин «Халала» («Тюльпан») и специальные издания для детей — еже-

месячные журналы «Хавар» и «Агир». Были также подготовлены к печати новые учебники для школы.

Оживилась деятельность курдской интеллигенции, особенно в области литературы и искусства. Об этом свидетельствует литературное творчество курдских писателей. Центр литературы на курдском диалекте курманджи переместился в Мехабад. В 1946—1947 гг. кроме газеты «Курдистан» там издавались журнал «Ниш-теман», а также произведения курдских авторов и переводы произведений мировой классики.

Одним из мероприятий в области культуры было возобновление старинного курдского института народных поэтов, близких по характеру своего творчества к ашугам народов советской Средней Азии и Закавказья. Используя приемы народного творчества, они выступали со своими произведениями на злободневные темы на народных собраниях, праздниках и т. д. Лучшие из их произведений затем обрабатывались и публиковались. Особенной популярностью пользовался крупнейший народный поэт Хежар, сборник стихов которого издан в 1945 г.

Интерес представляет попытка создания курдской народной оперы. В марте 1945 г. в Мехабаде группа энтузиастов-любителей осуществила постановку оперы «Родина» (Родину, закованную в цепи, освобождал ее сын). Эта пьеса пользовалась огромным успехом (см. [42]).

Активную роль в социальной и политической жизни Иранского Курдистана впервые стали играть курдские женщины. Их прогрессивная часть включилась в работу женской секции ДПИК. Важным шагом в области культуры явилось открытие высшей школы для девушек. Молодежь стала объединяться в ряды молодежной секции ДПИК, возглавляемой Али Хосрави. Группа молодежи была направлена на учебу за рубеж.

Правительство проявляло активность в деле создания больниц, диспансеров.

В Мехабаде и других городах республики были приняты важные шаги по созданию регулярных частей курдской национальной гвардии⁴. Эти части получили единообразное военное устройство, вооружение и обмундирование и послужили костяком для создания в дальнейшем частей демократической курдской армии.

Серьезные мероприятия были предприняты курдским правительством для изыскания финансовых средств. В

частности, были приняты энергичные меры по сбору не взыскивавшихся в течение 1943—1945 гг. налогов. Налогоплательщику позволялось уплачивать налоги казначейству со своих доходов в 2—3 приема.

Кроме того, значительные доходы были получены от продажи табака, а также такой продукции сельского хозяйства, как хлопок, мелкий рогатый скот и др. Существенную помощь в оживлении экономики района сыграло установление с согласия иранского правительства прямых торговых контактов с СССР⁵.

Курдскому правительству не удалось провести земельную реформу, но среди курдских крестьян и иракских беженцев, перешедших границу после восстания 1945 г. в Иракском Курдистане⁶, были распределены земли сбежавших помещиков. Намечалось выработать программу аграрных преобразований. Специально для этой цели был создан департамент сельского хозяйства и аграрных проблем. Внешнюю торговлю страны контролировал «Шеркет Тараш» — официальная торговая компания.

В середине апреля 1946 г. были предприняты шаги по урегулированию ряда спорных пограничных вопросов между курдами и азербайджанцами и установлению добрососедских отношений между Мехабадской республикой и Азербайджанской республикой. С этой целью в Тебриз направилась курдская делегация в составе Казии Мохаммеда, Мухаммеда Хусейна Сейфа Казии, Сайида Абдуллы Гиляни, Амр-хана Шеккака, Рашид-бека, Зеро-бека и Казии Мухаммеда Кезри из Ушну. Со стороны азербайджанцев в переговорах участвовали Джафар Пишевари, Хаджи Мирза Ази Шаверстари, Садик Паданган, Саламулла Джавид и некоторые другие. В результате переговоров 3 мая 1946 г. между азербайджанцами и курдами было подписано соглашение следующего содержания:

1. В каждой из территорий будет аккредитован представитель от каждой стороны.

2. На азербайджанской территории с преимущественным курдским населением будет присутствовать представитель курдской администрации, и наоборот, на курдской территории с преобладанием азербайджанского населения будут находиться представители азербайджанцев.

3. Оба правительства создадут Объединенный экономический комитет, который будет заниматься проблема-

ми экономики, а его решения будут рассматриваться руководителями обеих сторон.

4. В случае необходимости будет оказываться обоюдная военная помощь.

5. Любые переговоры с иранским правительством должны вестись с одобрения обоих правительств.

6. Правительство Азербайджана обязывалось предпринять меры для организации мероприятий в области просвещения для курдов, живущих на его территории. Курды давали аналогичное обещание относительно просвещения азербайджанского населения на территории Иранского Курдистана.

7. Любая попытка нарушения исторически сложившейся дружбы и сотрудничества между двумя народами или посягательства на их национальное единство получила бы возмездие от обоих этих народов [128, с. 72—73].

Вместе с тем оба правительства выражали разные точки зрения по проблемам внутреннего устройства своих республик. Если в Азербайджане предполагалось провести обширные экономические и социальные реформы, то в Курдистане на повестке дня стоял вопрос национального единства без коренной ломки социальных отношений. Курдское общество того времени находилось в целом на более низкой ступени социально-экономического развития.

Важной проблемой был вопрос установления границ между двумя республиками. В особенности дискуссионным был вопрос о разграничении территории к западу от оз. Урмия, городов Хой, Салмас, Урмия и Миандоаб. Однако и этому вопросу не было уделено достаточного внимания, поскольку в то время более актуальным был вопрос о защите курдской республики от разгрома силами иранской реакции.

Центральное иранское правительство приняло все меры, чтобы сделать азербайджано-курдское соглашение неосуществимым. Правительство Тегерана содействовало тому, чтобы руководство Азербайджанской республики игнорировало п. 5 Соглашения, тем самым внося раздор в демократическое движение в Азербайджане. Оно стремилось также внести разногласия между азербайджанцами и курдами, разжигало споры вокруг территориального разграничения. Однако между демократическими правительствами Азербайджана и Курдистана существовали довольно тесные дружественные отно-

шения, невзирая на ряд пограничных недоразумений, «объясняемых сложностью и запутанностью этнографической границы» между курдами и азербайджанцами в Северо-Западном Иране⁷.

Руководители ДПИК и Мехабадской республики горячо выступали за сотрудничество не только с азербайджанскими демократами, но и с общеиранскими политическими организациями, например Народной партией Ирана⁸, а также стремились к расширению связей с различными курдскими организациями вне Иранского Курдистана. Иранские курды охотно оказывали помощь своим соратникам по борьбе из других частей Курдистана.

Касаясь событий этого периода, газета «Рахбар» писала: «Образование блока показывает, что свободолюбивые партии понимают, что их обязанностью в борьбе против интриг реакции является создание единого фронта. В результате создан сильный патриотический союз, подобного которому до сих пор не было в истории Ирана» [168, 23.07.1945].

Курды требовали также укрепления дружбы с СССР, прекращения происков международной реакции и ее агентуры в Иранском Курдистане. В ноябре 1946 г. в газете «Курдистан» было опубликовано интервью Казимохаммеда, в котором он, ссылаясь на ряд факторов, заявил, что «англичане стремятся всевозможными способами вызвать в Иране беспорядки и помешать проведению выборов в меджлис... Англичане полагают, что для создания беспорядков более всего подходит Курдистан и южные районы Ирана. Они сейчас ведут активную деятельность в Курдистане» (см. [162, январь—февраль 1945, № 102]).

Важную моральную поддержку оказывали курдам части Советской Армии, дислоцировавшиеся на севере Иранского Курдистана. Согласно Тегеранскому соглашению они были выведены из Ирана весной 1946 г. Иранские газеты отмечали «безупречное поведение бойцов и офицеров, искренне дружеское отношение к населению». Вместе с тем иранская реакция распространяла по сути беспочвенные слухи о том, что образование Мехабадской республики было осуществлено с помощью Советской Армии. Английский исследователь У. Эльфинстон писал по этому поводу: «В последнее время ходят слухи, якобы русские ведут пропаганду среди иранских курдов. Но более авторитетные в этом вопросе

люди утверждают, что слух этот не имеет основания» [136, с. 98].

Газета «Курдистан» выражала дружественные чувства к Советскому Союзу. На ее страницах публиковались статьи об СССР, его культуре, достижениях в области науки. Правая иранская печать пользовалась такими выступлениями для обвинения курдского руководства ДПИК в сепаратизме. Лидер ДПИК, он же президент Мехабадской республики Казимохаммед в специальном интервью журналистам тегеранских газет опроверг обвинения в намерении ДПИК поднять общее курдское восстание и в «связях» с советскими организациями. Казимохаммед четко и недвусмысленно указал, что иранские курды боролись за свои национальные права и за демократизацию своей общественной жизни и намерены вести эту борьбу в рамках Ирана.

Эти идеи пронизывали большинство публикаций «Курдистана». Так, в августе 1946 г. газета опубликовала выступление Казимохаммеда на заседании ДПИК в Мехабаде. Он рассказал о своей поездке по Курдистану и о посещении им городов Урмии, Шахпура, Хоя и Маку. Его обращения к курдскому народу были пронизаны духом интернационализма.

Политическая ситуация в Иране, сложившаяся в первые послевоенные месяцы, не позволила силам Мехабадской республики распространить свое влияние в Секкезе, Сенендедже и Керманшахе. Однако ей удалось утвердиться во всей северной части Иранского Курдистана, в районе с миллионным населением. Ее существование создавало условия для объединения прогрессивных демократических сил в стране. В октябре 1946 г. был создан коалиционный Фронт согласия в составе АДП, ДПИК, Социалистической партии и партии Дженгаль. Эти организации вместе с НПИ и партией «Иран» объединились в едином фронте свободы. 30 октября 1946 г. в Тегеране состоялось первое собрание представителей Объединенного фронта демократических партий Ирана [24, с. 58].

Существование Мехабадской республики в Иране, где были посеяны ростки нового общественного устройства, вызывало очевидное недовольство иранского правительства, которое не теряло надежды на реставрацию иранской администрации в этом районе. С помощью империалистической агентуры и реакционеров в Иранском Курдистане в 1946 г. реакционные феодалы орга-

низовали четыре вооруженных контрреволюционных мятежа с целью ликвидации демократических организаций курдов и восстановления реакционного режима.

Эти события находили осуждение прогрессивно настроенных слоев иранского общества, а также за рубежом. «Свобода, к которой больше всего стремятся курдские националисты, — писала английская „Дейли Телеграф“, — это свобода воспитания своих детей на своем родном языке и в своих национальных традициях. Курдских националистов нельзя обвинить в несправедливости. Они просто желают, чтобы им разрешили жить по-курдски, говорить на курдском языке, печатать и читать книги на том же языке и не быть ассимилированными арабами, персами, турками» [158, 13.04.1946].

В Иране началась широкая клеветническая кампания с целью поссорить курдский и азербайджанский народы. Их руководство обвиняли в сепаратизме и намерении отделиться от Ирана. Иранское правительство заявило о своем намерении урегулировать «азербайджанский вопрос» и начать социально-экономические реформы в этой части страны. Оно ввело в Иранский Азербайджан правительственные войска с целью подавить демократическое движение сначала в Азербайджане, а затем и в Курдистане. Начались кровопролитные бои. В Курдистане было сосредоточено около 20 различных батальонов [168, 23.07.1945]. При этом иранская реакция использовала и курдские вооруженные отряды — из представителей племен, враждебно настроенных к курдскому демократическому движению. По сообщениям иранской газеты «Рахбар», такие отряды были образованы, в частности, из племен, базировавшихся в окрестностях г. Керманшаха (во главе с Аббасом Кобадьяном и Эмиром Эстешами они совершали террористические акции против курдских демократов в Шахабаде, Керенде и Махидеште) [168, 10.10.1946].

29 ноября 1946 г. газета «Рахбар» опубликовала письмо Кази Мохаммеда, направленное в адрес Кавама-ос-Салтане, в котором отмечалось, что «полковник иранской армии Пезешкьян по указанию безответственных инстанций из Тегерана подстрекает группу мехабадских курдов к выступлению против курдов-демократов. Другой полковник — Айром вызвал эту группу в Сердешт и, чтобы расчистить ей путь в этот город, напал на курдских демократов с отрядом в 400 человек, вооруженных пушками и танками». В заключение Кази

Мохаммед предупреждал премьера о возможности возникновения серьезных инцидентов [168, 29.11.1946].

Несмотря на это, в декабре 1946 г. террор властей иранской и местной реакции в Иранском Курдистане еще более усилился. Иранские власти начали жестокую расправу над курдскими демократами. Среди многих повешенных оказался и член ДПИК Сеид Ахмед, ложно обвиненный в убийстве. Через 10 дней после расправы с ним был найден настоящий преступник [158а, 02.07.1946].

Для борьбы с курдским демократическим движением в курдские районы из Исфахана, Белуджистана и южных частей страны были направлены дополнительные силы иранской армии⁹ [158а, 13.12.1946].

В этих условиях среди курдских демократов началось размежевание. Часть их во главе с Кази Мохаммедом осталась в Мехабаде. Другая — вместе с вооруженными отрядами иракских курдов во главе с Мустафой Барзани — ушла в горы, откуда предприняла попытку начать переговоры с иранской администрацией. Однако непоколебимость позиции иранских властей, решительно выступивших за разгром Мехабадской республики, заставила Барзани оставить эти попытки. Иранские войска заняли г. Негаде, Барзани со своими отрядами ушел к ирано-иракской границе, откуда вел успешные операции против частей иранской армии.

Несмотря на сопротивление курдов, натиск правительственных сил все-таки сломил их. Иранская армия приступила к разоружению сторонников республики. Лишь тем, кто переходил на сторону Тегерана, разрешалось ношение оружия. Затем центральное правительство приступило к террору в отношении курдов. Было расстреляно около 15 патриотов. Кази Мохаммед, президент республики, его брат Садр Кази и двоюродный брат Сейф Кази, министр обороны Мехабадской республики, были повешены по приговору военно-полевого суда 30 марта 1947 г.¹⁰

Национально-демократическое движение курдов Северо-Западного Ирана 1945—1946 гг., поднятое и возглавленное Демократической партией Иранского Курдистана, имело прогрессивное значение. Созданное этой партией правительство Мехабадской республики явилось наряду с национально-демократическим правительством Иранского Азербайджана одним из опорных пунктов общеиранского демократического движения в его борь-

бе с иранской реакцией и силами международного империализма. Поэтому ДПИК и руководимое ею национально-демократическое движение пользовались значительной симпатией и поддержкой в международных и иранских прогрессивных кругах.

Однако недостаточная монолитность ДПИК, неспособность преодолеть имеющиеся в ней противоречия, стремление примирить в одной партии и прогрессивные и реакционные силы курдского общества обусловили непрочность ее позиций. ДПИК сумела мобилизовать широкие массы курдского народа на борьбу как с местной, так и с международной реакцией.

Само руководство партии стало постепенно осознавать, что ему не удастся приобрести достаточно прочной опоры в широких слоях курдов, сплотить их вокруг себя, в то время как широкие круги курдской общест-венности, начиная пробуждаться, стали требовать от партии не только декларации и красивых фраз, но и реальных действий по демократизации общественной жизни. Перейти же к этим действиям ДПИК не могла, опасаясь настроить против себя феодальную и родо-племенную верхушку. Желая сохранить за собой руко-водящую роль в нарастающем курдском национально-демократическом движении, руководство ДПИК приняло решение усилить блок с Азербайджанской демократи-ческой партией. Это усилило влияние партии в курдских районах Северо-Западного Ирана, но ослабило ее начи-навшие укрепляться связи с центральным иранским правительством. ДПИК превратилась в весьма важный с точки зрения национально-освободительной борьбы фактор, поскольку Мехабадская республика стратегиче-ски прикрывала Иранский Азербайджан с юго-запада от военного натиска на него центрального правительства.

Когда азербайджанские демократы заявили о решительной борьбе с иранской реакцией и с попытками ввести в Иранский Азербайджан войска, курдские демократы заявили о своей солидарности с азербайджанскими демократами и о поддержке борьбы азербайджанцев против Кавама-ос-Салтане. Курдские воору-женные формирования прочно защищали правый фланг Иранского Азербайджана. Однако, когда демо-кратические силы азербайджанцев капитулировали пе-ред войсками центрального правительства и регулярные воинские части заняли г. Резайе, дальнейшее сопротив-ление курдских войск оказалось невозможным.

В это же время начался массовый отход от ДПИК феодальных элементов, игравших до того времени ведущую роль в партии. Они не хотели порывать с помещичье-буржуазными кругами Ирана, поскольку были связаны с ними торгово-экономическими связями. Поэтому на вооруженную защиту курдского национально-демократического движения встали в основном немногочисленные группы трудящихся курдов, а также большинство барзанцев. Курдские партизаны и вооруженные формирования отступили в недоступные для иранских войск горные районы к западу от Ушну (Резайе) и Мехабада. Иранские воинские части, не встречая сопротивления, вступили в Мехабад и оккупировали всю равнинную часть бывшей Мехабадской республики. Там снова была введена иранская администрация.

Руководитель ДПИК Кази Мохаммед, желая предотвратить возможную массовую кровавую расправу над курдами, добровольно вышел навстречу иранским войскам, заявив о поддержке курдскими демократами целостности и независимости Ирана и о верности правительству Кавама-ос-Салтане. Это действительно предотвратило кровавые события, но стоило ему жизни.

На этом, однако, борьба прогрессивных сил Северо-Западного Ирана не прекратилась. Вооруженные отряды ушли в горы продолжать борьбу с иранской реакцией.

Демократические круги Иранского Курдистана сумели избежать и полного и политического разгрома. Иранская военщина не могла уничтожить всех участников движения. Опыт политической борьбы 40-х годов учил их извлекать уроки из своих тактических и политических ошибок, за которые многие заплатились жизнью.

В целом годы второй мировой войны характеризовались дальнейшим подъемом курдского национального движения, которое схватило широкие массы курдского общества, включавшие и представителей господствующих классов, и рядовых курдов-кочевников, крестьян и рабочих. Принимая участие в курдском национальном движении, консервативные круги, пользуясь поддержкой международной и местной реакции, стремились сохранить свое былое ведущее значение в политической жизни народа. Их требования уже не соответствовали изменившимся социально-экономическим условиям, в которых развивалось курдское движение. Поэтому они направили усилия на борьбу с демократическими тенденциями курдского национального движения, а также

на раздувание раздоров среди курдских племен¹¹, на мятежи и вооруженные стычки, которые способствовали общей дестабилизации политического положения в Иранском Курдистане. Эти действия были нацелены на то, чтобы сорвать образование единого фронта курдского национального движения, ослабить блок демократических и прогрессивных сил Ирана, усилить вмешательство английской и прочей иностранной агентуры во внутреннюю жизнь курдских районов страны.

На другом полюсе курдского национального движения одновременно происходила группировка прогрессивных демократических элементов, стремящихся к подлинному освобождению своего угнетенного народа. Добиться осуществления национальных чаяний курдов эти прогрессивные круги считали возможным лишь путем союза со всеми демократическими силами страны и последовательной борьбы с местной и международной реакцией.

Этот тяжелый и болезненный процесс постепенной поляризации общественных сил курдского национального движения происходил на сложном фоне второй мировой войны и ее конкретного преломления в странах Среднего Востока, в частности в Иране.

* * *

Создание Мехабадской республики — важный этап курдского национально-демократического движения в Иранском Курдистане. Ее ошибки и уроки проанализированы как непосредственными участниками курдского движения, так и зарубежными специалистами.

Американец А. Рузвельт, находившийся во время курдского движения 1945—1946 гг. в районе Мехабада, писал в 1946 г.: «Образование и содержание маленькой Курдской республики, ее короткая и бурная история, неожиданное прекращение ее существования составляют самые блестящие события современной истории Среднего Востока» [150, с. 135].

Анализируя события того времени, высокую политическую оценку движению дают современные деятели курдского движения. А. Касемлу, например, писал в 1965 г., что «это было национальное и демократическое движение в истории Курдистана. Оно было направлено против национального угнетения, за национальное освобождение всего курдского народа» [150, с. 122].

Уроки Мехабадской республики обсудил III съезд ДПИК, состоявшийся в сентябре 1973 г. На съезде подчеркивались важные пункты программы ДПИК, принятой в 1945 г.: стремление курдского народа управлять своими делами и пользоваться правом автономии в рамках Ирана; организация системы образования на курдском языке; выборы на основе Конституции страны представителей районов Курдистана для участия в административных органах и учреждениях страны; установление единства, солидарности и братских отношений с народом Азербайджана и другими национальными меньшинствами, проживающими на территории провинции Западный Азербайджан; улучшение условий развития экономики, сельского хозяйства и торговли, культуры, улучшение бытовых и социальных условий; свобода политической деятельности всех народов Ирана. Съезд подчеркнул, что Мехабадской республике удалось сбросить реакционную власть, осуществить культурную автономию.

Съезд отметил важное значение деятельности ДПИК в организации «национального фронта» всех прогрессивных партий Ирана в борьбе за демократию и прогресс. Были проанализированы также причины падения республики. Главная из них, по мнению съезда, состояла в «слабости партии, в направлении общего руководства и руководства национального правительства». «Эта слабость,— отметил съезд,— задела все стороны работы партии — политическую и идеологическую». Самым слабым звеном оказалось отсутствие политически грамотных и способных кадров, «имеющих высокий уровень политической сознательности и руководящихся настоящей научной теорией для ведения борьбы, способных вести и организовывать массы» [132, с. 18].

Правительство не сумело охватить своим влиянием все районы расселения курдов. Только одна четвертая часть Иранского Курдистана находилась в составе Мехабадской республики, в то время как районы Керманшаха и Сенендеджа остались в руках центрального правительства. Это способствовало созданию военной, политической и экономической блокады республики центральным правительством Ирана и использованию северных районов Курдистана как базы для подавления курдского национально-демократического движения.

Съезд справедливо отметил то, что курдские демократы не смогли привлечь в руководящие органы пар-

тии и республики наиболее прогрессивных и сознательных борцов. В результате «множество оппортунистов и карьеристов проскользнули на важные посты правительства республики, что имело пагубные последствия» [132, с. 19].

Важным фактором поражения Мехабадской республики, отметил III съезд ДПИК, было отсутствие единства и солидарности в практической деятельности между демократическими силами Ирана, а также взаимопонимания между курдскими и азербайджанскими демократами. В результате иранской реакции удалось усилить размежевание прогрессивных демократических сил в Западном и Северо-Западном Иране и по отдельности разгромить их.

Съезд признал, что ДПИК не проявляла тактической гибкости, в результате чего потеряла многих своих борцов. В числе других ошибок было отмечено и то, что партия не привлекала на свою сторону широкие крестьянские массы.

И тем не менее уроки Мехабадской республики имеют важное значение для развития курдского национально-демократического движения на современном этапе.

В рассматриваемый период в социально-экономическом развитии Иранского Курдистана произошли сдвиги, отразившие вступление курдских районов Ирана, его аграрной окраины, в стадию капиталистической трансформации. Эти сдвиги в целом проявлялись в интенсификации процессов разложения традиционных (докапиталистических) форм хозяйства и общественных отношений, развитии товарно-денежных отношений, росте мелкотоварного производства, в развитии современной инфраструктуры и т. п.

Позитивные перемены в Иранском Курдистане намного уступали аналогичным изменениям в других провинциях Ирана, в том числе и в районах расселения крупных национальных меньшинств. Это отчетливо проявлялось в сравнительно слабом развитии промышленного производства в Иранском Курдистане, специализирующемся главным образом на животноводстве и растениеводстве при преобладании полунатурального и натурального хозяйства, которые покоились на применении традиционных методов труда. Кустарные формы производства сохраняли весомые позиции и в обрабатывающей и добывающей промышленности. Такая же в принципе ситуация прослеживалась и в других областях материального производства, а также в других сферах экономической инфраструктуры.

Замедленное развитие товарно-денежных и капиталистических отношений в Иранском Курдистане получило прямое отражение в том, что в его сельскохозяйственных районах (особенно в зоне расселения кочевых и полукочевых племен, где патриархальные, родовые и феодальные связи отличались высокой устойчивостью) еще преобладали слои докапиталистического общества, серьезным влиянием пользовались представители традиционной элиты. Эти слои занимали значительное место и в городах Иранского Курдистана, где капиталистическое предпринимательство было представлено преимущественно низшими формами. Процесс формирования

курдской буржуазии только еще начался. Пролетариат, занятый на отдельных промышленных предприятиях полукустарного типа и в других сферах экономической деятельности, находился практически на стадии зарождения.

В результате в конце рассматриваемого периода процесс капиталистической социально-экономической трансформации Иранского Курдистана в целом фактически еще не перешел начальной стадии. Основными носителями этого процесса в курдских районах Ирана выступали различные прослойки феодальных и полуфеодальных кругов и мелкой буржуазии, которые не желали оставлять преобладающих позиций в курдском обществе и все болезненнее воспринимали дискриминационные акции центрального правительства. Вместе с тем в Иранском Курдистане назревало недовольство широких слоев населения, материальное положение которых к 40-м годам, не претерпев сколько-нибудь значительных изменений, оставалось очень тяжелым.

Происходившие в Иранском Курдистане социально-экономические сдвиги послужили основой формирования в провинции предпосылок для роста национального движения, усиления в нем буржуазно-демократических тенденций и в известной степени (учитывая распространение в курдских районах прогрессивных идей) революционно-демократических настроений. Здесь следует подчеркнуть, что национальное и демократическое движение в Иранском Курдистане по масштабам и радикальности требований (особенно в 40-е годы) в заметной степени превосходило уровень, какой можно было бы ожидать исходя из весьма низких показателей социально-экономического развития региона. Это было прямым следствием влияния борьбы курдов в других частях Курдистана, а также разгрома Советским Союзом и другими антифашистскими силами фашизма.

Вместе с тем надо отметить, что особенности социально-экономической эволюции, слабое развитие процессов классовобразования, сохранение серьезного влияния в общественной жизни Иранского Курдистана патриархальных, родовых и феодальных связей и т. п. во многом предопределили сложный и в немалой степени противоречивый характер национального и демократического движения в курдских районах.

Уже в конце второго десятилетия XX в. идея административной и культурной автономии охватила все

слои курдского общества. Особенно активный и качественно новый характер национальное и демократическое движение в Иранском Курдистане приобрело в первые годы после второй мировой войны. При этом следует отметить, что в рамках национально-демократического движения здесь зачастую выступали разнородные социальные прослойки и политические группировки, что в заметной степени предопределило неустойчивость и непоследовательность национального движения, его уязвимость для происков различных внешних империалистических сил и внутренних реакционных кругов, облегчая борьбу с ним центрального правительства.

Курдское движение отличалось многообразием участвовавших в нем социальных сил. Среди них были мелкая буржуазия города и деревни, полупролетарские слои и городские пауперы, представители феодально-трибалистских верхов, помещиков, суннитского духовенства, национально-патриотическая и левая интеллигенция, рабочие и крестьяне. Многообразие социальных сил, участвовавших в движении, порождало многообразие политических течений внутри этого движения, среди которых преобладающее место занимали буржуазно-националистические и буржуазно-демократические.

Социально-экономическая отсталость Иранского Курдистана, широкое распространение традиционных (докапиталистических) отношений, особенно в зоне расселения кочевых и полукочевых племен, низкий удельный вес городского населения, сохранявшего к тому же весьма тесные связи с деревней, послужили причиной того, что в общем потоке национального движения курдов в начале 20—30-х годов значительное место занимали племенной партикуляризм или консервативное течение, возглавлявшееся представителями традиционной элиты и прежде всего родовой знати. Традиционная элита, постепенно приобщавшаяся к предпринимательской деятельности, а тем самым в известной мере менявшая свое социальное лицо, по-прежнему проявляла заинтересованность не столько в получении автономии, сколько в захвате и сохранении доминирующего положения в административном аппарате курдских районов Ирана.

К 40-м годам волна курдских восстаний в Иранском Курдистане затихает. Курдское движение, хотя и значительно окрепшее в эти годы, оказывается в конечном счете разбитым и подавленным. В 30-е годы все больше

стало проявляться стремление иранской реакции подчинить курдское движение своей шовинистической великодержавной политике. Представители этих кругов пытались привлечь на свою сторону правые элементы руководства курдского движения, сделать их своим союзником и помощником в осуществлении планов подавления демократического движения в стране.

Отсутствие строго организационного начала курдского движения в указанный период, низкий уровень классового самосознания его участников не позволили выдвинуть сколько-нибудь реальные требования курдов с целью решения курдского вопроса в рамках Ирана. Вместе с тем усиление деятельности германской агентуры в Иране, а в дальнейшем вторая мировая война и победа СССР в войне с фашистской Германией имели серьезное значение в развитии курдского вопроса в Иране.

Период второй мировой войны и первые годы после ее окончания явились новым этапом развития курдского движения в Иране. В эти годы меняется общественно-политическая обстановка в стране в целом, связанная с отречением Реза-шаха от престола в пользу своего сына Мохаммеда Реза Пехлеви в условиях вступления в страну советских и английских войск в целях пресечения подрывной деятельности в Иране фашистской агентуры (см. [16]). Введение английских войск означало, по существу, оживление английской агентурной деятельности в Иране, а в дальнейшем и американского империализма. Оживилась антиправительственная деятельность вождей племен, подняли голову и заявили о своих политических правах полуфеодалы-помещики и крупное купечество, лишенные Реза-шахом прямого политического господства [15, с. 104].

Несмотря на изменение фигуры на шахском престоле, правительственная политика в отношении курдов в эти годы существенно не изменилась.

Возникновение в октябре 1941 г. Народной партии Ирана (НПИ), активизация профсоюзов и создание в 1944 г. Центрального объединенного совета профсоюзов Ирана способствовали усилению участия и курдского населения в общественной и политической жизни страны. Лозунги НПИ, направленные на демократизацию и укрепление национальной независимости страны, пользовались популярностью и у прогрессивной части курдского национального движения, признаки оживления

которого особенно проявились в связи с победой антигитлеровской коалиции над фашистской Германией.

На этом этапе руководители курдского движения понимали необходимость прогрессивных социально-экономических и культурных преобразований, конструктивного решения аграрного вопроса.

Наивысшей точкой подъема курдского движения явилось создание в 1946 г. в Мехабаде Курдской республики. Особо важную роль в ее организации сыграла Демократическая партия Иранского Курдистана. Несмотря на объективные и субъективные ошибки лидеров и участников курдского движения, оно не было стихийным, а готовилось всем предшествующим периодом борьбы курдов. Качественно новый этап курдского движения стал возможен благодаря проникновению в массы населения Ирана антиимпериалистических освободительных идей.

Становление курдского движения 1918—1947 гг. проходило в противоборстве различных идей и концепций (разнообразных оттенков буржуазного национализма). Сильное воздействие на курдских деятелей оказала общественная и политическая жизнь Советского Союза (революционные события, практика социального и культурного переустройства, победа над фашизмом). Все это способствовало процессу становления прогрессивной мысли в курдском обществе.

Вместе с тем большинство курдского населения в рассматриваемый период еще не было свободно от влияния добуржуазных идейных течений, содержание которых определялось защитой традиционных институтов и феодальных и полуфеодальных привилегий.

При оценке значения курдского движения в исследуемый период следует учитывать то обстоятельство, что в борьбе за преобладание на Ближнем Востоке империалистические державы в своей политике ориентировались на это движение. В свою очередь, нередко курдские руководители в надежде получить поддержку соглашались на любую помощь извне для достижения своих целей. Факт этот свидетельствует о политической слабости и незрелости лидеров курдского национального движения (в 20—30-е годы), не умевших подчас разобрататься в сложной международной обстановке. Вместе с тем империализм уже вынужден был считаться с этим движением, и это говорило о том, что оно начинало представлять собой реальную силу, которой нельзя было

пренебречь при осуществлении внешнеполитических комбинаций на Ближнем и Среднем Востоке.

Характерно также, что, хотя пропаганде и политической агентуре империалистических держав неоднократно удавалось направить курдское национальное движение по выгодному им руслу, им ни разу не удалось придать курдскому движению антисоветский характер.

Опыт освободительной борьбы курдов в исследуемый период изучается участниками национально-демократического движения на современном этапе. Так, А. Касемлу утверждает, что ДПИК старается не изменять принципам, которые были заложены основателями этой партии и организаторами Мехабадской республики [160, 19.06.1945].

Свидетельством того, что изучение условий возникновения курдской республики в Мехабаде не потеряло своего значения и сейчас, явилась публикация работы К. Хусами «Курдская Демократическая Республика или автономия?» [124], приуроченная к 40-й годовщине создания этой республики.

Несмотря на поражение, национально-освободительное движение в Иранском Курдистане имело важное значение в исторической судьбе курдов Ирана. Оно наглядно показало, что крестьянство, которое было главной движущей силой борьбы курдов, «боролось не только за национальное освобождение, но и против феодально-помещичьего засилья, за перестройку аграрных отношений, за землю» [116, с. 47]. При этом вопросом первостепенной важности являлся вопрос о сближении, сплочении и союзе всех курдских трудящихся. Этот вопрос не потерял своей актуальности и сейчас. Решение курдского вопроса в Иране в значительной степени зависит от того, удастся ли прогрессивным, подлинно демократическим силам курдского современного движения создать единый народный фронт борьбы совместно с левыми силами Ирана во имя твердого антиимпериалистического курса и коренных социально-экономических преобразований в интересах широких слоев трудящихся масс страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ Иногда курдов отождествляют с бахтиарами, проживающими на юго-западе Ирана, в районах, граничащих с местами расселения курдов (Эхсан Нури, Ш. Битлиси). Средневековые географы нередко употребляли слово «курд» (мн. ч. «акрад») как синоним понятия «кочевник». Арабские географы называли «курдами Табаристана» кочевников дайламитов, переселившихся в X в. в Хузестан с побережья Каспийского моря, и даже хузестанских арабов они именовали «курдами Шуристана».

В персидских исторических хрониках слово «курд» употребляется для обозначения всех кочевых племен иранского происхождения, говорящих на родственных иранских языках. О иранских племенах Фарса Истахри писал: «Курдские роды так многочисленны, что их не сосчитать. ...Они рассыпаны по всему Фарсу и говорят, что их больше 500 тыс. шатров. Зимой и летом они отыскивают пастбища по способу бедуинов». Курдами называли всех кочевников Кермана, Хорасана и центральных областей Ирана. Даже в «Тарих-и Надри», историчные XVIII в., под именем «курды бахтиарские» фигурируют бахтиары (см. [41]).

В действительности курды и бахтиары — два различных этноса, не сходные ни по языку, ни по быту, ни по физическому типу.

Глава 1

¹ В древности курдские племена населяли территории, соответствующие следующим провинциям современного Ирана: Хорасан, Западный Азербайджан, Гилян, Белуджистан, а также районы граничивших друг с другом сасанидского Ирана и Византии. Эти территории — примыкавшие к Месопотамской низменности нагорья, — издревле населенные кочевыми племенами, носили название «страна Карда». Впоследствии, в эпоху Ахеменидов и Сасанидов, для охраны границ в приграничные западные районы Иранской империи переселялись иранские кочевые племена из Средней Азии и Северо-Западной Индии, а также арабские племена из Месопотамии [91].

² В провинциях Маку и Хой курдское население составляло лишь 9—10%. Курды Макинской провинции делились на два больших племени — джелал и милан — и четыре мелких — гейраланлы, хозои, гульки, бруки. Первых насчитывалось 9965 душ, вторых — 5565 душ [102, с. 65]. В Хойской провинции курды проживали только в Котурском районе. Численность их составляла 3 тыс. душ (600 дымов). Среди курдов грамотных насчитывались единицы.

Макинские курды вели кочевой образ жизни. Совмещения скотоводства и земледелия не знали. В своих руках они сосредоточили значительное число мелкого и крупного скота.

Богатейшим племенем было джелали. На каждую душу в этом племени приходилось 14 голов овец и около 2 голов крупного рогатого скота. В племенц милан на душу приходилось 11 голов овец и 1 крупного рогатого скота, зато у милан было больше верблюдов.

³ Урмийский район состоял из уездов Сомай-Брадост, Энзель, Тергавер, Дешт, Мергавер, Ушнуе, Навлу-чай, Урмия, Барандуз-чай, Дештебиль и Дол. Курды в этом районе составляли 39%.

⁴ Племенной союз сенджаби представлял собой конгломерат многочисленных племен. Сюда примыкали курды, прибывшие из Ирака (далиян, суфи, хесроу, али-вали, куль-куль, кака, назке), перекочевавшие в 1730—1740 гг. из Фарса (бахтиарский род чалави, аббавенд, довтыленд, махирилак, дархор), а также из Луристана (семеневед, бахи, хейравенд) и т. д. По оценкам на 1915 г., сенджаби насчитывали 3 тыс. семейств [93, с. 113].

⁵ Существуют две курдские версии о переселении курдов в пределы Хорасана.

Согласно первой, они были переселены Тимуром из Сирии в Хорезм и Бухару как беспокойный элемент. После смерти Тимура, воспользовавшись раздорами его сыновей, курды решили вернуться в родные места, и часть их, найдя районы Дерезега—Кучана—Борджурда пригодными для скотоводства, осталась в пределах Хорасана.

По другой версии, в эпоху шаха Исмаила Сефевиды курды, числом около 30 тыс. дымов, были переселены в Борджурд—Кучан—Дерезега для защиты границ от туркмен. После переселения курдов в эти районы они стали переходить на оседлость. Этому процессу, с одной стороны, способствовало наличие свободных земель и воды, а с другой — по-видимому, то обстоятельство, что соседство с туркменами ограничивало им возможности для введения кочевого скотоводческого хозяйства.

⁶ Дерезега представлял собой ряд глубоких орошаемых котловин или долин, окруженных горами. Хорошая орошаемость долин позволяла возделывать здесь хлопок, пшеницу, опийный мак, табак и другие культуры. На плоскогорных возвышенностях сеяли пшеницу и ячмень. Наличие пастбищ благоприятствовало разведению скота. Однако скотоводством местные жители не занимались, сдавая пастбища скотоводам близлежащих районов.

⁷ Келат получил известность в эпоху Надир-шаха, оценившего это естественное укрепление. Он сделал его своей резиденцией и местом хранения сокровищ. В 20-е годы Келат служил местом ссылки общественно-политических деятелей Ирана. Главный город этого района — Мамедабад — насчитывал около 4800 жителей. В нем было три хлопкоочистительных заводов, одна школа, до 300 лавок.

⁸ О. Л. Вильчевский отмечал, что племена мукри в Иранском Курдистане насчитывали 300—400 человек. На площади 15 тыс. кв. км плотность населения этого района составляла 20—25 человек на 1 кв. км. Численность городского населения он оценивал в 50—60 тыс. (15% всего населения). Из числа сельских жителей 150—200 тыс. были оседлыми и 100—140 тыс. человек — кочевниками [42, с. 189].

⁹ Например, по данным на 1928 г. НКВД, курдское население Дерезегазского района составляло 8472 человека. Самую многочисленную группу Дерезега представляли крестьяне. Затем шли торговцы, ремесленники-кустарни. Занятых же на производстве рабочих

было немного. Курды Келата занимались преимущественно скотоводством [102, с. 16].

¹⁰ Численность отдельных племен оценивалась различными специалистами по-разному. У. Иглетон, например, считал, что курды племени джелали насчитывали 25 тыс., шеккак — 40 тыс., харки — 20 тыс., миланы — 10 тыс. человек [134, с. 17].

Американская исследовательница М. Кан отмечала, что племена иранских курдов (60) насчитывали от 500 до 3 тыс. семей в каждом. Численность племени харки оценивалась ею в 30 тыс. человек (в Иране и Ираке) [143, с. 48].

Советские источники 30-х годов указывают, что курдское население состояло из следующих племен: харки (2000 человек), бекзаде (150), шеккак (5000), зерза (200), мамаш (300). Кроме того, было около 20—21 тыс. неплеменных курдов [102, с. 74]. Общая численность населения провинций достигала в 1928 г. 40 тыс. семейств, или 200 тыс. человек [102, с. 4].

¹¹ Когда территории, населенные курдами, вошли в состав иранского государства, шиитское руководство Ирана прилагало все усилия, чтобы утвердить свое влияние в Курдистане, используя в числе прочих средств и религию, а именно ислам шиитского толка, ставший впоследствии официальной религиозной доктриной Иранского государства.

¹² Вейсаназар — могила суннитского святого, находится недалеко от Керманшаха [25, с. 250].

¹³ Райят (ед. ч. — райя) — курдское крестьянство. Истощенные непрерывными войнами, многие курдские племена лишались своей военной и экономической мощи, распались, превращаясь в райят. Часто в положении зависимых оказывались целые племена.

¹⁴ 1 джериб = 1 десятина, или 1,0925 га.

¹⁵ Мусульманская каноническая десятина распределялась таким образом: $\frac{1}{3}$ — на содержание мечети, $\frac{1}{3}$ — мулле, $\frac{1}{3}$ — помощь беднякам [32, т. 8, с. 138].

¹⁶ В районах расселения курдов провинции Хорасан объединялись 12—15 палаток кочующих курдов.

¹⁷ Характеристику развития сельского хозяйства и промышленности Дерезега и Келата см. [102, с. 20—26].

¹⁸ В Северо-Западном Иране все отчетливее различались бедняцкие, середняцкие и зажиточные семьи. Средняки составляли в Керманшахском районе около 50%, собственники до 100 голов мелкого скота — около 10%, от 500 голов мелкого скота — 5% и 500—1000 голов — 2%. Из бедняков (30% населения) 10% принадлежали к батракам. К ним относились и 3% «пролетаризованных членов племен, уже отходивших от родового быта» [106, с. 171].

¹⁹ Серьезным ударом по феодальному сепаратизму явилась ликвидация полунезависимого Макинского ханства, население которого, пострадавшее от гнета ханов, вначале сочувственно отнеслось к приходу войск [106, с. 62]. После длительного сопротивления бежал в Ирак (1924 г.) и Сердар Али Кальхор, могущественный правитель керманшахских курдов [106, с. 67].

²⁰ Хозяйственные связи курдов с купечеством и рынком выражались: 1) в продаже купцам шерсти, под которую курды получают аванс, выдаваемый одновременно с заключением сделки; 2) в покупке у крестьян зерна; 3) в покупке на рынке, обычно в близлежащих селениях, мануфактуры, керосина и прочих промышленных товаров; 4) в продаже скота и шерсти, обычно через посредников [102, с. 73].

²¹ Арабским термином «аширет» в узком смысле именуется воен-

ная дружина главы племени. Несколько племен объединялись в военный союз. Он обязывался за ряд льгот и привилегий со стороны центральной власти выступать для защиты вверенного ему района военную дружину — «аширет» во главе с вождем племени или союза племен. Этот предводитель племен являлся одновременно уполномоченным центральной власти в пределах своего района [42, с. 190].

²² Сельское хозяйство района базируется на кыргызной системе и использовании вод р. Атрек, а на нагорных участках засеваются богарные земли — дейме. Долины хорошо орошены и настолько плодородны, что обычно снабжают хлебом Мешхедский район, а в некоторые годы районы Сабзевера и Нишанпура. Вместе с тем большие свободные площади не используются в сельскохозяйственном производстве из-за отсутствия воды. Купцы-помещики скупают эти земли с целью их освоения и постепенно проводят работы по восстановлению старых, заброшенных кыризов и сооружению новых.

²³ Гуммидрагант (гуммигут) — продукт, получаемый из млечного сока некоторых видов деревьев из рода *Garcinia* (семейство зверобойных), относится к гуми-смолам и используется для изготовления спиртных лаков и желтой акварельной краски [32, т. 7, с. 449].

²⁴ В 1928 г. в Кучанской провинции было несколько оба.

В районе селения Фейзабад, северо-западнее Кучана, оба возглавлял старшина Хаджи Мамед из колена каванлу. Это оба объединяло восемь чадырей (палаток). Члены оба занимались скотоводством, владея до 800 баранов и 60 верблюдов. Земли совсем не имели. Рассматриваемый оба разделялся на пять дымов зажиточных курдов и три — малоимущих; из последних каждый владел не свыше 10—20 голов мелкого рогатого скота. Взрослые члены малоимущих семей занимались чупанами (пастухами) — пасти стада всего оба. Глава оба пользуется беспрекословным авторитетом, разрешает возникающие конфликты. Бюджет оба складывался из сумм от реализации продуктов скотоводства [102, с. 8—9].

Другое оба, возглавляемое старшиной Ходабахшем из колена хезанлу, насчитывало только пять чадырей, но по количеству скота должно быть отнесено к категории весьма зажиточных кочевий. Это оба имело два стада, в которых было 1000 голов мелкого рогатого скота и 50—60 верблюдов, и содержало четырех чупанов для присмотра за мелким скотом и двух — для ухода за верблюдами. Чистый годовой доход каждого чадыря составлял около 350 туманов.

Оба во главе с Хаджи Мамедом, располагая денежными излишками, приобрело небольшой участок земли, на котором работал райят, и выступало по отношению к последнему на положении арбаба. Курд-райя обрабатывает землю оба из половинной доли урожая, если он владеет рабочими быками. В противном случае $\frac{3}{4}$ урожая поступает владельцу земли — оба и только $\frac{1}{4}$ — райяту, работающему на земле. Семена дает оба и во время молотбы вычитывает их из общего урожая.

Покупка земли для оба имеет второстепенное значение. В неблагоприятное для ведения скотоводства время (падеж скота) курды считали целесообразным иметь хотя бы немного своего хлеба. В этом оба пастухов нанимали не из членов оба, а из оседлых курдов.

Курды-кочевники обычно более зажиточны, чем оседлые. Связи кочевой и оседлой части колен племен осуществлялись следующим образом. Спускаясь с гор в долины для следования на зимние пастбища, кочевники обычно на месяц, а то и больше задерживались в долинах. Спуск с гор приурочивался ко времени уборки урожая

и молотьбы хлеба в деревнях долин, где часть кочевых курдов имеет небольшие земельные участки, которые обрабатываются оседлыми курдами того же колена. Таким образом, пребывание весной и осенью в долинах для этой части кочевых курдов имеет большое значение: необходимо присмотреть за землей, произвести расчеты с райятом и запастись своим хлебом, а для той части кочевников, которые земли не имеют, пребывание у деревень оседлых курдов необходимо для обмена продуктов скотоводства на продукты земледелия (подробно см. [102, с. 8—9]).

²⁵ Внутри племен продолжала сохраняться форма родового правления, которую власти пытались приспособить к своим целям (утверждение главных вождей колен, военачальников и пр.). Вожди племен служат посредниками между племенами и властями (институт ильхани). Они решают все вопросы, возникающие во взаимоотношениях властей с курдами, независимо от их разнообразия. Помимо этих многочисленных функций институт ильхани выполняет роль органа, осуществляющего налоговые сборы с курдов [102, с. 72].

²⁶ Тот факт, что государственная власть проникла в Борджнурдское ханство лишь в 1925 г., определяет специфическое положение оседлого борджнурдского курда-крестьянина по сравнению с оседлыми курдами Кучана, куда влияние правительства проникло много раньше. Кроме имений сардара борджнурдского и его родственников другого сколько-нибудь значительного помещичьего землевладения в ханстве нет. Не менее 80% всего населения — хордемалеки, мелкие земельные собственники, и лишь около 25% — райя, сидящие на земле сардара или других владельцев деревень. Борджнурдский хордемалека по сравнению с кучанским собирал более высокий урожай и его благосостояние было выше (подробно см. [102, с. 12—13]).

²⁷ В исследуемый период процесс оседания хорасанских курдов не был завершен. В 1928 г. примерно 10—15% всех курдов зафаранду оставались кочевниками (от 3 до 4,5 тыс. дымов). Кочевники-курды отстаивали привычные им условия жизни. Тем более что их не прельщало тяжелое экономическое положение оседлых курдов хордемалеков или райя, еще усугубленное с проникновением в регион торгового капитала.

Глава 2

Во время первой мировой войны Иранский Курдистан был оккупирован турецкими вооруженными формированиями. Все офицеры этих формирований были курдами. Курдами являлись и многие чиновники и представители турецкой администрации в оккупированных районах. В их обязанность входило, в частности, проведение аграрной реформы. «Аграрная политика турок (в оккупированных районах.— О. Ж.),— писал В. Ф. Минорский,— направлена главным образом на подрыв той власти, которой землевладельцы пользовались при персах, и на эмансипацию крестьян („рейет“) с очевидной целью создать новый класс населения, для которого была бы противна мысль о возвращении к старым порядкам» [84, с. 3].

В этих районах было ослаблено влияние иранской администрации, и они управлялись самостоятельно, без вмешательства иранских властей. Однако оккупанты вели себя здесь как захватчики, нанося серьезный ущерб экономике края. Это способствовало тому, что в курдской среде зрели враждебные к ним настроения.

² Северо-Западный Иран был занят войсками генерала Чампай-

на. По данным газеты «Таймс», в Месопотамии и Северо-Западном Иране находилось около 90 тыс. английских солдат. Там же были сосредоточены и значительные военно-воздушные силы Англии (см. [58]).

³ Власти строго следили за тем, чтобы в национальных областях, сплошь населенных иперсами, все дела в учреждениях и судах велись на персидском языке. Запрещалось издавать газеты и книги на национальных языках, преподавание в школах разрешалось только на персидском языке. Иранское правительство старалось задушить всякое проявление национальной культуры, проводило насильственную персификацию национальных меньшинств [27, с. 54].

⁴ Территория Кучанской провинции простирается от Ахлемеда на север до границы с СССР и с запада на восток до Борджнурдского хокумета до Дерезега. Все это пространство заполнено горными системами Копет-Дага и проходящими вдоль границы с СССР и прилегающего к долине Атрека внутреннего хребта Ала-Дага, в южной своей части носящего название Биналут-Кух. Между этими горными хребтами расположены горные долины, поднимающиеся от Чинарана к Кучану и спускающиеся вниз к Ширвану и Знарету. В этих долинах главным образом и сосредоточено население провинции [102, с. 3].

⁵ Шейх Обейдулла — Орамарский шейх являлся общепризнанным духовным вождем всех курдов Северо-Восточной Турции и Северо-Западного Ирана [121, с. 108—135].

Идеи, выдвинутые шейхом Обейдуллой, интересовали и иранских курдов. Глава турецкого кабинета того времени отмечал, что «курдское движение родилось на персидской почве, и оно было вызвано безобразными злоупотреблениями, которые были допущены по отношению к курдам-суннитам, находящимся в Иране, со стороны шиитской администрации и войск шаха. Религиозный конфликт привел к акциям неслыханной жестокости, к насилиям, убийствам, грабежам. Обейдулла сделал все, чтобы подчинить это движение себе» [9, ф. Канцелярия МИД].

Централизаторская деятельность Тегерана нанесла тяжелый удар по курдскому движению. Но вместе с тем непосредственным результатом курдских освободительных движений XIX в., несмотря на их неудачу, было создание субъективных и объективных условий для успешной борьбы против иранского гнета, за национальную консолидацию курдов.

⁶ В годы первой мировой войны Исмаил-хан Симко, возглавивший движение курдов в Иране, выступил вместе с русскими отрядами против турок. После ухода русских войск Симко продолжал решительно выступать против турецких захватчиков и иранской реакции.

⁷ Мар-Шимун — духовный и светский глава ассирийцев-несториан Турции и Ирана (патриарх, принимавший при восшествии на престол имя Мар-Шимун — святой Симон). Патриарший сан переходил по традиции от Мар-Шимуна к первенцу следующего за ним по старшинству брата. Все ассирийские патриархи избираются из одного рода, с 1889 г. — из семьи Шагмир.

Встречу Симко с Мар-Шимуном подробно описали К. П. Матвеев и И. И. Мар-Юханна (см. [78, с. 68—70]).

⁸ Сеид Таха Исмаил Абд эль-Кадер — внук шейха Обейдуллы, который еще в 1880 г. пытался осуществить идею «независимого Курдистана».

⁹ Севрский мирный договор 1920 г. подписан 10.08.1920 г. султанским правительством Турции и союзными державами — победи-

тельницами в первой мировой войне. По этому договору от Турнии отделялся Курдистан, границы которого должны были быть определены англо-франко-итальянской комиссией [32, т. 23, с. 466].

¹⁰ Даже в современном Иранском Курдистане имеются отряды, борющиеся за автономию Курдистана в Иране, которые носят имя «Симко» или «отряд Симко».

¹¹ Курды Кучанской провинции подразделяются на несколько десятков колен, из которых наиболее значительны следующие.

Шейх-амирлу — самое влиятельное и многочисленное колено кучанских илханы (наследственных правителей ханства). Часть колена осела в районе Ширвана, другая — в районе Миланлу (между Ширваном и Миандоабом)

Миланлу осели неподалеку от Шейх-Амирлу, между Ширваном и Миандоабом. Среди них наибольшим влиянием пользовался также Мамед Ибрагим-хан.

Кухбейлу располагались к северу от Кучана. Влиятельные ханы — тот же Мамед Ибрагим-хан и его двоюродные братья.

Бичеранлу селились в районе Серхед, поблизости от Баджгирану. Влиятельный хан — Фараджулла Али-хан.

Кабаданлу занимали территорию восточнее Кучана. Влиятельный хан — Хабибулла-хан в селении Енги-Кала.

Сейфканлу — пограничное с СССР. Влиятельный хан — Мохаммед Хуссейн-хан в селении Огаз.

Варанлу — к северо-западу от Кучана, в селении Шафнабад

Кахраманлу. Влиятельный хан — Вали-хан.

Джафканлу — к северо-западу от Кучана, в долине Чембер-Гельбир.

Бадиллу. Влиятельный хан — Таж Мохаммед-хан.

Гупканлу — в районе Исфаранна. Начальник колена — Фархад-хан [102, с. 9].

¹² Англичане поддерживали сепаратизм ханов кочевых племен с целью усиления влияния английского империализма на внутренние дела Ирана. Их деятельность противоречила политике Реза-хана, который стремился ограничить влияние Англии в Иранском Курдистане.

¹³ Праздник «ложного эмира» («мир мирен» — «мир над миром») среди курдов племенного объединения мукри. Начинается он с избрания населением города эмира, который в течение трех дней обладает всей полнотой власти и совершает любые сумасбродства.

Когда-то этот праздник проходил очень занятно. Все курды приезжали на него одетые в доспехи, с длинными копьями в руках.

По свидетельству Ж. де Моргана и И. А. Орбели, это очень древний праздник. Аналогичные праздники встречаются в Турции и в ряде районов Закавказья [42, с. 204].

¹⁴ Группа «Голос курдов» действовала накануне второй мировой войны в Керкуке и Равандузе (Ирак). Она ставила перед собой культурно-просветительские цели, но вместе с тем не отказывалась от политической борьбы и зангивала, правда с большой осторожностью, то с прогерманскими, то с проанглийскими деятелями Ирака.

Глава 3

¹ Организация Ватан была создана в 1943 г. Сейдом Зия эд-Дияном. Она выдвигала требования «освобождения» от влияния европейской культуры, возврата к обязанности ношения женщинами

чадры и вообще возврата к «национальным традициям» и старокламским нормам жизни и быта. Спустя год организация изменила свое название на Эрадее Мелли (Национальная воля) и выступила с лозунгами борьбы против религиозных суеверий, за демократические преобразования и использование новейших достижений науки и техники (подробно см. [16, с. 107—108]).

² В газете «Шахбаз» 15 апреля 1946 г. сообщалось, что существует план создания под американским протекторатом «Великого Курдистана» с целью подготовки условий для захвата кавказской нефти и с целью овладения нефтеносными территориями Мосула, Керманшаха, Сулеймани и Диярбакыра. С этой же целью, говорилось в той же статье, американцы поощряют в Турции пантюркизм.

Газета резко протестовала против казни Мохаммеда Садра и Сейфа Кази, повешанных, по словам газеты, вопреки данному правительством слову [158а, 23.04.1947, с. 4].

³ Два крупных восстания иракских курдов Барзани имели место в 1943 и 1945 гг. В подготовке их приняли участие демократические силы, и проходили они под лозунгом восстановления ликвидированных иракским правительством прав курдского меньшинства в Ираке. Восстания вынудили иракское правительство подготовить специальный статут объединения всех курдских районов Ирака в одну автономную курдскую область, но, воспользовавшись тем, что восстания почти прекратились в результате происков реакционных сил, регент Ирака Абд эль-Иллах отказался санкционировать выдвинутый правительством законопроект об автономии Курдистана, и в курдских районах была введена арабская администрация.

⁴ Регулярная курдская гвардия была сформирована в Мехабاده и других городах Курдской республики. В организации регулярной курдской армии, в частности частей, предназначенных для охраны южной границы Мехабадской области от возможного вторжения туда иранской армии, принял участие М. Барзани, назначенный затем главнокомандующим курдскими вооруженными силами и получивший звание генерала.

⁵ До правления Реза-шаха мехабадцы вели активную торговлю с Россией. В 1912 г., например, из России было вывезено 12% всего мехабадского импорта, а в Россию ушло из Мехаблада 25% мехабадского экспорта. В городе существовало Российское вице-консульство. Многие мехабадские купцы бывали в России, соприкасались с русской культурой и даже давали своим детям образование в русских учебных заведениях. Антисоветская политика Реза-шаха искусственно прекратила эти связи Мехаблада с Россией [11, оп. 2].

В 1918 г. была предпринята попытка возобновления регулярной торговли между Средней Азией и Хорасаном. Правительство советского Туркестана направило в Иран специальную миссию, главой которой был назначен участник борьбы за советскую власть в Средней Азии Е. А. Бабушкин (см. [95]).

⁶ Летом 1945 г. в Ираке вспыхнуло второе барзанское восстание под предводительством Моллы Мустафы Барзани. План восстания сводился к тому, чтобы с самого начала стянуть все силы повстанцев на стыке иранской и турецкой границ с Ираком. По этому плану на первом этапе действия повстанцев должны были носить оборонительный характер, и лишь после подхода подкреплений от курдов Ирана и Ирака предполагалось перейти к расширению района восстания в глубь курдских районов Ирака, одновременно устанавливая связь с курдскими районами Ирана.

Повстанцы выступили с требованием восстановления в курдских

районах Ирака обещанной в 1943 г. иракским правительством автономии. Несмотря на значительный численный и технический перевес правительственных войск, повстанцам удалось прочно удерживать намеченную ими линию обороны вдоль шоссе Ревандуз — Мехабад и даже окружить вблизи этого шоссе крупную группировку противника. К этому времени к повстанцам стали поступать сведения об идущих к ним на помощь подкреплениях от курдов соседних племен. Ободренные успехом, повстанцы уже разработали план уничтожения окруженного отряда противника. Однако в это время разгорелась разногласия между старшим в роде барзанских шейхов Ахмедом и Моллой Мустафой, и шейх Ахмед ушел в Иран. За ним потянулись многие повстанцы. Силы последних вследствие этого сократились настолько, что они не смогли сдерживать дальше натиск правительственных войск до подхода ожидаемых подкреплений, и вскоре были вынуждены уйти на территорию Ирана. Таким образом, восстание барзанских курдов потерпело поражение из-за разногласий на родо-племенной почве.

⁷ Среди специалистов бытует мнение, что национальные движения 1945 г. в Азербайджане и Курдистане начались без учета некоторых необходимых элементов решения национального вопроса в условиях Ирана, в том числе без правильной оценки места национального вопроса в общедемократическом движении народов Ирана [28, с. 165].

⁸ Коммунистическая партия Ирана была создана в 1920 г. на основе социал-демократической партии Адалат, которая имела к этому времени свои организации в Тегеране, Тебризе, Мешхеде, Реште, Энзели, Зенджане, Ардебиле и других городах. 22—24 июня 1920 г. в Энзели состоялся съезд партии Адалат, принявший решение о переименовании партии в коммунистическую и утвердивший ее программу [60, с. 37].

В октябре 1941 г. образовалась Народная партия Ирана (НПИ), объединившая широкие демократические слои — рабочих, ремесленников, крестьян, демократическую интеллигенцию и другие прогрессивные элементы. Главными требованиями программы НПИ были: осуществление демократических свобод, укрепление независимости Ирана, установление дружественных отношений со всеми союзниками, принятие законов о труде и социальном страховании и др. [60, с. 96].

⁹ В Курдистане было сосредоточено всего около 20 различных батальонов [158а, 13.12.1946, с. 4].

¹⁰ Газета «Кейхан» передает, что в Резае было расстреляно 30 демократов. По сообщениям газеты «Атеш», в Меренде убито 50 и арестовано 85 демократов [158а, 23.12.1946].

¹¹ Правящие круги Ирана, заинтересованные в подавлении демократического движения в Курдистане и Азербайджане, способствовали деятельности вооруженных банд в этих районах. Местные власти создавали вооруженные банды для осуществления террористических актов против сторонников демократического движения в Иранском Азербайджане. В них участвовали и некоторые помещики. Так, помещики Казими и Совлати из Миандоабского района снабжали банды оружием, в селениях Аштарут и Кара-Агач банды возглавляли местные жандармы [158а, 08.12.1945].

1. Маркс К. Критика Готской программы.— Т. 19.
2. Маркс К. Капитал. Т. I.— Т. 23.
3. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке.— Т. 19.
4. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии.— Т. 21.
5. Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу.— Т. 23.
6. Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу.— Т. 24.
7. Ленин В. И. Пункт программы в области национальных отношений.— Т. 38.
8. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986.
9. Архив внешней политики России (АВПР). Ф. Национальный архив Индии.
 - № 147 История курдского освободительного движения в годы первой мировой войны. Обстановка в Курдистане. Октябрь 1920 г.
 - № 148. Курдское восстание 1925—1932 гг. 1925.
 - № 154. Курдские дела. 1920.
 - № 175. Протест персидского правительства против деятельности Симко и Таха в персидском Курдистане. Военные действия в Керманшахе. 1923.
 - № 221—224. Обстановка в Персии. 1924—1925.
 - № 247. Обстановка в Персии в 1922 г. Персидская серия. Ч. 29, 1922.
 - № 249. Обстановка в Персии в 1927 г. Персидская серия. Ч. 39, 1927.
 - № 252. Обстановка в Персии в 1931 г. Персидская серия. Ч. 43, 1931.
 - № 253. Ратификация Лозаннского 1923 г. договора.
 - № 266. Обстановка в Персии в 1924 г. Персидская серия. Ч. 35, 1924.
 - № 270. Обстановка в Персии в 1927 г. Ч. 40, 1927.
 - № 271. Обстановка в Персии в 1932 г.
 - № 294. Обстановка в Персии. Ч. 42, 1932.
 - № 339. Обстановка в Персии в 1934 г. 1934.
 - № 340. Обстановка в Персии в 1935 г. 1935.
 - № 363—365. Курдское восстание в Турции. Т. 6, 7. 1930—1931.
 - № 362. Курдское восстание в Турции. 1929.
- Фонд Канцелярия МИД. Константинополь. 1881. Оп. 470, д. 33, т. 1, № 18, л. 112 об.
10. Архив Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Ф. Архив востоковедов ИВАН СССР.
11. Архив Ленинградского отделения Института этнографии. Ф. 17.—

* Работы К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по 2-му изданию Сочинений, В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

- Олег Людвигович Вильчевский. Оп. 2. № 1, 6, 10, 12, 13, 14, 17, 28, 38.
12. *Абдуллаев (Вилаи) Миррагим Абдулали оглы*. Роль демократической печати в национально-освободительном движении в Иранском Азербайджане (1941—1946 гг.). Баку, 1975.
 13. *Абих Р.* Национальное и революционное движение в Персии.— *Новый Восток*. 1928, № 23—24; 1929, № 26—27.
 14. *Агаев С. Л.* Германский империализм в Иране. М., 1969.
 15. *Агаев С. Л.* Иран в период политического кризиса 1920—1925 гг. М., 1970.
 16. *Агаев С. Л.* Иран в прошлом и настоящем. М., 1981.
 17. *Агахи Н. М.* Распространение идей марксизма-ленинизма в Иране до второй мировой войны. Баку, 1964.
 18. *Алексеевков П.* Туркмено-курдское восстание. Таш., 1935.
 19. *Алентьева Н.* Борьба Реза-шаха за власть.— *Очерки новейшей истории*. М., 1951.
 20. *Алиев С. М.* Ахмед Кесрави Тебризи (1890—1946) как историк и общественный деятель (автореф. канд. дис.). М., 1961.
 21. *Алиев С. М.* Нефть и общественно-политическое развитие Ирана в XX в. М., 1985.
 22. *Амоев К. А.* Экономическое положение Иранского Курдистана (1946—1962 гг.). Баку, 1973.
 23. *Арабаджян А. Э.* Социально-экономические корни монархии Реза-шаха и реакционная сущность ее экономической политики. Автореф. канд. дис. М., 1952.
 24. *Аристова Т. Ф.* Курды Ирана. Автореф. канд. дис. М., 1953.
 25. *Аристова Т. Ф.* Очерк культуры и быта курдских крестьян Ирана.— *Переднеазиатский этнографический сборник*. I. М.—Л., 1958.
 26. *Асадулаев К.* Свержение династии Каджаров в Иране (1920—1925 гг.). Душ., 1966.
 27. *Атаев Х.* Национально-освободительное движение в Хорасане в 20-х годах XX в. Аш., 1962.
 28. *Бади Ш.* Средние городские слои. М., 1977.
 29. *Бартольд В. В.* Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903.
 30. *Бахрами Т.* Сельскохозяйственная география Ирана. Тегеран, 1957 (на перс. яз.).
 31. *Башикиров А.* Рабочее и профсоюзное движение в Иране. М., 1948.
 32. Большая Советская Энциклопедия. Изд. 3. Т. 8.
 33. *Брук С. И.* Этнический состав и размещение населения Передней Азии.— *Переднеазиатский этнографический сборник*. I.
 34. *Брутенц К. Н.* Современные национально-освободительные революции (некоторые вопросы теории). М., 1974.
 35. *Брутенц К. Н.* Освободившиеся страны в 70-е годы. М., 1979.
 36. Бюллетень прессы Среднего Востока, 1928, № 2.
 37. Бюллетень прессы Среднего Востока, 1929, № 1.
 38. Бюллетень прессы Среднего Востока, 1930, № 8—9.
 39. *Васильев К.* Причины и движущие силы курдских восстаний.— *Аграрные проблемы*. 1931, № 9—10.
 40. *Вильчевский О. Л.* К аграрным отношениям в Курдистане.— *Аграрные проблемы*. 1931, № 9—10.
 41. *Вильчевский О. Л.* Курды Северо-Западного Ирана. Тифлис, 1944.
 42. *Вильчевский О. Л.* Мукринские курды (этнографический очерк).— *Переднеазиатский этнографический сборник*. Т. I.

43. *Востров А.* Племена и племенная политика иранского правительства.— Материалы по национально-колониальным вопросам. 1936, № 34.
44. *Гази Р. Г.* Курдская демократическая партия — организатор и руководитель освободительного движения в Иранском Курдистане. Автореф. канд. дис. Баку, 1953.
45. *Гасратян М. А.* Политика турецких правящих кругов по отношению к курдскому населению (1924—1939).— Краткие сообщения ИНА АН СССР. Т. XXX. М., 1961.
46. Географический словарь Ирана. Т. IV и V. Тегеран, 1952 (на перс. яз.).
47. *Гореликов С. Г.* Иран. Экономико-географическая характеристика. М., 1961.
48. *Данешвар М.* Виденное и услышанное в Иране. Т. 2. Тегеран, 1950 (на перс. яз.).
49. Дело Джафар Султана и курдские «представители» в меджлисе.— Материалы по национально-колониальным проблемам. 1932. № 2.
50. *Демин А. И.* Современная иранская деревня. М., 1977.
51. *Дорошенко Е. А.* Зороастрийцы в Иране. М., 1982.
52. *Дорошенко Е. А.* Шиитское духовенство в современном Иране. М., 1985.
53. *Заариев Д. С.* Персия наших дней. Экономические очерки. Тифлис, 1931.
54. *Заариев Д. С.* Иран и мировой кризис. Тифлис, 1935.
55. Зарубежный Восток и современность. Т. 1. М., 1974.
56. *Иванов М. С.* Очерки истории Ирана. М., 1952.
57. *Иванов М. С.* Новейшая история Ирана. М., 1965.
58. *Иванова М. Н.* Национально-освободительное движение в Иране. М., 1961.
59. Идеология национально-освободительного движения в странах Зарубежного Востока (1917—1947 гг.). М., 1984.
60. Иран. Очерки новейшей истории. М., 1976.
61. *Ирандуст.* Классы и партии современной Персии.— Мировое хозяйство и мировая политика. 1926, № 2.
62. *Ирандуст.* Пути и этапы крестьянского движения в Персии.— За партию. Таш., 1927.
63. *Иранский.* Через военную диктатуру к национальному государству.— Новый Восток, 1924, кн. 5.
64. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958.
65. *Ияс А. И.* Поездка по северному персидскому Курдистану. Пг., 1915.
66. *К. В-ий.* Социально-политическая роль сектантства и дервишества в Курдистане.— Антирелигиозник. 1931, № 2.
67. *Камаль М. А.* Национально-освободительное движение в Иракском Курдистане. Баку, 1967.
68. *Карпов Н.* Экономика современной Персии. М., 1928.
69. *Ким Г. Ф.* От национального освобождения к социализму. Социально-политические аспекты современных национально-освободительных революций. М., 1982.
70. *Колпаков А. П.* Курды племени гуран.— Советская этнография. 1949, № 4.
71. Конференция 50 государств, учредителей ООН.— Советский Союз в ООН. Т. 1. М., 1965.
72. *Кулагина Л. М.* Экспансия английского империализма в Иране. М., 1982.

73. Курдоев К. К. Труды П. И. Лерха по курдоведению.— Очерки по истории русского востоковедения. Сб., IV, М., 1959.
- 73а. Курдское движение в новое и новейшее время. М., 1987.
74. Лазарев М. С. Курдистан и курдская проблема. М., 1964.
75. Лазарев М. С. Курдский вопрос (1891—1917 гг.). М., 1972.
76. Лерх П. Исследования об иранских курдах и северных халдеях. СПб., 1856.
77. Мамедназаров А. Курды Туркмени. Автореф. канд. дис. М., 1964.
78. Матвеев К. П. (Бар-Маттай), Мар-Юханна И. И. Ассирийский вопрос во время и после второй мировой войны. М., 1968.
79. Материалы по национально-колониальным вопросам. 1933, № 3/9.
80. Махмудов М. Х. Курдский народ. Краткий исторический очерк. Ер., 1959.
81. Меликов О. М. Установление диктатуры Реза-шаха в Иране. М., 1961.
82. Ментешавили А. М. Курды. М., 1984.
83. Милоградов П. В. Руководящая роль народной партии в борьбе народов Ирана за национальную независимость и демократию (1941—1949). М., 1955.
84. Минорский В. Ф. Курды. СПб., 1915.
85. Минорский В. Ф. Материалы для изучения персидской секты «Люди истины» или аля-иллахи. Ч. I. [Б. м., б. г.]
86. Мирошников Л. И. Английская экспансия в Иране (1914—1920). М., 1961.
87. Мукри М. Курдские племена. Кн. 1. Тегеран, 1954 (на перс. яз.).
88. Народы Передней Азии. М., 1957.
89. Насир-и Хусрау. Сафар-наме. Книга путешествия. М., 1933.
90. Наубахти А. Шиитские секты. М., 1972.
91. Никитин В. Курды. М., 1964.
92. Новый Восток. М., 1924.
93. Петров Г. М. Некоторые данные для характеристики курдов семджаби в Иране.— Советская этнография. 1952, № 1.
94. Полонская Л. Р., Вафа А. Х. Восток: идеи и идеологи (критика буржуазных концепций «третьего пути» развития). М., 1982.
95. Попов М. В. Миссия Е. А. Бабушкина в Иран. М., 1974.
96. Примаков Е. М. Восток после краха колониальной системы. М., 1982.
97. Рабизаде М. М. Развитие капиталистического предпринимательства в промышленности Ирана в 30-х годах XX в. Баку, 1970.
98. Развивающиеся страны. Экономический рост и социальный прогресс. Отв. ред. В. Л. Шейнис и А. Я. Эльянов. М., 1983.
99. Размара А. Военная география Ирана. Курдистан. 1933/34.
100. Рияхи И. Общая характеристика сахарной промышленности. Тегеран, 1959/60.
101. Русинов Л. Туркмены и курды северо-восточной Персии.— Березкин В. В. Гургенской долине. Таш., 1931.
102. Сборник консульских докладов. Северная Персия. М., 1932.
103. Сборник консульских докладов. Южная Персия. М., 1933.
104. Симония Н. А. Страны Востока: пути развития. М., 1975.
105. Смиллянская И. М. Социально-экономическая структура стран Ближнего Востока на рубеже нового времени. М., 1979.
106. Султанзаде А. Экономическое развитие Персии и английский империализм. М., 1930.
107. Табани Х. Исследование положения естественных и людских ре-

- сурсов Курдистана на примере Мукринского Курдистана. Тегериз, 1966/67.
108. *Таги Мусеви*. Тактика Народной партии Ирана в демократическом антиимпериалистическом движении трудящихся Ирана в 1941—1949 гг. Баку, 1960.
 109. *Газиева Ш. А.* Национально-освободительное движение в Азербайджане в 1917—1920 гг. Баку, 1956.
 110. *Газиева Ш. А.* Аграрные отношения в Иране в конце XIX — начале XX в. Баку, 1967.
 111. *Тардов В.* Основные черты производственных отношений у племен Персии. — Материалы по национально-колониальным проблемам. 1933, № 3.
 112. *Трубецкой В. В.* Бахтиары. М., 1966.
 113. *Трубецкой В. В.* Основные тенденции процесса перестройки традиционного кочевничества в современном Иране. — Иран. Экономика, история, историография, литература. М., 1976.
 114. *Трубецкой В. В.* К вопросу о влиянии буржуазных реформ 60-х — первой половины 70-х годов в Иране. — Национальные проблемы современности Востока. М., 1977.
 115. *Ульяновский Р. А.* Ленин о национальном освобождении народов Востока. — Революционный процесс на Востоке. — История и современность. М., 1982.
 116. *Ульяновский Р. А.* Победы и трудности национально-освободительной войны. М., 1985.
 117. *Фаризов И. О.* Место национально-освободительного движения курдов в борьбе народов Ближнего и Среднего Востока против империализма. Автореф. канд. дис. М., 1953.
 118. *Фаризов И. О.* Национальное движение курдов в Иране (1941—1945 гг.). — Труды московского Института востоковедения АН СССР. Вып. 7. М., 1953.
 119. *Фаризов И. О.* Вступительная статья к книге В. Никитина «Курды». М., 1954.
 120. *Фришман Л. С.* Изменения в аграрных отношениях Ирана в конце XIX — начале XX в. — Ученые записки Казахского государственного университета им. С. М. Кирова. Т. XXXIX. Вып. 5. А. — А., 1959.
 121. *Халфин Н. А.* Борьба за Курдистан. М., 1963.
 122. *Хоммадов Б.* Национально-освободительное движение курдов в 20-х годах XX в. — Известия Туркменской Академии наук. Вып. 5. Аш. 1975.
 123. *Хумен А.* Экономика сельского хозяйства. Т. 1. Земля. Тегеран, 1954/55.
 124. *Хусами.* Курдская демократическая республика или автономия? [Б. м.], 1985 (на перс. яз.).
 125. *Чурсин Г.* Известия Кавказского Историко-архивного института. Ч. II. Тифлис, 1925.
 126. *Шамиде А. И.* Рабочее и профсоюзное движение в Иране под руководством народной партии Ирана (1941—1946 гг.). Баку, 1958.
 127. *Anschütz Helga.* Kurdistan, seine wirtschaftlichen, sozialen und verkehrstehenschen Probleme. — Zeitschrift für Wirtschaftsgeographie. Bd. 10 (februar 1966).
 128. *Arfa H.* The Kurds. L., 1963.
 129. *Banani Amin.* The Modernization of Iran, 1921—1941. Stanford, 1961.

130. *Barth Frederik*. Principles of Social Organisation in Southern Kurdistan. Oslo, 1953.
131. *Benjamin Ch.* The Kurdish nonstate Nation.—Nonstate Nations in international Politics: Comparative System Analysis. N. Y., 1977.
132. Documents du III Congrès du Parti Démocratique du Kurdistan d'Iran. P., 1973.
133. *Driver G. R.* The Religion of the Kurds.—BSOS. 1922, vol. II, pt. 2.
134. *Eaghton W.* The Kurdish Republic in Mahabad. L., 1963.
135. *Edmonds C. J.* Kurds, Turks and Arabs. L., 1933.
136. *Edmonds C. J.* Some Developments in the Use of Latin Character for the Writing of Kurdish.—JRAS. 1933, July, pt III.
137. *Elphinston W. G.* Kurds and the Kurdish Question.—Royal Asian Journal. Vol. 35.
138. *Gavan S. S.* Kurdistan: Divided Nation of the Middle East. L., 1958.
139. Geographic der Unterdrückten. U. A. Jurgen Roth. Hamburg, 1978.
140. *Ghassemlou A.* Kurdistan and the Kurds. Prague, 1965.
141. *Hole F.* Pastorial Nomadism in Western Iran.—Explorations in Ethnoarchaeology. Albuquerque, 1978.
142. *Intow E. Burke.* Shahanshah: A Study of the Monarchy of Iran. Delhi, 1979.
143. *Kahn M.* Children of the Jinn. In Search of the Kurds and their Country. N. Y., 1980.
144. *Kinnane D.* The Kurds and Kurdistan. L.—N. Y., 1964.
145. *Klima O.* Les Kurdes.—Archiv Orientalni. Vol. 26. Praha, 1958.
146. *Krikavova A.* A Contribution to the Question of the Formation of the Kurdish Nation.—Archiv Orientalni, 1979.
147. *Lambton A. K. S.* Landlord and Peasant in Persia. L.—N. Y., 1953.
148. *Lejeune E.* Le Probleme Kurde, hier et aujourd'hui. Socialisme. Bruxelles, 1979, № 155.
149. *Minorsky V.* The Tribes of Western Iran.—JRAIGBI. 1945, Vol. 75, pt. 1—2.
150. People without a Country. L., 1979.
151. *Trubetskoy V. V.* Setting of Nomads in Iran. Moscow, 1964.
152. *Short Martin.* The Kurds. L., 1975.
153. *Vreeland G.* Iran. New Haven, 1957.
154. Адль. Тегеран.
155. Акшам. Стамбул.
156. Арас. Тегеран.
157. Ас-Саяд. Бейрут.
158. Дейли Телеграф.
- 158а. Заря Востока. Тб.
159. Иран. Тегеран.
160. Кейхан. Тегеран.
161. Комба. Тегеран.
162. Курдистан. Тегеран.
163. Кохестан. Мехабад.
164. Набат революции. Таш.
165. Ориент. Лондон.
166. Правда.
167. Растахизе Иран. Тегеран.
168. Рахбар. Тегеран.
169. Сетаре. Тегеран.
170. Таймс. Лондон.
171. Шсфар. Тегеран.
172. Шефаре сорх. Тегеран.
173. Эттелаат. Тегеран.

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|--|-----|
| Введение | 3 |
| Глава I. Некоторые вопросы демографии и социально-экономического положения иранских курдов | 7 |
| Численность и этнический состав населения | 11 |
| Социально-экономическое развитие Иранского Курдистана в 20—30-е годы | 15 |
| Глава II. Курдское движение в Иране между двумя мировыми войнами (1918—1939) | 44 |
| Восстание во главе с Ходоу | 46 |
| Восстание под предводительством Исмаил-хана Симко | 50 |
| Восстания курдских племен в период свержения каджарской династии и провозглашение Реза-хана шахом Ирана (1923—1925) | 58 |
| Повстанческое движение иранских курдов в период проведения Реза-шахом политики централизации в Иранском Курдистане (1926—1928) | 67 |
| Курдский вопрос в Иране в годы мирового экономического кризиса (1929—1933) | 79 |
| Политическое положение Иранского Курдистана в 1934—1939 гг. | 90 |
| Глава III. Национально-освободительное движение курдов в 40-е годы | 99 |
| Роль племен в политической жизни Иранского Курдистана в 40-е годы | 99 |
| Политическая обстановка в Иранском Курдистане в 1942—1945 гг. | 116 |
| Курдская республика в Мехабаде | 132 |
| Заключение | 147 |
| Примечания | 153 |
| Использованные источники и литература | 162 |

Ольга Ивановна Жигалина

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ КУРДОВ В ИРАНЕ (1918—1947 гг.)

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *Т. К. Гарушянц*. Младший редактор *Л. А. Добродеева*. Художник *Г. И. Шиф*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *Г. А. Никитина*. Корректор *М. К. Киселева*

ИБ № 15946

Сдано в набор 06.11.87. Подписано к печати 11.03.88. А-03843. Формат 84×108¹/₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. л. л. 8,82. Усл. кр.-отт. 9,03. Уч.-изд. л. 9,81. Тираж 1350 экз. Изд. № 6359. Зак. № 837. Цена 1 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы. 103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука». 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28